№ 21.
Шкафъ 60
Полка 3
№ 48.

БЕККАРІЯ

О

ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ и НАКАЗАНІЯХЪ

ВЪ СРАВНЕНІИ

СЪ ГЛАВОЮ X-ю НАКАЗА ЕКАТЕРИНЫ II

И

СЪ СОВРЕМЕННЫМИ РУССКИМИ ЗАКОНАМИ.

С. Зарудняго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1879.

4604

БЕККАРІЯ

о

ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ И НАКАЗАНІЯХЪ

и

РУССКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО.

In rebus quibuscumque difficilioribus non expectandum ut quis simul et serat et metat, sed praeparatione opus est, ut per gradus maturescant.

Bacon.

ПБ
25
335
Т32550
343

БЕККАРІЯ

О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ И НАКАЗАНІЯХЪ

ВЪ СРАВНЕНІИ

СЪ ГЛАВОЮ X-ю НАКАЗА ЕКАТЕРИНЫ II

И

СЪ СОВРЕМЕННЫМИ РУССКИМИ ЗАКОНАМИ.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ РАЗРАБОТКИ СРАВНИТЕЛЬНАГО ИЗУЧЕНІЯ

ТЕОРІИ И ПРАКТИКИ УГОЛОВНАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

БИБЛІОТЕКА
ИНСТИТУТА КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№ 68173
8°

С. Зарудnаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1879.

03 0.3.
9324.
T

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 Августа 1879 года.

Въ Типографіи Втораго Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

ПАМЯТИ

НИКОЛАЯ АНДРЕЕВИЧА

БУЦКОВСКАГО.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Къ тому кто читаетъ (предисловіе переводчика) . . . . . .
Къ тому кто читаетъ (предисловіе автора) . . . . . 1.
I. Введеніе . . . . . 7.
II. Причины наказаній.—Право наказывать . . . . . 12.
III. Слѣдствія . . . . . 15.
IV. Толкованіе законовъ . . . . . 18.
V. Неясность законовъ . . . . . 24.
VI. Тюремное заключеніе . . . . . 27.
VII. Улики и обряды суда . . . . . 31.
VIII. Свидѣтели . . . . . 38.
IX. Тайныя обвиненія . . . . . 43.
X. Внушительные допросы.—Показанія . . . . . 46.
XI. Присяга . . . . . 48.
XII. Пытка . . . . . 50.
XIII. Производство изслѣдованія и давность . . . . . 59.
XIV. Покушенія; участники, безнаказанность . . . . . 64.
XV. Умѣренность наказанія . . . . . 68.
XVI. Смертная казнь . . . . . 73.
XVII. Изгнаніе и отобраніе имущества . . . . . 84.
XVIII. Безчестье . . . . . 86.
XIX. Быстрота наказаній . . . . . 89.
XX. Неизбѣжность наказаній.—Помилованіе . . . . . 93.
XXI. Убѣжища . . . . . 96.
XXII. Оцѣнка головы преступника . . . . . 98.
XXIII. Соразмѣрность преступленія съ наказаніями . . . . . 100.
XXIV. Мѣра преступленій . . . . . 104.
XXV. Роды преступленій . . . . . 107.
XXVI. Преступленія противъ верховной власти . . . . . 109.
XXVII. Преступленія противъ частной безопасности. — Насилія. — Наказанія дворянъ . . . . . 110.
XXVIII. Оскорбленія.—Честь . . . . . 114.
XXIX. Поединки . . . . . 117.
XXX. Кражи . . . . . 119.
XXXI. Тайный провозъ неоплаченныхъ пошлиною товаровъ . . . . . 121.
XXXII. Должники . . . . . 124.
XXXIII. Общественное спокойствіе . . . . . 129.
XXXIV. Государственное тунеядство . . . . . 131.
XXXV. Самоубійство.—Бѣглецы . . . . . 133.

Стр.

XXXVI. Преступленія трудно доказываемыя . . . . . 137.
XXXVII. Особый родъ преступленій . . . . . 141.
XXXVIII. Источники ошибокъ и несправедливостей въ законодательствѣ и во первыхъ ложныя понятія о пользѣ. . . . . 143.
XXXIX. Родительская власть . . . . . 146.
XL. Преступленія какъ источникъ государственныхъ доходовъ . . 150.
XLI. Предупрежденія преступленій.—Знаніе.—Судьи.—Награды.—Воспитаніе . . . . . 152.
XLII. Заключеніе . . . . . 160.

ПРИЛОЖЕНІЯ, ОБЪЯСНЕНІЯ И ЗАМѢЧАНІЯ.

1) Отрывки изъ переписки Беккаріи съ Мореллетомъ . . . . 161.
2) Объясненіе ссылки Беккаріи на образы Макіявеля, Джіаноне, Галилея . . . . . 164.
3) Замѣтка по поводу ссылки Городисскаго на указы 13 ноября 1767 и 8 ноября 1774 года . . . . . 165.
4) Первыя десять строкъ введенія Беккаріи въ переводахъ Мореллета, Фаустенъ-Эли и Соболева . . . . . —
5) Общіе выводы Городисскаго о вліяніи Беккаріи и Монтескье на наше уголовное судопроизводство . . . . . 167.
6) Къ §VII объ уликахъ и обрядѣ суда . . . . . 169.
7) Къ § VIII объ уликахъ. Замѣчанія Городисскаго по поводу статьи 180 наказа . . . . . 170.
8) Замѣчанія Городисскаго къ § X по поводу статьи 191 наказа. 172.
9) Къ § XI о присягѣ: замѣтка переводчика объ очистительной присягѣ и объ оставленіи въ подозрѣніи . . . . . 173.
10) Къ § XII о пыткѣ . . . . . 174.
11) Къ § XVII объ отобраніи имущества *(confische)* . . . . . 176.
12) Къ § XXI объ убѣжищахъ *(asili)* . . . . . 177.
13) Къ § XXVI о преступленіяхъ противъ верховной власти *(lesa-maèstà)* . . . . . —
14) Къ § XXVII о покушеніяхъ противъ безопасности частныхъ лицъ . . . . . 182.
15) Къ § XXXIV о государственномъ тунеядствѣ *(ozio-politico)*. 183.
16) Къ § XXXVI о преступленіяхъ трудно доказываемыхъ . . 185.
17) Къ § XXXIX о родительской власти *(spirito di famiglia)* . 186.
18) Къ § XL о фискѣ . . . . . 187.
19) Отрывки изъ письма Вольтера къ Беккаріи о случаяхъ пытки во Франціи послѣ изданія его книги.—Дѣло рязанскаго окружнаго суда.—Статистическій конгресъ въ Флоренціи. 188.
20) Мнѣніе Кантў о значеніи наказа 1767 года; краткое изложеніе этого наказа словами Кантў . . . . . 191.
21) Заключительныя слова Фаустенъ-Эли о значеніи книги Беккаріи . . . . . 193.
22) Списокъ иностранныхъ словъ употреблявшихся въ переводахъ книги Беккаріи . . . . . 195.

КЪ ТОМУ, КТО ЧИТАЕТЪ.

(Предисловіе переводчика).

> . . . . i voti sempre sinceri del popolo, e sempre fausti quando possono giungere al trono.
>
> Beccaria.

Книга Беккаріи *о преступленіяхъ и наказаніяхъ* напечатана въ Италіи въ 1764-мъ году.

Въ скоромъ времени она переведена на всѣ почти европейскіе языки: въ 1765-мъ году на нѣмецкій, а въ 1766 году на французскій; но для насъ всего важнѣе то, что эта книга, чрезъ три года послѣ выхода въ свѣтъ, еще не переведенная въ цѣломъ своемъ составѣ на русскій языкъ, уже послужила исключительнымъ основаніемъ главы X-той наказа 1767-го года *объ обрядѣ криминальнаго суда*, гдѣ цѣлый рядъ статей (болѣе ста) составляетъ почти буквальный переводъ мыслей, избранныхъ Императрицею Екатериною II-ою изъ разныхъ мѣстъ сочиненія Беккаріи.

Хотя самый наказъ 1767-го года и не принятъ въ прошедшемъ столѣтіи главнымъ основаніемъ нашего уголовнаго судопроизводства, но онъ, мало по малу, проникалъ, такъ сказать, въ плоть и кровь русскаго законодательства, и, мы видимъ, что въ сводѣ законовъ 1832-го года ученіе Беккаріи уже поставлено на первомъ планѣ.

Еще большее развитіе оно получило *въ судебныхъ уставахъ 1864-го года, ровно черезъ сто лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ перваго изданія книги Беккаріи.*

Въ 1764-мъ году неизвѣстный итальянскій мудрецъ, въ своемъ уединенномъ кабинетѣ какого то забытаго города, написалъ книгу, въ коей доказывалъ, что во всѣхъ уголкахъ земного шара долженъ быть судъ быстрый, правдивый и равный для всѣхъ гражданъ; что законы должны быть милосердны, но неумолимы; что этими двумя качествами, исполняемыми всегда и вездѣ съ одинаковою суровостью, они заслужатъ то уваженіе, на коемъ зиждется общественное благосостояніе.

Въ 1864-мъ году, въ Россіи, Государь Императоръ, разсмотрѣвъ проекты судебныхъ уставовъ призналъ, что они вполнѣ соотвѣтствуютъ Его желанію водворить въ Россіи судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ подданныхъ, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить въ народѣ то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе, и которое должно быть постояннымъ руководителемъ всѣхъ и каждаго отъ высшаго до низшаго.

Это случайное совпаденіе двухъ эпохъ въ разныхъ точкахъ земнаго шара: въ Италіи 1764 годъ и въ Россіи 1864, при доказанномъ вліяніи Беккаріи на русское уголовное судопроизводство, вызвало во мнѣ желаніе представить на судъ просвѣщеннаго русскаго общества изложеніе книги Беккаріи на русскомъ языкѣ, по лучшему его итальянскому изданію; мнѣ кажется, что этого до сихъ поръ у насъ еще не сдѣлано.

Мы имѣемъ три перевода книги Беккаріи: *Языкова* (1803 г.) *Хрущова* (1806 г.) и *Соболева* (1878 г.), но послѣднія два сдѣланы съ худшихъ изданій книги,

нарушающихъ послѣдовательность сужденій въ ней изложенныхъ, а первые два сдѣланы не съ итальянскаго, а съ французскаго языка и по этой одной причинѣ они не могутъ уже считаться удовлетворительными.

Русскій языкъ по оборотамъ своей рѣчи несравненно ближе подходитъ къ итальянскому, чѣмъ французскій.

Сходство словъ французскихъ и итальянскихъ вынуждаетъ весьма часто французскаго переводчика оставлять въ переводѣ слова оригинала, но такъ какъ сходныя между собою слова этихъ двухъ языковъ не рѣдко имѣютъ различный смыслъ, то французскій переводчикъ, употребляя на своемъ языкѣ то самое слово, которое авторъ сказалъ на итальянскомъ, могъ бы иногда выразить совершенно другую мысль.

Вотъ отъ чего свѣдущіе французскіе переводчики (какъ *Морелле*тъ или *Фаустенъ-Эли*) считаютъ обязанностью измѣнять обороты итальянской рѣчи, переставлять періоды и выражать мысль, высказанную на языкѣ свободномъ по своимъ оборотамъ, жгучемъ по своимъ иносказаніямъ *(metafora)*, яснымъ по простотѣ своей, логическомъ въ своемъ развитіи,—на другомъ языкѣ, на французскомъ,—на языкѣ, скованномъ оборотами своей рѣчи, блѣдномъ по своей утонченности, не всегда яснымъ по своимъ прихотямъ и въ развитіи своемъ не столь логичнымъ, какъ языкъ итальянскій: отсюда ясно, что переводъ Беккаріи съ французскаго языка на русскій не можетъ передать съ надлежащею точностью ни послѣдовательности мыслей автора, ни силы его выраженій.

Русскій языкъ въ этомъ отношеніи гораздо ближе къ итальянскому, что и вынуждаетъ меня сказать нѣсколько словъ о трехъ переводахъ Беккаріи на русскій языкъ:

1) *Переводъ Языкова 1803 года*, по моему мнѣнію, заслуживаетъ полнаго вниманія современнаго читателя; къ сожалѣнію онъ сдѣлался библіографическою рѣдкостью и я нашелъ его только въ Императорской публичной библіотекѣ, а также въ библіотекѣ Тайнаго Совѣтника Лоскутова. Этотъ переводъ, хотя и сдѣланъ съ французскаго, а не съ итальянскаго языка, отличается чрезвычайною добросовѣстностью, и притомъ во всей книгѣ замѣтно стремленіе пользоваться только русскими словами и русскими выраженіями.

2) *Переводъ Хрущова 1806 года* сдѣланъ съ какого то дурного французскаго изданія, и потому уже нельзя поставить его на ряду съ переводомъ Языкова; онъ, какъ мнѣ кажется, во всемъ уступаетъ предшедшему; притомъ же онъ изданъ съ большими недосмотрами: въ немъ нѣтъ оглавленія; означеніе главъ книги дѣлается иногда арабскими, а иногда римскими цифрами, а нѣкоторыя цифры просто пропущены напр. § XXIX-й о тяжбахъ и объ отсрочкѣ—XXX-го § нѣтъ, а вслѣдъ за XXIX-мъ поставленъ § 31 (арабскими цифрами).

Но этотъ внѣшній недостатокъ книги не столь важенъ какъ внутренній: въ этомъ переводѣ встрѣчаются иногда довольно странныя ошибки, напримѣръ въ главѣ о *спокойствіи общественномъ* (§ 10) сказано: изъ числа преступленій третьяго рода отличествуютъ особенно тѣ, отъ которыхъ возмущается общественная безмятежность и спокойствіе гражданъ: *какъ-то отъ колокольнаго звону и бою барабаннаго, назначенныхъ для нѣкоторыхъ общенародныхъ производствъ;* въ подлинникѣ сказано: *какъ то: драки и буйства на базарахъ и улицахъ.*

Этакаго рода передачу мыслей можно назвать скорѣе иносказаніемъ, чѣмъ переводомъ. Впрочемъ, не могу

не замѣтить, что я не нашелъ въ этомъ переводѣ другой подобной ошибки.

Напротивъ, и въ немъ вездѣ замѣтно желаніе передать мысль на русскій языкъ, не злоупотребляя иностранными терминами, и по всему видно, что это трудъ, который можно было въ свое время назвать добросовѣстнымъ; нельзя не сожалѣть, что и эта книга также сдѣлалась библіографическою рѣдкостью; я ее могъ достать только въ библіотекѣ II-го отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи.

Для изслѣдователя развитія русскаго языка любопытно также и то, что русскій слогъ Хрущова (1806 г.) нѣсколько хуже слога Языкова (1803 г.); можно думать, что послѣдній принадлежалъ еще къ Екатерининскому вѣку, когда писали нѣсколько лучше, чѣмъ въ началѣ царствованія Александра Благословеннаго.

3) *Переводъ Соболева 1878 года.* Этотъ чрезвычайно добросовѣстный и притомъ современный переводъ къ сожалѣнію сдѣланъ, также какъ и переводъ Хрущова, съ одного изъ худшихъ итальянскихъ изданій, имѣющихъ развѣ только историческое значеніе.

Соболевъ говоритъ, что онъ перевелъ свою книгу съ Туринскаго изданія 1853 г. Куджини Помба и К°; хотя это изданіе мнѣ неизвѣстно, но происхожденіе его обличается ясно самимъ переводомъ: оно сдѣлано по одному изъ первыхъ оригиналовъ автора, не исправленныхъ еще имъ на основаніи замѣчаній французскаго переводчика Мореллета.

Напримѣръ введеніе Беккаріи (§ 1), гдѣ онъ излагаетъ порядокъ своего сочиненія, разбито въ этомъ переводѣ на разные отрывки, помѣщенные совершенно въ другихъ и неподходящихъ параграфахъ: такъ часть этого введенія попала въ § 8 *(дѣленіе преступленій)*, а конецъ въ § 11 *(объ общественной ти-*

шипъ); при такомъ порядкѣ изложенія невозможно понять мысль введенія.

Любопытствующій читатель удостовѣрится въ этомъ, если сравнитъ мой переводъ съ переводомъ Соболева.

Здѣсь позволю себѣ сдѣлать необходимое отступленіе.

По моему мнѣнію, книга Беккаріи принадлежитъ двумъ лицамъ: самому *Беккаріи* и его французскому переводчику аббату *Мореллѐту:* первый открыто высказалъ общія, бывшія уже въ то время всѣмъ извѣстными, понятія, которыхъ однако тогда никто еще не рѣшался высказывать такъ рѣшительно; второй привелъ эти понятія въ порядокъ, сообщилъ о своемъ трудѣ самому Беккаріи и тотъ, съ своей стороны, принялъ впослѣдствіи порядокъ изложенія книги, предложенный ему Мореллѐтомъ.

Въ приложеніяхъ къ настоящему переводу есть отрывки изъ переписки автора съ переводчикомъ, составляющіе доказательство выраженной мною мысли.

Другой недостатокъ послѣдняго перевода состоитъ въ томъ, что онъ испещренъ множествомъ иностранныхъ терминовъ въ настоящемъ случаѣ не только совершенно не нужныхъ, но даже вредныхъ и дѣлающихъ книгу непонятною, таковы напримѣръ слова: *абсурдъ, авторизированныя, агрегатъ, ассоціація, индифферентно, интенсивность, экстенсивность, имфамія, комбинація, констатировать, плебсъ, прецедентъ, принципъ, продуктъ, репрессія, рефлективный, спектакль, стимулъ, субординація, суггестивный, теологъ, территорія, фискъ, циркулировать*, и т. д.

По этимъ взятымъ въ совокупности причинамъ я признаю, что на русскомъ языкѣ до сихъ поръ еще не было *хорошаго* перевода *лучшаго* изданія книги

Беккаріи; между тѣмъ, книга, вошедшая, чрезъ три года послѣ выхода своего въ свѣтъ, въ одинъ изъ важнѣйшихъ актовъ русскаго законодательства, книга, проникавшая потомъ незамѣтно, въ теченіе цѣлаго столѣтія, въ его плоть и кровь, книга вовсе не современная и въ высшей степени современная, это не *итальянская*,—это скорѣе *русская* книга, написанная только на итальянскомъ языкѣ: Екатерина II-ая ее усыновила.

Конечно, авторъ не разрѣшилъ всѣхъ заданныхъ имъ въ этой книгѣ вопросовъ: онъ далъ только краткія указанія какъ ихъ слѣдовало бы разрѣшить; но многіе изъ нихъ уже разрѣшены страданіями народовъ въ теченіе цѣлаго столѣтія, а о разрѣшеніи остальныхъ вопросовъ еще потрудятся грядущія поколѣнія. Въ этомъ отношеніи книга эта и не *итальянская*, и не *русская*. Эту книгу слѣдовало бы назвать *обще-европейскою*, но она переведена недавно даже въ Америкѣ: значитъ, это скорѣе *всемірная книга*.

Замѣтимъ, кромѣ того, что она имѣетъ огромное значеніе не только въ *пространствѣ*, но даже и во *времени*: нѣкоторыя ея страницы кажутся написанными только вчера, между тѣмъ какъ онѣ напечатаны болѣе 115-ти лѣтъ тому назадъ.

Вотъ почему я рѣшился перевести ее на русскій современный языкъ, а чтобы облегчить сколько нибудь сравнительное изученіе теоріи и практики нашего законодательства, я не только указалъ—какія именно мѣста книги вошли буквально, или же съ нѣкоторыми измѣненіями, въ наказъ 1767-го года и въ сводъ законовъ Россійской Имперіи, но рядомъ съ текстомъ перевода поставилъ всѣ соотвѣтствующія статьи наказа, а также и подлежащія статьи свода законовъ по изданію 1876 года.

Мнѣ кажется, что такого рода изложеніе можетъ облегчить изученіе переводимаго мною сочиненія въ сравненіи съ нашимъ знаменитымъ наказомъ 1767 г., и будетъ служить полезнымъ матеріаломъ для дальнѣйшей разработки вопроса о вліяніи этого автора на русское законодательство вообще.

О жизни самого Беккаріи и о вліяніи его на наше законодательство я не буду говорить много: ссылки мои на самыя статьи нашихъ законодательныхъ актовъ и немногія приложенія, помѣщенныя въ концѣ книги, скажутъ гораздо болѣе.

Намѣчу здѣсь развѣ только самыя существенныя событія его жизни, имѣющія нѣкоторыя отношенія къ его сочиненію.

Беккарія родился 15 марта 1738 года, написалъ свою книгу, имѣя 25 лѣтъ отъ роду, и кромѣ ее ничего примѣчательнаго не сдѣлалъ.

Изъ жизни его, не особенно важной событіями, можно развѣ отмѣтить только исторію первой его женитьбы и поѣздку въ Парижъ.

Беккарія полюбилъ, избранную имъ въ жены, дѣвицу *Терезу де Бласко*, но отцу его, по той или другой причинѣ, не понравился выборъ сына.

Всѣми силами старался онъ воспрепятствовать этому браку, и, не имѣя другаго исхода, обратился къ правительству и, силою законной родительской власти, съ разрѣшенія начальства, посадилъ своего сына подъ *арестъ*, для того, какъ было сказано въ оправданіе этого *ареста*, чтобы молодой человѣкъ имѣлъ *полную свободу* обсудить основательно свое настоящее положеніе и свои намѣренія.

Впослѣдствіи, Беккарія, по ходатайству своихъ покровителей, освободился изъ заключенія и женился наконецъ на избранной имъ дѣвицѣ.

Это событіе нужно имѣть въ виду потому только,

что нѣкоторые писатели приписываютъ ему самое воззрѣніе Беккаріи на вопросъ о родительской власти (§ XXXIX), но я не думаю, чтобы собственно это событіе послужило главнымъ основаніемъ его убѣжденій по этому вопросу.

Законы государствъ западной Европы до сихъ поръ еще отчасти сохранили характеръ римской родительской власти, а противъ него только и возражалъ авторъ.

Если бы онъ написалъ эту главу въ настоящемъ столѣтіи и притомъ въ Россіи, то съ нимъ почти ни въ чемъ нельзя бы было согласиться: но такъ какъ онъ писалъ ее въ прошедшемъ столѣтіи и притомъ въ Италіи, то очевидно, что онъ возставалъ только противъ злоупотребленія такими законами, которые, по самому свойству своему, давали поводъ къ этимъ злоупотребленіямъ.

О поѣздкѣ его въ Парижъ нельзя не вспомнить здѣсь, потому что это даетъ поводъ указать на то сочувствіе, съ которымъ въ то время встрѣчали сочиненія подобныя его трактату *о преступленіяхъ и наказаніяхъ*.

Всѣ философы того времени, всѣ знаменитости: *Юмъ*, *Д'Аламбертъ*, *Мальзербъ*, *Дидеротъ*, *Бюффонъ*, *Гельвеціусъ*, *баронъ Гольбахъ* и другіе встрѣтили его съ отверзстыми объятіями.

Но Беккарія былъ человѣкъ болѣе или менѣе дикій: оставаясь равнодушнымъ къ парижскимъ наслажденіямъ и воздаваемымъ ему тамъ почестямъ, онъ думалъ только о своей супругѣ и спѣшилъ къ ней возвратиться.

Наконецъ, нельзя не вспомнить и того, что Екатерина II вызывала его въ Россію, и онъ даже рѣшился ѣхать къ намъ, но Д'Аламбертъ былъ противъ этой поѣздки, которую не допустило австрійское правительство, предоставивъ Беккаріи мѣсто профес-

сора политической экономіи въ Миланѣ, гдѣ онъ и умеръ 28 ноября 1794 года 56-ти лѣтъ отъ роду.

Не задолго до смерти своей (въ 1791 г.) Беккарія былъ назначенъ австрійскимъ правительствомъ членомъ двухъ законодательныхъ коммиссій: одной о пересмотрѣ уложенія вообще, а другой—о пересмотрѣ уголовныхъ законовъ. По поводу первой коммиссіи онъ написалъ обширный докладъ подъ названіемъ *краткія разсужденія относительно общаго уложенія о преступленіяхъ и наказаніяхъ въ отношеніи государственныхъ преступленій.* Въ другой коммиссіи, въ засѣданіяхъ 22 и 24 января 1792 года былъ возбужденъ вопросъ *объ отмѣнѣ смертной казни;* при чемъ Беккарія предложилъ назначать смертную казнь только въ случаѣ заговора противъ правительства, и хотя съ нимъ согласились еще два члена *(Скотти и Ризи)*, но другіе три члена не приняли этого предложенія и съ ними же согласился и представитель правительства *(Capitano di Giustizia)*. Послѣ того и самый вопросъ былъ сданъ въ архивъ; эти любопытные документы напечатаны въ сочиненіи Цезаря Канту съ подробнымъ изложеніемъ разныхъ мнѣній членовъ коммиссій.

Если читатели пожелаютъ имѣть болѣе свѣдѣній о жизни Беккаріи и его вліяніи на уголовное законодательство всей Европы, то кромѣ *Канту, Мореллета и Фаустенъ-Эли*, они могутъ найти ихъ въ слѣдующихъ четырехъ прекрасныхъ русскихъ сочиненіяхъ до этого предмета относящихся, и заслуживающихъ, по добросовѣстности своей, полнаго уваженія, именно:

1) Статья *Бѣликова*: Беккарія и значеніе его въ наукѣ уголовнаго права (журн. Мин. Юст., Іюль 1863 года).

2) Статья *Городисскаго*. Вліяніе Беккаріи на русское

уголовное право (журн. Мин. Юст. Сентябрь 1864 года).

3) Предисловіе *Соболева* къ его переводу Беккаріи 1878 г.

и 4) *Богородскаго*. Очеркъ исторіи уголовнаго законодательства въ Европѣ съ начала XVIII вѣка. Два тома.

Въ приложеніяхъ къ моему переводу я привожу нѣкоторые отрывки изъ статьи Городисскаго, которые, какъ мнѣ кажется, имѣютъ важное значеніе, но мои заботы направлены исключительно къ тому, чтобъ перевесть вѣрно самую книгу автора и передать отчетливо на русскомъ языкѣ его мысли: поэтому мнѣ приходится говорить здѣсь не о достоинствахъ книги, а скорѣе о ея недостаткахъ, въ особенности въ отношеніи къ слогу.

По моему мнѣнію, переводить книгу значитъ вступать въ открытую борьбу съ ея авторомъ, и я не могу согласиться вполнѣ съ *Морелле томъ*, который въ письмѣ къ *Беккаріи* въ 1766 г. говоритъ между прочимъ, что всякій переводъ, по природѣ своей, *долженъ* остаться ниже оригинала *(la nature même de toute traduction qui doit demeurer au dessous de l' original)*.

Мысль эта, по большей части справедливая, когда переводъ дѣлается вслѣдъ за оригиналомъ, какъ это и было въ данномъ случаѣ, не можетъ быть примѣнена безусловно къ переводу, который дѣлается черезъ 115 лѣтъ послѣ перваго изданія книги.

Поэтому, приступая къ переводу книги Беккаріи, я долженъ указать на тѣ недостатки его сочиненія, которые могутъ нѣсколько оправдать меня въ глазахъ общества, если я не передамъ вѣрно на русскомъ языкѣ мысли итальянскаго автора.

Самъ Беккарія поможетъ мнѣ указать эти недостатки: въ своемъ предисловіи не къ *читателю*, а *къ*

тому кто читаетъ онъ говоритъ, что книгу свою онъ написалъ такимъ *слогомъ*, который отвратитъ отъ нея безсмысленнаго невѣжду и нетерпѣливаго ученаго.

Далѣе, въ письмѣ своемъ къ Мореллету, онъ говоритъ:

«Сочиненіе мое въ вашемъ переводѣ вовсе не поте-
«ряло своей силы, развѣ только въ нѣкоторыхъ мѣс-
«тахъ, гдѣ духъ французскаго языка не сходится съ
«духомъ итальянскаго. Нашъ языкъ и гибче, и по-
«слушнѣе вашего, а можетъ быть также и то, что
«менѣе разработанный съ философской точки зрѣнія,
«онъ можетъ пользоваться, *именно по этой причинѣ*,
«выраженіями, недоступными французскому языку.
«Я не придаю никакой важности возраженіямъ вамъ
«сдѣланнымъ по поводу измѣненій въ порядкѣ изло-
«женія моего сочиненія, но я долженъ сказать, что
«когда я писалъ свою книгу, то мнѣ представлялись
«образы *Макіявеля*, *Галилея*, *Джіаноне*, мнѣ каза-
«лось, что я слышалъ звукъ цѣпей, потрясаемыхъ
«суевѣріемъ и крики изувѣровъ, заглушающіе стоны
«истины: это ужасающее зрѣлище вызвало во мнѣ
«рѣшимость *затемнять иногда свѣтъ облаками.*
«Я желалъ защищать человѣчество, но *не хотѣлъ*
«*быть его жертвою.*

«Мысль, что я долженъ былъ *въ нѣкоторыхъ слу-*
«*чаяхъ* быть непонятнымъ приводила меня иногда къ
«тому, что *я и безъ всякой надобности былъ непоня-*
«*тенъ*: прибавьте къ этому неопытность и без-
«привычность излагать свои мысли на письмѣ, про-
«стительныя человѣку 27-ми лѣтъ, начавшему писать
«только пять лѣтъ тому назадъ».

Вотъ этотъ именно недостатокъ сочиненія,—или можетъ быть, его достоинство?—на которое указываетъ самъ авторъ, и составляетъ главную трудность

перевода: эти темныя мѣста его книги могутъ быть разъяснены развѣ только историческимъ изученіемъ ея задачи; но на нихъ во многихъ мѣстахъ можно до сихъ поръ задуматься; тѣмъ не менѣе уже одно сознаніе автора показываетъ, что переводъ книги, разъяснявшейся въ теченіи столѣтія свѣтомъ науки, не долженъ непремѣнно стоять, какъ говоритъ Мореллетъ, ниже оригинала.

Въ сочиненіи Беккаріи встрѣчается не мало такихъ темныхъ мѣстъ, которыя до сихъ поръ еще остались не разъясненными; я не стану много говорить о нихъ, но укажу на двѣ главы: *государственное тунеядство* (§ XXXIV) и *преступленія особаго рода* (§ XXXVI), которыхъ нельзя понять въ буквальномъ переводѣ, если переводчикъ не рѣшится вставить одного слова, не находящагося въ оригиналѣ, но которое, впрочемъ, явствуетъ изъ общаго смысла рѣчи.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перевода я сдѣлалъ краткія замѣчанія для объясненія разныхъ неясностей.

Наконецъ, скажу еще о двухъ или трехъ недостаткахъ переводимой мною книги, на которые указываютъ французскіе авторы.

Одинъ изъ ученыхъ писателей прошедшаго столѣтія *(Д' Аламбертъ)* порицаетъ его страсть къ математическимъ формуламъ, къ сравненію движеній души съ всемірнымъ тяготѣніемъ и къ объясненіямъ нравственныхъ понятій разными геометрическими пропорціями и отношеніями.

Въ письмѣ своемъ къ Беккаріи онъ говоритъ, «я «желалъ бы, чтобы изъ вашей книги были исключены «всѣ геометрическія и научныя выраженія: ихъ можно «замѣнить простыми и общенародными; въ такомъ «видѣ книга принесетъ болѣе пользы и привлечетъ «болѣе читателей: въ метафизикѣ, и вообще въ нрав«ственныхъ наукахъ слѣдуетъ, какъ мнѣ кажется,

«отдаляться сколь возможно менѣе отъ общенароднаго «языка, потому что въ такихъ твореніяхъ говорятъ че- «ловѣческому роду, а слишкомъ еще трудно объяснить «ему съ достаточною ясностью то, что для него столь «важно».

Конечно, съ исключеніемъ математическихъ формулъ, книга Беккаріи, можетъ быть, много бы выиграла, но нельзя въ особенности не согласиться съ Д'Аламбертомъ въ томъ, что въ подобныхъ сочиненіяхъ необходимо сколь возможно болѣе приближаться къ простому языку, и слѣдовательно избѣгать *иностранныхъ терминовъ*.

Мой переводъ есть только попытка достигнуть этой цѣли.

Равнымъ образомъ я согласенъ и съ замѣчаніемъ *Фаустенъ-Эли*, что слогъ Беккаріи часто бываетъ неумѣстно напыщенъ *(souvent declamatoire)*, но въ этихъ случаяхъ переводчикъ все же долженъ, какъ мнѣ кажется, подражать автору.

Наконецъ не могу пропустить критической замѣтки *Лерминье* противъ книги Беккаріи. *Лерминье* въ своемъ введеніи къ исторіи права сказалъ: *estimons Beccaria: il aimait l'humanité, mais il ignorait entièrement la science et l'histoire.*

При всемъ моемъ уваженіи къ *Лерминье* я не рѣшаюсь перевести этихъ словъ на русскій языкъ.

Приступая къ переводу такого творенія, какъ книга Беккаріи, необходимо было выбрать хорошее ея изданіе.

Извѣстно, что въ одной Италіи ихъ было въ прошедшемъ столѣтіи болѣе тридцати.

Равнымъ образомъ ихъ было очень много и въ Германіи и во Франціи и даже въ Англіи.

По совѣту бывшаго президента итальянскаго сената

Графа Склописа, я остановился на изданіи *Цесаря Кантѝ*, посвѣщенномъ тому же *Графу Склопису*.

Это изданіе сдѣлано по образцу роскошнаго изданія, напечатаннаго только въ ста экземплярахъ въ королевской Миланской типографіи.

Примѣчательно, что оно совершенно сходится въ порядкѣ изложенія, какъ съ переводомъ Мореллета (*Traité des dêlits et des peines par Beccaria. Traduit de l'italien par André Morellet. Nouvelle édition corrigée. Paris An. V* 1797), такъ и съ изданіемъ *Faustin Hélie* (*nouvelle édition précédée d'une introduction et accompagnée d'un commentaire. Paris* 1856).

Переводъ Языкова сдѣланъ также съ изданія, если не во всемъ, то по большей части согласнаго съ этимъ изданіемъ; поэтому я полагаю, что изданіе Кантѝ напечатано по оригиналу, исправленному авторомъ на основаніи замѣчаній переводчика.

Главнымъ пособіемъ моимъ было сочиненіе *Cesare Cantù* (*Beccaria e il diritto penale*, при коемъ издано и самое сочиненіе Беккарія) а также и вышеозначенные два французскіе перевода, о коихъ я потому и скажу нѣсколько словъ.

Переводъ *Мореллета* выполненъ, какъ мнѣ кажется, съ чрезвычайною точностью и съ горячею любовью къ дѣлу: онъ передаетъ намъ мысли автора съ присущимъ ему увлеченіемъ на столько, на сколько французскій языкъ можетъ вѣрно передать итальянскіе обороты рѣчи.

Что же касается до изданія *Фаустенъ-Эли*, то я полагаю, что онъ не переводилъ сочиненія Беккаріи съ итальянскаго оригинала, а просто взялъ переводъ Мореллета и сдѣлалъ въ немъ разныя перемѣны, въ видахъ согласованія съ современнымъ слогомъ.

По крайней мѣрѣ, онъ безусловно подчинился всѣмъ перемѣнамъ, которыя первый переводчикъ сдѣлалъ въ оригиналѣ.

Но все же онъ пользовался свѣтомъ науки, и иногда вставлялъ въ свое изданіе весьма кстати слова, и даже несуществующія въ оригиналѣ выраженія, разъяснявшія весьма правильно мысль автора; тѣмъ не менѣе иногда онъ дѣлалъ, въ своихъ прекрасныхъ объясненіяхъ, и такія, которыя вовсе не согласны, ни съ авторомъ, ни съ текстомъ словъ его собственнаго перевода; на нѣкоторыя изъ нихъ я указалъ въ немногихъ приложеніяхъ къ моему переводу.

Русскіе переводы *Языкова*, *Хрущова* и *Соболева* я всегда имѣлъ передъ глазами, но мнѣніе свое о нихъ я уже высказалъ.

Теперь мнѣ нужно еще вступить въ борьбу слова съ мыслью, т. е. войти неподлежаще, въ область *языкознанія* и сказать нѣсколько *словъ о словахъ*.

Оставаясь вѣрнымъ мысли, что одни только слова ее объясняютъ, я не могу не высказать съ достаточною подробностью почему я старался вытѣснять изъ своего перевода иностранные *термины*.

Я не хочу здѣсь преслѣдовать мысль *Шишкова* и считаю, что мы, въ особенности въ изложеніи извѣстныхъ наукъ: механики, математики, ботаники, зоологіи и т. п., не можемъ обойтись безъ нѣкоторыхъ иностранныхъ терминовъ, въ особенности греческихъ, которые такъ врѣзались въ нашъ языкъ, что мы ихъ употребляемъ весьма часто сами того не замѣчая, но думаю, что мы не должны злоупотреблять этою необходимостью.

Въ особенности въ переводахъ важныхъ книгъ, къ которымъ я причисляю и книгу Беккаріи, мы должны стараться всѣми силами замѣнять иностранныя слова

чисто русскими, встрѣчающимися для этого чуть ли не въ избыткѣ.

Я думаю, что въ русскихъ произведеніяхъ не безполезно взять иногда иностранное слово, для того, чтобъ объяснить русскую мысль; но кажется, что у насъ и прежде злоупотребляли, и теперь злоупотребляютъ этимъ правомъ, которымъ я самъ пользуюсь въ своемъ предисловіи.

Не рѣдко, при чтеніи современныхъ русскихъ прекрасныхъ сочиненій, досада беретъ, когда встрѣчаешься съ такими словами, какъ: *стадія, моментально, характеризуются, мотивы, соціальный, дедуктивный, индуктивный, аргументація, категорія, догматическій, классифицировать, формулировать, эрудиція, констатировать, модификація*, и т. д.

Не потому досада беретъ, что это иностранныя слова, а потому досадно, что еслибъ авторъ не много подумалъ, то онъ, не прибѣгая къ иностраннымъ *терминамъ*, выразилъ бы свою мысль несравненно яснѣе, чѣмъ онъ это сдѣлалъ.

По моему мнѣнію, употребленіе не только въ переводахъ, но даже въ русскихъ сочиненіяхъ *лишнихъ* иностранныхъ словъ есть не что иное, какъ лѣность нашего ума; писатель думаетъ «хорошо и то, что можно сказать *эрудиція* или *аргументація*, а затѣмъ пусть самъ читатель додумается, что это значитъ въ данномъ случаѣ; пусть онъ пойметъ мою *эрудицію* и *аргументацію*, какъ хочетъ»: я ее понимаю въ смыслѣ лѣности писателя.

Не имѣя намѣренія исчислять здѣсь всѣ иностранныя слова, коими злоупотребляютъ наши современные писатели, я составилъ списокъ иностранныхъ словъ, которыя употреблялись переводчиками Беккаріи, и ко-

торыя я старался вытѣснить изъ своего перевода, хотя и не вполнѣ достигъ своей цѣли.

Конечно иныя слова, имѣющія опредѣленный смыслъ, иногда получаютъ въ обществѣ совершенно другой:—такъ напримѣръ слово *авторъ* не всегда можно перевести словомъ *сочинитель*, потому что подъ этимъ словомъ у насъ иногда понимаютъ *лгунъ, враль*.

Поэтому я старался, при замѣнѣ иностранныхъ словъ русскими, подчиниться обнаружившимся явленіямъ развитія русскаго языка въ общежитіи; съ этими явленіями никакого спора быть не можетъ, и во всякомъ случаѣ споръ будетъ разрѣшенъ не въ пользу того, кто его возбуждаетъ.

Но тѣмъ не менѣе въ числѣ многочисленныхъ, вошедшихъ въ русскій языкъ, иностранныхъ *терминовъ* нельзя не остановиться надъ такими словами, которыя сдѣлались почти русскими, напримѣръ: *результатъ, энтузіасмъ, фанатисмъ, политика, тиранія, деспотисмъ, анархія, революція, республика*.

Мнѣ кажется, что именно переводъ этихъ *иностранныхъ терминовъ* на русскій языкъ необходимъ для вѣрной передачи мысли писателя.

Такъ напримѣръ: слово *результатъ* иногда употребляется въ смыслѣ *послѣдствія, исхода*, а иногда въ смыслѣ *выраженія*.

Словомъ *фанатисмъ* иногда выражается простое *упорство*, иногда *изувѣрство*, иногда *запальчивость*, а иногда *увлеченіе*.

Слово *анархія*, своимъ чистымъ греческимъ происхожденіемъ тотчасъ же приводитъ намъ на память русскія слова: *безначаліе, безчинство, неурядица, непорядокъ*: этихъ словъ такъ много въ русскомъ языкѣ; неужели кромѣ нихъ еще нужны слова иностранныя?

Подъ именемъ *политика* понимается *наука государственной мудрости*, и хотя здѣсь одно иностранное слово переводится тремя русскими, но все же эти слова вѣрнѣе обрисовываютъ мысль для простого русскаго человѣка.

Вникая глубже въ смыслъ словъ автора, я пришелъ къ убѣжденію, что итальянское слово *tirannia* нельзя переводить на русскій языкъ *иностраннымъ терминомъ*: весьма часто его приходится передать русскими словами: *гнетъ*, *насиліе*, *самоволіе*, *самовластіе* и даже просто *сила*, и противопоставлять ихъ слову *самодержавіе*, хотя бы для того только, чтобы показать преимущество послѣдняго надъ первыми.

Точно также иностранный терминъ *революція* иногда выражаетъ *возмущеніе*, иногда *переворотъ*, а иногда просто *перемѣну*; въ астрономіи есть терминъ *пертурбація*, и астрономы объясняютъ, что этотъ терминъ означаетъ *возмущеніе* въ движеніи планетъ, или, правильнѣе, то необходимое ихъ *уклоненіе* отъ предустановленнаго пути, которое вызывается существованіемъ другихъ планетъ или тѣлъ небесныхъ: ибо въ свѣтѣ нѣтъ ничего безусловно правильнаго; нѣтъ нигдѣ непарушимаго порядка.

Притомъ же очевидно, что такія слова какъ *тираннія*, *деспотизмъ*, *анархія*, *революція* имѣютъ у насъ развѣ только историческое значеніе: намъ въ нихъ нѣтъ никакой надобности.

Наконецъ, если мы будемъ оставлять *иностранный терминъ республика*, то собьемъ съ толку читателя: ибо этотъ *терминъ* употребляется писателями и въ смыслѣ *общества* и *правительства* и *государства*; переводить его словомъ *республика* можно въ такомъ только случаѣ, когда оно употребляется въ особенномъ, исключительномъ, видовомъ его значеніи;

напримѣръ: французская республика, но если мы этому слову, употребляемому въ *родовомъ* значеніи, придадимъ *видовое*, то невозможно будетъ понять мысли автора, и я думаю, что § XXXIX Беккаріи *о родительской власти* нельзя понять, если иностранному термину *республика* не будетъ дано въ каждомъ мѣстѣ соотвѣтствующее на русскомъ языкѣ значеніе.

Тотъ, кто читаетъ увидитъ провелъ ли я въ своемъ переводѣ эту мысль, не искажая мыслей Беккаріи; для облегченія такого читателя *во всѣхъ подобныхъ случаяхъ* я поставилъ въ скобкахъ *иностранные термины*: вообще мы ближе должны присмотрѣться къ *иностраннымъ терминамъ*, для того, чтобы не только нѣкоторые термины искоренить изъ русскаго языка, но даже и выражаемыя ими понятія выбросить изъ русской жизни.

Если при употребленіи чисто русскихъ словъ въ тѣхъ случаяхъ, когда наши писатели замѣняютъ ихъ иностранными, я дѣлалъ ссылки *на иностранные термины*, то единственно для того, чтобы помочь ихъ привычкѣ и возстановить въ ихъ памяти тотъ образъ, который они себѣ представляютъ *этими терминами*: сознавая, что эти вставки дѣйствуютъ непріятно на читателя, затрудняютъ типографію, и вовсе не украшаютъ книги съ эстетической точки зрѣнія,—я все же ихъ оставилъ, какъ изъ боязни, стремленіемъ къ чистотѣ русскаго языка, исказить въ чемъ либо мысли автора, такъ и изъ желанія пособить тѣмъ, кто привыкъ разсуждать только *по иностранной терминологіи*.

Между тѣмъ, нужно подумать и о *критикѣ*.

Скажутъ: сто́итъ ли дѣлать разборъ этого перевода: мы имѣемъ уже три перевода устарѣлой книги Беккаріи, кто же у насъ захочетъ теперь разбирать переводъ

брошюры, составленной 115 лѣтъ тому назадъ и давно уже исчерпанной русскими законодателями?

Но я желалъ бы такого разбора:

во 1-хъ, по отношенію къ вѣрной передачѣ мыслей автора на русскомъ языкѣ,

во 2-хъ, по отношенію къ самому тону автора, которымъ онъ выражаетъ свои мысли, и къ тону его переводчика,

въ 3-хъ, по отношенію къ силѣ выраженій автора и переводчика, и наконецъ

въ 4-хъ, исключительно по отношенію къ чистотѣ русскаго языка, съ которою долженъ быть написанъ переводъ подобной брошюры.

Я потому только желалъ бы этого, что еслибъ, кто нибудь разобралъ такимъ образомъ мой переводъ, то я непремѣнно воспользовался бы этимъ трудомъ и съ своей стороны потрудился бы надъ новымъ изданіемъ перевода на русскій языкъ книги Беккаріи, которое сдѣлало бы еще одинъ шагъ впередъ къ достиженію моей цѣли: т. е. къ тому, чтобы въ Россіи былъ *хорошій* переводъ *хорошаго* изданія *хорошаго* сочиненія на *хорошемъ* русскомъ языкѣ; если это совершится, то я буду убѣжденъ въ томъ, что я сдѣлалъ *хорошее* дѣло.

Всякое предисловіе должно оканчиваться громкою фразою.

Находясь подъ вліяніемъ мыслей Беккаріи, я долго сочинялъ ее и не могъ сочинить; я сталъ ее искать въ разныхъ сочиненіяхъ и гдѣ же нашелъ ее? въ самой книгѣ Беккаріи, мною переводимой.

Вотъ почему я долженъ сказать здѣсь еще нѣсколько *лишнихъ* словъ:

Выше замѣчено съ какимъ сочувствіемъ встрѣчена была книга автора во Франціи современными ему философами, но я забылъ сказать, что она подверглась въ Италіи самой злой критикѣ.

Автора называли невѣждою, разбойникомъ и злодѣемъ: а этотъ невѣжда шолъ противъ невѣжества; этотъ разбойникъ возставалъ противъ разбоя; этотъ злодѣй ратовалъ противъ злодѣяній.

Впрочемъ, онъ иногда старался *затемнять свѣтъ облаками*.

Въ своемъ предисловіи *къ тому кто читаетъ* Беккарія говоритъ, что онъ вовсе не порицаетъ современнаго ему порядка управленія въ государствахъ; онъ утверждаетъ, что книга его имѣетъ въ виду осмѣять только злоупотребленія минувшихъ вѣковъ; что онъ считаетъ нужнымъ опорочить только законодательства *прежняго времени*, уже не существовавшія въ ту минуту, когда онъ писалъ свою книгу; онъ прибавляетъ, что если и могъ написать эту книгу, то единственно вслѣдствіе благоразумнаго вліянія Правительства, при коемъ онъ имѣлъ счастье принести какую нибудь пользу своему отечеству.

Очевидно, что вслѣдствіе торжества мысли надъ словомъ онъ въ концѣ своего введенія (§ 1) говоритъ: «но если, защищая общечеловѣческія права и требованія непобѣдимой истины, я могу спасти отъ ужасовъ и мученій смерти хотя одну несчастную жертву жестокости и невѣжества, одинаково безпощадныхъ, то слезы и благословенія одного невиннаго, вырвавшіяся изъ груди его въ порывѣ восторга, вознаградятъ меня за презрѣніе толпы».

Но и эта фраза меня не удовлетворяетъ.

Афоризмъ Бекона, взятый авторомъ за эпиграфъ своей книги, гораздо лучше.

Въ немъ сказано: *нельзя въ одно и тоже время и сѣять и жать*: прежде всего нужно подготовить почву, на которой можетъ возрастать хорошая жатва.

Слѣдуя по стопамъ Петра Великаго, *Екатерина* подготовила *намъ* эту почву: *мы* должны сѣять и помнить въ тоже время, что жатву будетъ собирать только отдаленное наше *потомство*.

С. Зарудный.

Ораніенбаумъ
7 августа 1879 г.

КЪ ТОМУ КТО ЧИТАЕТЪ.

(Предисловіе Беккаріи).

Нѣкоторые остатки законовъ древняго народа, отличавшагося своими завоеваніями, собранные по приказанію Императора, царствовавшаго 12 столѣтій тому назадъ въ Константинополѣ, смѣшанные впослѣдствіи съ обычаями Лонгобардовъ и впутанные въ безпорядочные томы частныхъ и темныхъ толкованій, составляютъ это преданіе мнѣній, которое однако въ большей части Европы носитъ названіе законовъ.

Насъ губитъ то обыкновенное въ настоящее время явленіе, что какое нибудь мнѣніе *Карпцова* (нѣмецкій юристъ начала XVII столѣтія), что нибудь въ родѣ древняго обычая, отъисканнаго *Кларо* (пьемонтскій юристъ, умеръ въ 1575 г.), особый видъ пытки, внушенный варварскою любезностью *Фаринаціо* (римскій юристъ, умеръ въ 1618 г.) считаются у насъ законами и имъ съ довѣрчивостью подчиняются тѣ люди, которые должны бы съ трепетомъ приступать къ рѣшенію вопросовъ о жизни и имуществѣ людей.

Эти законы, отрепье самыхъ дикихъ временъ, желалъ бы я разобрать въ настоящей книгѣ исключительно въ отношеніи къ уголовнымъ законамъ, неустройство коихъ осмѣливаюсь изложить лицамъ, заправляющимъ общественнымъ благосостояніемъ, и

притомъ изложить ихъ такимъ слогомъ, который можетъ удалить отъ меня безсмысленнаго невѣжду и нетерпѣливаго ученаго.

Откровенное изысканіе истины и независимость мнѣній, съ которою написана эта книга, есть дѣйствіе снисходительнаго и просвѣщеннаго правительства, подъ властью коего живетъ ея авторъ.

Великіе Монархи, благодѣтели рода человѣческаго, нами управляющіе, любятъ истину, если она высказана скромнымъ философомъ, безъ грубой запальчивости, къ которой прибѣгаютъ только люди, опирающіеся на силу или на коварныя уловки, отвергаемыя разумомъ.

Нужно кромѣ того имѣть въ виду, что безпорядки, о которыхъ я говорю, какъ замѣтитъ всякій, кто вникнетъ въ подробности моего изслѣдованія, заключаютъ въ себѣ насмѣшку *(satira)* и излагаются какъ укоръ законодательству минувшихъ временъ, но вовсе не относятся ни къ настоящему столѣтію, ни къ его законодателямъ.

Слѣдовательно, кто захочетъ сдѣлать мнѣ честь своими возраженіями *(critica)*, тотъ долженъ начать съ того, чтобы хорошо понять цѣль этой работы.

Она стоитъ далеко отъ желанія ослабить въ чемъ либо законную власть: напротивъ, она стремится къ ея усиленію, ибо мнѣніе дѣйствуетъ болѣе, чѣмъ сила: милосердіе и человѣчность всегда оправдываютъ власть въ глазахъ толпы.

Дурно понявшіе мою книгу критики основываются на весьма смутныхъ понятіяхъ: это заставляетъ меня прервать на время мои разсужденія, обращенныя къ просвѣщеннымъ читателямъ, но только для того, чтобы

не возвращаться болѣе къ указаніямъ на ошибки малодушнаго рвенія или на клеветы злобной зависти.

Откровеніе, законъ естественный и искусственные договоры общества составляютъ три источника всѣхъ нравственныхъ и государственныхъ началъ, нами руководящихъ.

Основная цѣль откровенія не имѣетъ ничего общаго съ цѣлью двухъ другихъ источниковъ, но сходство между ними заключается въ томъ, что всѣ три источника ведутъ насъ къ счастью въ здѣшней временной жизни.

Обсуждать отношенія общественныхъ договоровъ не значитъ не признавать условій первыхъ двухъ источниковъ: напротивъ, такъ какъ и откровеніе, и естественный законъ, не взирая на свою святость и непоколебимость, были, по винѣ людей, неоднократно искажаемы ложными ученіями и произвольными понятіями развращенныхъ умовъ о порокѣ и добродѣтели,— то необходимо изслѣдовать отдѣльно отъ всякихъ другихъ соображеній исключительно послѣдствія общественныхъ договоровъ, дѣйствительно-ли состоявшихся, или только предполагаемыхъ по необходимости въ видахъ общественной пользы. Всѣ толки *(setta)*, всѣ ученія *(sistema)* обязаны сознать общее начало, что человѣкъ долженъ жить въ обществѣ по опредѣленнымъ законамъ общежитія, и весьма похвально убѣждать въ этомъ людей самыхъ упорныхъ и невѣрующихъ.

Поэтому существуютъ также три различные вида добродѣтели и порока: религіозный, природный и государственный *(politica)*.

Эти три вида никогда не должны быть между собою

въ противорѣчіи, но не всѣ послѣдствія и обязанности, истекающіе изъ одного изъ нихъ, истекаютъ и изъ другого.

Не все, чего требуетъ откровеніе, требуется естественнымъ закономъ, и не всѣ требованія сего послѣдняго относятся къ требованію закона общественнаго, но въ высшей степени важно отдѣлить всѣ послѣдствія этихъ условій, т. е. отъ выраженныхъ или подразумѣваемыхъ условій между людьми, потому что этимъ только путемъ можно опредѣлить границы, въ коихъ допускается дѣйствіе силы между людьми—независимо отъ самобытнаго значенія Верховнаго существа.

Слѣдовательно, понятіе о государственной *(politica)* добродѣтели можно назвать измѣнчивымъ, не заслуживая никакого укора; понятіе о добродѣтели естественной было бы всегда и чистымъ и очевиднымъ, если бы невѣжество, глупость или страсти людей ее не затемняли.

Наконецъ, понятіе о религіозной добродѣтели всегда одно и постоянно: ибо оно передано Богомъ по непосредственному откровенію и Имъ сохраняется.

Слѣдовательно, было бы совершенно неправильно приписывать тому, кто говоритъ объ общественныхъ договорахъ и ихъ послѣдствіяхъ начала, несогласныя съ закономъ естественнымъ или съ откровеніемъ, потому что этихъ началъ онъ вовсе не касается.

Было бы ошибочно причислять того, кто говоритъ о состояніи борьбы, предшествовавшемъ образованію общества, къ послѣдователямъ *Гоббеза,* который доказывалъ, что человѣкъ внѣ общества, или въ естественномъ состояніи, имѣя право на все, не знаетъ чувства долга и не имѣетъ ровно никакихъ обязанностей,

между тѣмъ, какъ слѣдовало бы сознать, что это состояніе борьбы было не что иное, какъ слѣдствіе развращенія общества, не имѣвшаго для своего руководства никакихъ законовъ.

Наконецъ, ошибочно было бы ставить въ вину писателю, разсматривающему дѣйствія общественнаго договора, то, что онъ не признаетъ прежде всего дѣйствительности существованія самаго договора.

Божественная и естественная справедливость по существу своему непоколебимы и постоянны, потому что отношенія между одними и тѣми же предметами всегда одни и тѣже; но справедливость человѣческая или государственная, будучи не что иное, какъ отношеніе между дѣйствіемъ и измѣняющимся состояніемъ общества, можетъ измѣняться по мѣрѣ необходимости или пользы для общества отъ этого дѣйствія. Свойство этой справедливости можно опредѣлить только строгимъ разборомъ сложныхъ и измѣняющихся отношеній гражданскихъ столкновеній.

Какъ только эти начала, по существу своему различныя, смѣшиваются, мы утрачиваемъ всякую надежду хорошо обсудить вопросы общественнаго благосостоянія.

Богословы должны опредѣлить границы правды и неправды въ отношеніи существа добра и зла всякаго дѣйствія; но установленіе границъ правды и неправды государственной принадлежитъ писателямъ; впрочемъ, опредѣленіе границъ одного рода справедливости не предрѣшаетъ ничего въ отношеніи другаго рода, потому что всякій видитъ на сколько добродѣтель исключительно государственная должна уступать непоколебимой добродѣтели, истекающей отъ Бога.

Кто, повторяю я, захочетъ сдѣлать мнѣ честь своею критикою не долженъ предполагать во мнѣ стремленія къ разрушенію истинныхъ понятій о добродѣтели или религіи, ибо я доказалъ, что я чуждъ подобнаго стремленія, и вмѣсто того, чтобы считать меня за невѣрующаго или возмутителя общественнаго спокойствія, пусть признаетъ онъ меня за дурного философа или непредусмотрительнаго политика; но нужно, чтобъ онъ не трепеталъ при каждомъ мнѣніи, поддерживающемъ нужды *(interessi)* человѣчества; пусть онъ докажетъ мнѣ или безполезность или государственный вредъ, могущій произойти отъ провозглашаемыхъ мною началъ; пусть онъ покажетъ мнѣ полезныя послѣдствія принятаго теперь порядка.

Я открыто далъ показаніе о моей вѣрѣ и покорности моему Государю, въ отвѣтъ на *замѣтки* и *замѣчанія;* отвѣчать на другія подобныя критическія статьи было бы безполезно; но кто будетъ писать съ соотвѣтствующимъ порядочному человѣку приличіемъ и съ такимъ знаніемъ дѣла, которое освобождало бы меня отъ необходимости доказывать самыя простыя истины, какого бы рода они не были, тотъ найдетъ во мнѣ не столько человѣка, гоняющагося за возраженіями, сколько мирнаго почитателя истины.

БЕККАРІЯ.

О преступленіяхъ и наказаніяхъ.

Нельзя въ одно и тоже время и сѣять и жать: прежде всего надо приготовить почву, на коей можетъ возрастать хорошая жатва.

Бекон.

§ 1.

Введеніе.

Мы предоставляемъ обыкновенно развитіе важнѣйшихъ постановленій или просто теченію времени, или же благоусмотрѣнію тѣхъ именно лицъ, которыя возстаютъ противъ введенія мудрыхъ законовъ, имѣющихъ цѣлью, по природѣ своей, сдѣлать благоденствіе всеобщимъ, противодѣйствуя усилію немногихъ сосредоточить его въ себѣ; но наименьшее число людей стремится къ тому, чтобы удержать полное могущество и блаженство за собою, не удѣливъ другимъ ничего, кромѣ безсилія и нищеты.

Поэтому, только перейдя черезъ тысячи ошибокъ по задачамъ, разрѣшающимъ самыя существенныя условія жизни и свободы, послѣ утомительныхъ страданій, порожденныхъ

зломъ, дошедшимъ до крайности, мы приступаемъ къ исправленію гнетущихъ насъ непорядковъ; тогда только начинаемъ мы сознавать тѣ осязательныя истины, которыя, именно по простотѣ своей, ускользаютъ отъ вниманія умовъ недоразвитыхъ, непривыкшихъ изслѣдовать событія во всѣхъ ихъ составныхъ частяхъ и получающихъ впечатлѣнія извнѣ разомъ, болѣе по привычкѣ, чѣмъ по разумѣнію.

Откроемъ книгу исторіи, и мы увидимъ, что законы, которые въ сущности составляютъ и должны составлять не что иное, какъ договоръ свободныхъ лицъ, всегда были или орудіемъ страстей немногихъ,—или же происходили вслѣдствіе случайной и мимолетной необходимости.

Они вовсе не были плодомъ спокойнаго изслѣдованія человѣческой природы, стремящейся къ тому, чтобы мы сознали, что задача нашей жизни есть предоставленіе высшаго благосостоянія наибольшему числу людей.

Счастливы тѣ немногія государства, которыя не ожидали, чтобы медленное движеніе взаимныхъ общечеловѣческихъ отношеній и превратностей жизни повлекло за собой сначала господство зла, а потомъ уже и постепенное развитіе добра, но ускоряли мудрыми законами водвореніе добра,—и всеобщаго уваженія заслуживаетъ философъ, имѣвшій дерзость изъ глубины своего незамѣтнаго и даже презрѣннаго кабинета бросить въ массу людей первыя сѣмена полезной истины, которыя долго еще будутъ оставаться безплодными.

Въ настоящее время опредѣлены уже правильныя отношенія между Государемъ и его подданными, а также между разными государствами; торговля оживилась подъ вліяніемъ мудрыхъ истинъ, сдѣлавшихся общимъ достояніемъ посредствомъ печати, и между государствами загорѣлась безмолвная борьба промышленности, самая человѣчная и самая достойная разумныхъ людей: это плоды просвѣщенія настоящаго столѣтія.

Но весьма немногіе начали изслѣдовать и порицать жестокость наказаній и неустройство уголовнаго судопроизводства, важнѣйшей отрасли законодательства, оставленной въ забвеніи почти всею Европою.

Весьма немногіе восходятъ до основныхъ началъ, стремятся къ искорененію заблужденій, накопившихся въ теченіе

нѣсколькихъ столѣтій, къ усмиренію, по крайней мѣрѣ вліяніемъ общеизвѣстныхъ истинъ, слишкомъ свободнаго развитія дурно направленной власти, которая не принесла намъ до сихъ поръ ничего, кромѣ продолжительнаго и покровительствуемаго *(autorizzato)* примѣра холодной жестокости.

Однакожъ стоны безсильныхъ, преданныхъ въ жертву безчувственному невѣжеству и богатой безпечности, варварскія истязанія, распространяемыя съ усиленною и безполезною строгостью за преступленія или недоказанныя или даже воображаемыя, безобразіе и ужасы тюрьмы, увеличиваемые неизвѣстностью, этимъ еще болѣе ужаснымъ палачомъ несчастныхъ, должны были бы возбудить умы этихъ избранныхъ людей, которые заправляютъ общественнымъ мнѣніемъ.

Безсмертный президентъ Монтескье коснулся вскользь этого вопроса; единство истины заставило меня слѣдовать по свѣтлымъ стопамъ этого великаго человѣка, но мыслящіе читатели, для которыхъ я пишу, съумѣютъ различить въ чемъ мы съ нимъ расходимся.

Я буду счастливъ, если достигну, какъ и онъ, сердечной благодарности скромныхъ, миролюбивыхъ и разсудительныхъ людей, если буду въ состояніи возбудить то благодѣтельное негодованіе, съ которымъ чувствительныя души отзываются человѣку, защищающему благосостояніе всего человѣчества.

Гл. X *наказа 30 Іюля 1767-го года, даннаго коммисіи о сочиненіи проекта новаго уложенія (Полн. Собр. Зак. Рос. Имп. № 12949).*—**142.** О обрядѣ криминальнаго суда.

143. Мы здѣсь не намѣрены вступати въ пространное изслѣдованіе преступленій, и въ подробное раздѣленіе каждаго изъ нихъ на разные роды, и какое наказаніе со всякимъ изъ сихъ сопряжено. Мы ихъ

Для соблюденія порядка слѣдовало бы прежде всего разобрать и различить всѣ отдѣльные роды преступленій и способы ихъ наказаній; но свойство наказаній, измѣнчивыхъ въ пространствѣ и вре-

выше сего раздѣлили на четыре рода: (*) въ противномъ случаѣ множество и различіе сихъ предметовъ, также разныя обстоятельства времени и мѣста, ввели бы насъ въ подробности безконечныя. Довольно будетъ здѣсь показать 1) начальныя правила самыя общія, и 2) погрѣшности самыя вреднѣйшія.

мени, вовлекло бы насъ въ безконечныя и скучныя подробности.

Поэтому достаточно будетъ указать основныя начала и самыя важныя и общія ошибки, чтобы вразумить какъ тѣхъ, которые, вслѣдствіе неправильно понимаемой любви къ свободѣ, могли бы ввести торжество безначалія *(anarchia)*, такъ и тѣхъ, которымъ нравится низведеніе общества въ условія монастырской обрядности.

144. ***Вопросъ 1.*** Откуда имѣютъ начало свое наказанія, и на какомъ основаніи утверждается право наказывать людей.

Но какія же наказанія соотвѣтствуютъ извѣстнымъ преступленіямъ?

Дѣйствительно ли полезна и необходима смертная казнь для безопасности и для охраненія порядка въ обществѣ?

Справедливы ли пытка и мученія, и достигаютъ ли они цѣли, предполагаемой законами?

Что должно быть признано лучшимъ средствомъ предупрежденія преступленій?

Одинаково ли полезны одни и тѣже наказанія во всѣ времена?

Какое они имѣютъ вліяніе на обычаи?

Всѣ эти вопросы слѣдуетъ обсудить съ тою геометрическою точностью, которая должна побѣдить и неясность лжеумозаключеній, и блескъ краснорѣчія, и страхъ сомнѣній.

(*) *Примѣчаніе переводчика.* Въ статьѣ 68—72 наказа сказано: преступленія раздѣляются на четыре рода: 1) преступленія противъ закона или вѣры; 2) противу нравовъ; 3) противъ тишины и спокойствія; 4) противъ безопасности гражданъ. Это дѣленіе основано на ученіи Монтескье (*De l'esprit des lois, livre XII ch. IV*) и несходится вполнѣ съ ученіемъ Беккаріи. Статьи 142, 143 и 144 составляютъ введеніе къ наказу, и вполнѣ соотвѣтствуютъ § 1 сочиненія Беккаріи.

Если бы даже вся моя заслуга состояла только въ томъ, что я прежде всѣхъ въ Италіи изложилъ съ нѣсколько бо̀льшею ясностью то̀, что въ другихъ государствахъ уже осмѣлились написать и начинаютъ даже приводить въ исполненіе, то и въ такомъ случаѣ, я считалъ бы себя совершенно счастливымъ; но если, защищая этимъ путемъ общечеловѣческія права и требованія непобѣдимой истины, я могу спасти отъ ужасовъ и мученій смерти хотя одну несчастную жертву жестокости и невѣжества, одинаково безпощадныхъ, то слезы и благословенія, вырвавшіяся изъ груди невиннаго въ порывѣ восторга, вознаградятъ меня за презрѣніе толпы.

§ II.

Причины наказаній.—Право наказывать.

Государственная нравственность не можетъ принесть прочной пользы, если она не основана на неизгладимыхъ чувствахъ человѣка.

Всякій законъ, уклоняющійся отъ этого начала, встрѣтитъ всегда сопротивленіе, которое, въ концѣ концовъ, его преодолѣетъ.

Такъ ничтожная сила, дѣйствующая постоянно, побѣждаетъ самое сильное движеніе, сообщенное другому тѣлу.

Изслѣдуемъ сердце человѣческое и въ немъ найдемъ истинное право Государя наказывать преступленія.

Никто не пожертвуетъ безвозмездно части своей свободы въ виду общественнаго блага; такія бредни можно встрѣтить только въ романахъ: если бы только было возможно, то каждый человѣкъ желалъ бы, чтобы условія, связывающія другихъ, не связывали бы его самого: всякій изъ насъ желалъ бы быть средоточіемъ мірозданья.

Размноженіе рода человѣческаго, незначительное само по себѣ, далеко превосходило средства, которыми могла располагать безплодная и оставленная безъ вниманія первобытная природа.

Необходимость удовлетворять нуждамъ, находившимся въ постоянномъ взаимномъ противодѣйствіи, заставила первоначальные дикіе народы соединиться между собою; первыя общины произвели по необходимости другія, для сопротивленія первымъ, и такимъ образомъ постоянная война переходила отъ личностей къ государствамъ.

Наказъ Екатерины.

145. Законы можно назвати способами, коими люди соединяются и сохраняются въ

Законы суть условія, посредствомъ которыхъ независимыя и одинокія личности,

обществѣ, и безъ которыхъ бы общество разрушилось.

утомленныя постоянною взаимною борьбою и пользованіемъ свободою, оказавшеюся безплодною, вслѣдствіе шаткости ея сохраненія, соединились въ общества.

Они пожертвовали частью этой свободы, чтобы воспользоваться остаткомъ ея съ полною безопасностью и спокойствіемъ.

Хранилищемъ всѣхъ этихъ частей свободы, пожертвованныхъ благосостоянію отдѣльныхъ личностей, является государство, и законный охранитель и распорядитель ихъ есть Государь (*).

146. Но не довольно было установить сіи способы, кои сдѣлались залогомъ; надлежало и предохранить оный: наказанія установлены на нарушителей.

Но недостаточно было создать это хранилище свободы; нужно защитить его отъ частныхъ завладѣній отдѣльными личностями, всегда стремящимися вырвать изъ него не только то, что имъ принадлежитъ, но и то, что принадлежитъ другимъ.

Отсюда возникла необходимость осязательныхъ средствъ, которыя могли бы остановить стремленіе отдѣльныхъ личностей низвергнуть все общество въ древнее неустройство *(antico caos)*.

Эти *осязательныя* средства противу нарушителей закона и называются наказаніями. Я говорю: *осязательныя* средства, ибо опытъ показалъ, что толпа можетъ усвоить для своихъ дѣйствій непреложныя истины и избѣгнуть всемірнаго начала распаденія, присущаго естественной и нравственной природѣ, единственно вслѣдствіе способовъ, непосредственно дѣйствующихъ на чувства, потому что эти только способы могутъ остановить вліяніе личныхъ страстей, всегда противодѣйствующихъ общему благу.

(*) *Примѣчаніе переводчика.* Другими словами: государство есть хранилище свободы, или что все равно, хранилище общественнаго благосостоянія.

Ни краснорѣчіе, ни убѣжденія, ни даже самыя высокія истины недостаточны для того, чтобы остановить надолго страсти, возбуждаемыя злобою дня.

Поэтому одна только необходимость заставила людей уступить другимъ часть своей свободы: отсюда ясно, что каждый отдаетъ въ общественное хранилище свободы только наименьшую часть своей собственной, и ту только часть, которая достаточна для того, чтобы другіе его защищали.

Совокупность всѣхъ этихъ малѣйшихъ частицъ является въ видѣ права наказанія; все остальное есть злоупотребленіе, а не правосудіе: сила, а не право (*).

147. Всякое наказаніе несправедливо, какъ скоро оно ненадобное для сохраненія въ цѣлости сего залога.

Наказанія, превосходящія необходимость оградить *хранилище общественнаго благосостоянія*, несправедливы по своей природѣ.

Напротивъ—наказанія тѣмъ справедливѣе, чѣмъ священнѣе и неприкосновеннѣе считается общественная безопасность, и чѣмъ болѣе свобода, сохраняемая Государемъ для своихъ подданныхъ.

(*) *Примѣчаніе автора.* Нужно замѣтить, что слово *право (diritto)* не противурѣчитъ слову *сила (forza)*; первое есть только видоизмѣненіе втораго, въ истинномъ своемъ смыслѣ болѣе полезное для большинства людей. Подъ словомъ правосудіе *(giustizia)* я не подразумѣваю ничего другого, какъ только необходимую связь выгодъ частныхъ лицъ, которые безъ этой связи распались бы въ древнее состояніе дикихъ людей. Не нужно придавать слову правосудіе *(giustizia)* какой либо вещественный образъ, какъ естественной силѣ или же значеніе чего либо существующаго. Правосудіе есть не что иное, какъ способъ, коимъ люди усвоиваютъ себѣ понятія, способъ, постоянно дѣйствующій на счастіе каждаго человѣка: тѣмъ не менѣе, я сознаю другой родъ правосудія,—исходящій отъ Бога и который имѣетъ свои непосредственныя отношенія съ наказаніями и наградами будущей жизни.

Примѣчаніе переводчика. Въ этомъ примѣчаніи автора, не взирая на кажущуюся его неясность, выражается изящная мысль: *право* есть сила. Это ясно какъ день. *Право* всегда должно быть сильнымъ, но для того, чтобъ быть сильнымъ, оно должно быть *правомъ:* такъ—своеволіе всегда останется только *насиліемъ*, и никогда не сдѣлается *правомъ*; т. е. всегда будетъ *безсильно*.

§ III.

Слѣдствія.

Наказъ Екатерины.

148. *Первое слѣдствіе* изъ сихъ начальныхъ правилъ есть сіе, что не принадлежитъ никому кромѣ однихъ законовъ опредѣлять наказаніе преступленіямъ; и что право давать законы о наказаніяхъ, имѣетъ только одинъ законодатель, какъ представляющій во своей особѣ все общество соединенное, и содержащій всю власть во своихъ рукахъ. Отсюда еще слѣдуетъ, что *судьи и правительства,* будучи сами частію только общества, не могутъ по справедливости, ниже подъ видомъ общаго блага, на другаго какого нибудь члена общества наложити наказанія законами точно не опредѣленнаго.

Первое слѣдствіе сихъ основныхъ началъ: одни только законы могутъ опредѣлять наказанія за преступленія; право установлять эти законы принадлежитъ исключительно законодателю, представляющему собою все общество, связанное взаимнымъ договоромъ.

Ни одинъ *судья* (*), (который составляетъ часть общества), не можетъ назначить своею властью наказанія другому члену того же общества; и всякое наказаніе, переходящее установленные закономъ предѣлы, несправедливо, — скажу больше,—это другое наказаніе.

Вотъ почему ни одинъ судья, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ: любви-ли къ отечеству или стремленія къ общественному благосостоянію,

(*) *Примѣчаніе переводчика.* Слово *Magistrato* я перевожу словомъ *судья,* но Беккарія здѣсь подразумѣваетъ тѣхъ судей, которые, сохраняя за собою судебную власть, пользовались полнымъ могуществомъ въ управленіи. Вотъ почему въ наказѣ 1767 года весьма правильно сказано: *судьи и правительства.* Слова: правительствующія лица не даютъ возможности изобразить вѣрно мысль автора.

149. *Другое слѣдствіе* есть, что Самодержецъ, представляющій и имѣющій во своихъ рукахъ всю власть, обороняющую все общество, можетъ одинъ издать общій о наказаніи законъ, которому всѣ члены общества подвержены; однако онъ долженъ воздержаться, какъ выше сего въ 99-мъ отдѣленіи сказано, чтобъ самому не судить: по чему и надлежитъ ему имѣти другихъ особъ, которые бы судили по законамъ (*).

не можетъ усилить наказаніе, установленное закономъ для провинившагося гражданина.

Второе слѣдствіе: Государь, представляющій самое общество, можетъ только издавать законы общіе, которые обязательны для всѣхъ членовъ общества, но не имѣетъ права судить нарушившаго общественный договоръ: въ противномъ случаѣ государство раздѣлилось бы на двѣ партіи, изъ коихъ одна представлялась бы Государемъ, удостовѣряющимъ нарушеніе договора, а другая—обвиняемымъ, отрицающимъ это нарушеніе.

Поэтому необходимо, чтобы постороннее лицо судило объ истинѣ событія.

Отсюда возникаетъ необходимость суда, рѣшенія коего были бы окончательны и состояли бы въ простомъ утвержденіи или отрицаніи отдѣльныхъ событій.

(*) *Примѣчаніе переводчика.* Въ статьяхъ 98 и 99 наказа 1767 года сказано: *въ первой*—власть судейская состоитъ въ одномъ исполненіи законовъ и то для того, чтобы сомнѣнія не было о свободѣ и безопасности гражданъ. *Во второй*—для сего Петръ Великій премудро учредилъ Сенатъ, Коллегіи и нижнія правительства, которыя должны давать судъ именемъ Государя и по законамъ: для сего и переносъ дѣлъ къ самому Государю учиненъ толь труднымъ; законъ, который не долженъ быть никогда нарушенъ.

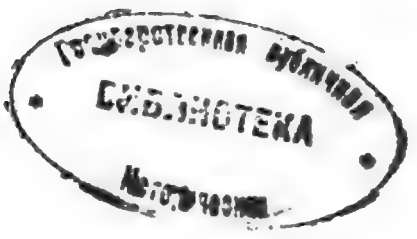
Изъ этого видно, что Екатерина II-я сознавала, что еще Петръ Великій создалъ законъ объ отдѣленіи власти судебной отъ законодательной; но мысль эта выражена ясно только въ основныхъ положеніяхъ судоустройства, Высочайше утвержденныхъ 29 сентября 1862 года, въ статьѣ 1-й коихъ сказано: *власть судебная отдѣляется отъ исполнительной, административной и законодательной.* На основаніи этого положенія составлены судебные уставы 1864 года.

150. *Третіе слѣдствіе*: когда бы жестокость наказаній не была уже опровергнута добродѣтелями, человѣчество милующими, то бы къ отрицанію оныя довольно было и сего, что она безполезна и сіе служитъ къ показанію, что она несправедлива.

Третье слѣдствіе: жестокость наказаній противодѣйствуетъ непосредственно общественному благосостоянію и самой цѣли предупрежденія преступленій.

Но если бы доказано было, что она только безполезна, то и въ этомъ случаѣ жестокость наказаній состоитъ въ прямомъ противорѣчіи какъ съ справедливостью и самою природою общественнаго договора, такъ и съ благодѣтельнымъ и благоразумнымъ правиломъ, что управленіе счастливыми людьми лучше управленія стадомъ рабовъ, преисполненныхъ робкою жестокостью.

БИБЛІОТЕКА



§ IV.

Толкованіе законовъ.

Наказъ Екатерины.

151. *(начало). Четвертое слѣдствіе:* Судьи, судящіе о преступленіяхъ, потому только, что они не законодавцы, не могутъ имѣть права толковать законы о наказаніяхъ.

Четвертое слѣдствіе: равнымъ образомъ власть толковать законы не можетъ принадлежать судьямъ, потому именно, что они не законодатели. Судьи не получили законовъ отъ нашихъ древнихъ предковъ какъ домашнее преданіе и завѣщаніе, не оставляющее потомкамъ ничего, кромѣ обязанности повиноваться, но получаютъ ихъ отъ живого общества, или отъ представителя этого общества — Государя — законнаго охранителя современнаго выраженія *(risultato)* общей воли (*).

Судьи получили законы не какъ обязанность, истекавшую

(*) *Примѣчаніе автора.* Если каждый отдѣльный членъ связанъ съ обществомъ, къ коему онъ принадлежитъ, то и общество связано въ отношеніи къ каждому изъ своихъ отдѣльныхъ членовъ условіемъ, которое по свойству своему обязываетъ обѣ стороны. Эта обязанность, нисходящая отъ престола къ хижинѣ, одинаково связывающая самаго великаго и самаго презрѣннаго изъ людей, доказываетъ только то, что въ видахъ общаго блага нужно охранять выгоды большинства людей. Слово «обязанность» *(obligazione)* употребляется болѣе въ нравственномъ, чѣмъ въ какомъ либо иномъ смыслѣ. Оно предполагаетъ: «разсужденіе», а не: «идею». Если вы будете искать какую либо идею въ словѣ: «*обязанность*», то вы ее не найдете. Разсудите—и сами поймете, и будете поняты.

изъ древнихъ соглашеній *(giuramento)*; подобныя соглашенія не дѣйствительны; они связывали бы волю лицъ, еще не существующихъ; они несправедливы, потому что низводятъ общество людей на степень безсмысленнаго стада животныхъ; судьи получаютъ законы какъ послѣдствіе выраженнаго или подразумѣваемаго соглашенія, совершеннаго по общему согласію живыхъ подданныхъ съ своимъ Государемъ, соглашенія, составляющаго необходимое звѣно, умѣряющее и управляющее внутреннимъ броженіемъ частныхъ выгодъ: въ этомъ и состоитъ природная дѣйствительная власть законовъ.

151. *(конецъ)*. Такъ кто же будетъ законный оныхъ толкователь? Отвѣтствую на сіе: Самодержецъ, а не судья; ибо должность судьи въ томъ единомъ состоитъ, чтобъ изслѣдовать: такой-то человѣкъ сдѣлалъ-ли, или не сдѣлалъ дѣйствія противнаго закону?

152. Судья, судящій о какомъ бы то ни было преступленіи, долженъ одинъ только силлогизмъ или соразсужденіе сдѣлати, въ которомъ первое предложеніе, или посылка первая, есть общій законъ: второе предложеніе или посылка вторая, изъявляетъ дѣйствіе, о которымъ дѣло идетъ, сходно-ли оное съ законами или противно имъ? заключеніе содержитъ оправданіе или наказаніе обвиняемаго. Ежели судья самъ собою, или убѣжденный темностью законовъ, дѣлаетъ больше одного силлогизма въ дѣлѣ криминальномъ, тогда уже все будетъ неизвѣстно и темно.

Кто-же долженъ быть законнымъ толкователемъ законовъ? Государь—т. е. охранитель современной воли общества, или судья, обязанность коего состоитъ только въ томъ, чтобы обсудить, совершило или нѣтъ частное лицо противозаконное дѣяніе?

По каждому дѣлу о преступленіи судья долженъ построить правильное *умозаключеніе*, въ коемъ большая посылка должна быть общій законъ; малая—дѣйствіе согласное или несогласное съ закономъ; слѣдствіе—освобожденіе или наказаніе. Если судья принужденъ или захочетъ сдѣлать сверхъ того еще хотя одно *умозаключеніе*, то этимъ откроетъ дверь неопредѣленности.

*

153. Нѣтъ ничего опаснѣе, какъ общее сіе изреченіе: *надлежитъ въ разсужденіе брати смыслъ или разумъ закона, а не слова.*

Сіе не что иное значитъ, какъ сломить преграду, противящуюся стремительному людскихъ мнѣній теченію.

Сіе есть самая непреоборимая истина, хотя оно и кажется странно уму людей, сильно поражаемыхъ малымъ такимъ настоящимъ непорядкомъ, нежели слѣдствіями, далече еще отстоящими, но чрезмѣрно больше пагубными, которыя влечетъ за собою одно ложное правило какимъ народомъ принятое.

Всякій человѣкъ имѣетъ свой собственный ото всѣхъ отличный способъ смотрѣть на вещи, его мыслямъ представляющіяся. Мы бы увидѣли судьбу гражданина, примѣняемую переносомъ дѣла его изъ одного Правительства въ другое, и жизнь его и вольность на удачу зависящую отъ ложнаго какого разсужденія или отъ дурного расположенія его судіи. Мы бы увидѣли тѣ же пре-

Нѣтъ ничего опаснѣе общей *аксіомы*, что нужно руководствоваться духомъ законовъ.

Это — плотина, подтачиваемая потокомъ мнѣній.

Истина эта мнѣ кажется доказанною, хотя она представляется мнѣніемъ страннымъ, на первый взглядъ даже дикимъ *(paradosso)* умамъ обыкновеннымъ, которымъ страшнѣе незначительный безпорядокъ въ настоящемъ, чѣмъ гибельныя, но отдаленныя послѣдствія, рождающіяся отъ ложнаго начала, укоренившагося въ государствѣ. Наши знанія и всѣ наши понятія имѣютъ взаимную связь; чѣмъ они сложнѣе, тѣмъ болѣе путей къ нимъ подходятъ и отъ нихъ исходятъ.

Каждый смотритъ съ своей точки зрѣнія, въ одно время съ одной,—а въ другое время — съ другой; при такихъ условіяхъ и разумъ законовъ былъ бы только послѣдствіемъ правильнаго или неправильнаго разсужденія судьи, легкаго или труднаго сваренія его желудка; разумъ законовъ зависѣлъ бы отъ силы страстей судьи, отъ слабости лица страдающаго, отъ отношеній судьи

ступленія, наказуемыя различно въ разныя времена тѣмъ же Правительствомъ, если захотятъ слушаться не гласа непремѣняемаго законовъ неподвижныхъ, но *обманчиваго непостоянства самопроизвольныхъ толкованій.*

Ст. 65 осн. зак. Росс. Имп.

Всѣ безъ изъятія мѣста, не исключая и высшихъ правительствъ, во всякомъ случаѣ должны утверждать опредѣленія свои на точныхъ словахъ закона, не перемѣняя въ нихъ безъ доклада Императорскому Величеству ни единой буквы и не допуская *обманчиваго непостоянства самопроизвольныхъ толкованій.*

Наказъ Екатерины.

154. Не можно сравнить съ сими непорядками тѣхъ погрѣшностей, которыя могутъ произойти отъ строгаго и точныхъ словъ придержащагося изъясненія законовъ о наказаніяхъ. Сіи скоро преходящія погрѣшности обязуютъ законъ обиженнымъ, отъ всѣхъ этихъ мелкихъ силъ, измѣняющихъ образы предметовъ въ колеблющейся душѣ человѣка.

Вотъ почему мы видимъ, что судьба гражданина измѣняется часто при переходѣ дѣла его чрезъ различные суды, и что жизнь несчастныхъ отдается въ жертву ложныхъ разсужденій или минутнаго настроенія бродящаго духа судьи, который неопредѣленное послѣдствіе дѣйствующихъ на его умъ и смѣшанныхъ между собою разнообразныхъ понятій считаетъ толкованіемъ закона; и тѣ же самыя преступленія, тѣмъ же самымъ судомъ въ разное время наказываются различно, потому только, что судьи руководствуются не постояннымъ и утвержденнымъ словомъ закона, а *блуждающею неустойчивостью толкованій* (*).

Безпорядокъ, происходящій отъ строгаго соблюденія буквы закона, нельзя сравнивать съ безпорядкомъ, истекающимъ изъ неправильнаго его толкованія; первый, какъ временное неудобство, ведетъ только къ легкому и необходимому

(*) *Примѣчаніе переводчика.* Невозможно не согласиться съ тѣмъ, что переводъ 1767 г., вошедшій и въ наши основные законы, красивѣе моего,—но я долженъ былъ перевести эти слова ближе къ подлиннику.

нодавца сдѣлать иногда въ словахъ закона, двоякому смыслу подверженныхъ, легкія и нужныя поправки, но по крайней мѣрѣ тогда еще есть узда, воспрещающая своевольство толковать и мудрствовать, могущее учиниться пагубнымъ всякому гражданину.

155. Если законы не точно и твердо опредѣлены, и не отъ слова въ слово разумѣются; если не та единственная должность судіи, чтобъ разобрать и положить, которое дѣйствіе противно предписаннымъ законамъ, или сходно съ оными, если правило справедливости и несправедливости, долженствующее управлять равно дѣйствія невѣжи, какъ и ученіемъ просвѣщеннаго человѣка, не будетъ для судіи простый вопросъ о учиненномъ поступкѣ: то состояніе гражданина страннымъ приключеніямъ будетъ подвержено.

исправленію буквы закона, возбуждающей неопредѣленность, но предупреждаетъ гибельное своевольство умозаключеній, порождающихъ произвольныя и продажныя мудрованія.

Когда законы, подлежащіе буквальному исполненію, получаютъ свою силу въ уложеніи, то на судью возлагается единственная обязанность разобрать дѣйствія гражданъ и обсудить согласны ли они или несогласны съ письменнымъ закономъ.

Когда правила, отличающія справедливость отъ несправедливости,—правила,—которыя должны заправлять дѣйствіями какъ самаго невѣжественнаго, такъ и самаго просвѣщеннаго гражданина, являются событіемъ, а не спорнымъ вопросомъ, тогда отдѣльныя личности не подвергаются мелочному своеволію *(piccole tirannie)* многихъ, тѣмъ болѣе жестокому, чѣмъ ближе мучитель къ мученику и притомъ болѣе ужасному, чѣмъ своеволіе одного лица, потому что насиліе многихъ лицъ ослабляется только насиліемъ одного лица, а жестокость одного своевольнаго владыки *(dispotico)* соразмѣрнана не силѣ его, а

156. Имѣя законы о наказаніяхъ, всегда отъ слова въ слово разумѣемые, всякъ можетъ вѣрно выложить и знать точно непристойности худаго дѣйствія, что весьма полезно для отвращенія людей отъ онаго; и люди наслаждаются безопасностію, какъ до ихъ особы, такъ и до имѣнія ихъ принадлежащею; чему такъ и быть надобно, для того, что сіе есть намѣреніе и предметъ, безъ котораго общество рушилося бы.

препятствіямъ, ему противопоставляемымъ.

Такимъ образомъ граждане пріобрѣтаютъ личную безопасность; что съ одной стороны справедливо, такъ какъ она-то и составляетъ цѣль соединенія людей въ общество, а съ другой—полезно, ибо она даетъ имъ полную возможность разсчитать основательно всѣ неудобства злодѣянія.

Правда, что граждане пріобрѣтаютъ вслѣдствіе сего духъ независимости, но не для того, чтобъ пренебрегать законами и возставать противъ высшихъ властей, а напротивъ, для того, чтобъ вооружиться противъ тѣхъ, кто смѣетъ называть священнымъ именемъ добродѣтели рабскую покорность личнымъ и своевольнымъ мудрованіямъ.

Начала эти конечно не понравятся тѣмъ, кто считаетъ себя вправѣ обращаться съ низшими съ тою же самовластною жестокостью, съ какою съ нимъ обращаются его начальники.

Мнѣ страшно было бы писать, если бы чтеніе книгъ было совмѣстимо съ духомъ своеволія *(lo spirito di tirannia)*.

§ V.

Неясность законовъ.

Наказъ Екатерины.

157. Ежели право толковать законы есть зло, то также есть зло и неясность оныхъ, налагающая нужду толкованія. Сіе неустройство тѣмъ больше еще, когда они написаны языкомъ народу неизвѣстнымъ, или выраженіями незнаемыми.

158. Законы должны быть писаны простымъ языкомъ, и уложеніе, всѣ законы въ себѣ содержащее, должно быть книгою весьма употребительною, и которую бы за малую цѣну достать можно было на подобіе букваря. Въ противномъ случаѣ, когда гражданинъ не можетъ самъ собою узнать слѣдствій, сопряженныхъ съ собственными своими дѣлами и касающихся до его особы и вольности, то будетъ онъ зависѣть отъ нѣкотораго числа людей, взявшихъ къ себѣ въ храненіе законы и толкующихъ оные.

Преступленія не столь часты будутъ, чѣмъ больше число людей уложеніе читать и ра-

Если толкованіе законовъ есть зло, то неясность ихъ есть еще вящшее зло, влекущее за собою по необходимости ихъ толкованіе; но это зло достигаетъ высшей степени, если законы будутъ издаваемы на иностранномъ языкѣ, неизвѣстномъ народу: это ставитъ его въ зависимость отъ немногихъ лицъ, ибо народъ не будетъ въ состояніи судить о значеніи своей свободы или же свободы отдѣльныхъ его членовъ, если законы изданы на языкѣ, обращающемъ книгу торжественную и общественную въ—частную и домашнюю.

Чѣмъ болѣе людей, имѣющихъ въ рукахъ и понимающихъ священное уложеніе за-

зумѣти станутъ. И для того предписать надлежитъ, что бы во всѣхъ школахъ учили дѣтей грамотѣ поперемѣнно изъ церковныхъ книгъ и изъ тѣхъ книгъ, кои законодательство содержатъ.

Ст. 62 Т. 1 Осн. Зак.

Никто не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ закона, когда онъ былъ обнародованъ установленнымъ порядкомъ.

коновъ, тѣмъ рѣже будутъ совершаться преступленія: ибо нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что незнаніе и неувѣренность въ установленныхъ законами наказаніяхъ за преступленія усиливаютъ краснорѣчіе страстей.

Что же должны мы думать о людяхъ, имѣя въ виду укоренившійся въ большей части образованной и просвѣщенной Европы обычай издавать законы на языкахъ, чуждыхъ народу (т. е. мертвыхъ). Отсюда ясно, что безъ письменности общество никогда не достигнетъ опредѣленной формы правленія, т. е. такого правленія, при коемъ сила принадлежала бы правительству, а не отдѣльнымъ партіямъ, и при коемъ законы, измѣняемые только по общему соглашенію, не искажаются, въ виду множества частныхъ выгодъ.—Опытъ и разумъ показали намъ, что вѣроятность и увѣренность въ древнія преданія уменьшаются съ удаленіемъ отъ ихъ источника: слѣдовательно, если нѣтъ твердаго основанія общественнаго договора, то какимъ же образомъ законы будутъ противустоять необходимой силѣ теченія времени и страстей.

Отсюда видимъ, какъ полезна печать, дѣлающая все общество, а не избранныхъ немногихъ только лицъ, хранителемъ святыхъ законовъ, печать,—разсѣевающая духъ каверзъ и пронырствъ, *(intrigo)*, духъ скрывающихся во мракѣ заговорщиковъ (*cabala*) (*), трепещущихъ предъ лицомъ свѣта и

(*) *Примѣчаніе переводчика.* Русское слово *кабалà* имѣетъ совершенно иное значеніе; оно понимается, по большей части въ смыслѣ рабства, холопства, неволи. (См. толков. слов. *Даля*). По итальянскому толковому словарю *Барбери* слово *Cabala* означаетъ уловки какой нибудь шайки, тайными продѣлками и заговорами направить ходъ дѣлъ въ свою пользу. Въ *Dictionnaire idéologique Робертсона* французскому слову *Cabale* указываются слѣдующія однозначащія: *intrigue, brigue, complot, trame, conspiration, machination, coup d'état, conjuration* и т. п.

науки, но показывающихъ видъ, будто они имъ пренебрегаютъ.

Вотъ почему мы видимъ, что въ Европѣ уменьшается жестокость преступленій, заставлявшихъ страдать нашихъ прародителей, бывшихъ попеременно то владыками, то рабами. Кто знаетъ исторію двухъ-трехъ послѣднихъ столѣтій и исторію настоящаго столѣтія, тотъ можетъ видѣть, какъ изъ лона роскоши и нѣги рождаются самыя сладостныя добродѣтели: человѣколюбіе, щедрость, снисхожденіе къ ошибкамъ, свойственнымъ природѣ человѣка (*). Онъ пойметъ истинное значеніе древней, такъ неправильно называемой простоты нравовъ и добросовѣстности. Вотъ оно: народы, издающіе стоны подъ игомъ неумолимаго суевѣрія; скупость и честолюбіе немногихъ, орошающія человѣческою кровью золотые сундуки и престолы королей; коварныя предательства, открытыя злодѣянія, гнетъ *(tirannia)* высшаго сословія надъ низшимъ, наконецъ представители Евангельской истины, взывающіе къ милосердію Бога съ обагренными кровью руками: все это — произведенія не нашего просвѣщеннаго столѣтія, называемаго иными развращеннымъ столѣтіемъ.

(*) *Примѣчаніе переводчика.* Ясно, что здѣсь намекъ на Русскую Императрицу Елисавету Петровну. Нѣсколько далѣе Беккарія, говоря о ней открыто, не можетъ удержать своего восторга.

§ VI.

Тюремное заключеніе.

Наказъ Екатерины. Вопросъ II.

159. Какія лучшія средства употреблять, когда должно взяти подъ стражу гражданина, также открыть и изобличити преступленіе?

160. Тотъ погрѣшитъ противъ безопасности личной каждаго гражданина, кто правительству, долженствующему исполнять по законамъ, и имѣющему власть сажати въ тюрьму гражданина, дозволитъ отъимать у одного свободу, подъ видомъ какимъ маловажнымъ, а другаго оставляти свободнымъ, не смотря на знаки преступленія самые ясные.

161. Брать подъ стражу есть наказаніе, которое отъ всѣхъ другихъ наказаній тѣмъ разнится, что оно по необходимости предшествуетъ судебному объявленію преступленія.

162. Однакоже наказаніе сіе не можетъ быть наложено, кромѣ въ такомъ случаѣ, когда вѣроятно, что гражданинъ въ преступленіе впалъ.

Не менѣе общая, какъ и противная цѣли существованія общества, ошибка, истекающая изъ понятія о личной безопасности, это предоставленіе волѣ судьи, исполнителя законовъ, заключить въ тюрьму гражданина, лишить своего врага, подъ мелкими предлогами, свободы и оставить безнаказаннымъ друга, не взирая на самыя ясныя улики преступнаго дѣянія.

Тюремное заключеніе есть наказаніе, которое должно, въ противоположность всѣмъ другимъ наказаніямъ, предшествовать судебному объявленію преступленія.

Но это отличительное свойство наказанія не лишаетъ его другого существеннаго свойства, т. е. что только одинъ законъ опредѣляетъ случаи,

163. Чего ради законъ долженъ точно опредѣлить тѣ знаки преступленія, по которымъ можно взять подъ стражу обвиняемаго и которые подвергали бы его сему наказанію, и словеснымъ допросамъ, кои также суть нѣкоторый родъ наказанія. На примѣръ:

164. Гласъ народа, который его винитъ; побѣгъ его; признаніе, учиненное имъ внѣ суда; свидѣтельство сообщника, бывшаго съ нимъ въ томъ преступленіи; угрозы и извѣстная вражда между обвиняемымъ и обиженнымъ; самое дѣйствіе преступленія и другіе подобные знаки довольную могутъ подать причину, чтобы взять гражданина подъ стражу.

165. Но сіи доказательства должны быть опредѣлены закономъ, а не судьями, которыхъ приговоры всегда противоборствуютъ гражданской вольности, если они не выведены на какой бы то ни было случай, изъ общаго правила, въ уложеніи находящагося.

166. Когда тюрьма нестолько будетъ страшна, сирѣчь, когда жалость и человѣколюбіе внидутъ и въ самыя темницы, и проникнутъ въ сердца судебныхъ служителей, въ которыхъ человѣкъ заслуживаетъ это наказаніе.

Слѣдовательно законъ долженъ указать улики преступленія, требующія задержанія обвиняемаго и подвергающія его допросу и наказанію.

Общая молва, побѣгъ, признаніе внѣ суда, показаніе участника въ преступленіи, угроза и постоянная вражда противъ обиженнаго, вещественныя доказательства *(il corpo del delitto)* и другія подобныя улики составляютъ достаточныя доказательства для заключенія гражданина.

Но эти доказательства должны быть установлены закономъ, а не судьями, рѣшенія коихъ, если они не истекаютъ прямо изъ общихъ началъ, положительно выраженныхъ въ уложеніи, всегда противны гражданской свободѣ.

По мѣрѣ того, какъ наказанія будутъ смягчаемы, съ искорененіемъ мрака и голода тюрьмы, по мѣрѣ того, какъ состраданіе и общечеловѣческія чувства будутъ прони-

лей; тогда законы могутъ довольствоваться знаками, чтобъ опредѣлить взять кого подъ стражу.

кать чрезъ желѣзные затворы и начнутъ господствовать надъ неумолимыми и ожесточенными отправителями правосудія, и законы могутъ ограничиваться слабѣйшими уликами для тюремнаго заключенія.

169. Человѣкъ, бывшій подъ стражею, и потомъ оправдавшійся, не долженъ чрезъ то подлежать ни какому безчестію. У Римлянъ сколько видимъ мы гражданъ, на которыхъ доносили предъ судомъ преступленія самыя тяжкія, послѣ признанія ихъ невинности, почтенныхъ потомъ и возведенныхъ на чиноначальства очень важныя.

Человѣкъ, обвинявшійся въ преступленіи, заключенный въ тюрьму и оправданный, долженъ быть освобожденъ отъ всякаго позора. Сколько Римлянъ, обвинявшихся въ важнѣйшихъ преступленіяхъ и признанныхъ впослѣдствіи невинными, были уважаемы народомъ и заслужили высшія почести.

Но почему же столь различна въ наше время судьба невиннаго?

170. Тюремное заключеніе есть слѣдствіемъ рѣшительнаго судей опредѣленія, и служитъ въ мѣсто наказанія.

Потому, какъ кажется, что при настоящей уголовной практикѣ *(sistema)*, по общему мнѣнію, сила и первенство преобладаетъ надъ справедливостью, потому что въ тюрьму бросаютъ вмѣстѣ съ обвиненными и обвиняемыхъ, потому что тюрьма есть скорѣе наказаніе, чѣмъ предупредительное лишеніе свободы лица, обвиняемаго въ преступленіи, и потому, что внутренняя сила, ограждающая законы, отдѣлена отъ внѣшней, защищающей престолъ и государство, между тѣмъ какъ

171. Не должно сажать въ одно мѣсто, 1) вѣроятно обвиняемаго въ преступленіи, 2) обвиненнаго въ ономъ и 3) осужденнаго. Обвиняемый держится только подъ стражею, а другіе два въ тюрьмѣ, но тюрьма сія одному изъ нихъ будетъ только часть наказанія, а другому самое наказаніе.

172. Быть подъ стражею не должно признавать за нака-

заніе, но за средство хранить опасно особу обвиняемаго, которое храненіе обнадеживаетъ его вмѣстѣ и о свободѣ, когда онъ невиновенъ.

173. Быть подъ стражею военною никому изъ военныхъ не причиняетъ безчестія, такимъ же образомъ и между гражданами почитаться должно, быть подъ стражею гражданскою.

174. Храненіе подъ стражею перемѣняется въ тюремное заключеніе, когда обвиняемый сыщется виноватымъ. И такъ надлежитъ быть разнымъ мѣстамъ для всѣхъ трехъ.

обѣ силы должны дѣйствовать совокупно. Такимъ образомъ, если бы государственное войско, въ силу общихъ законовъ, не состоя въ непосредственной зависимости отъ судей, охраняло бы тюрьмы, то слава, сопровождающая блескъ и роскошь войска, ослабляла бы пятно безчестія, которое зависитъ болѣе отъ формы, чѣмъ отъ существа событія, какъ и всѣ другія общенародныя чувства: ибо доказано, что военныя тюрьмы не наносятъ столько безчестія въ общемъ мнѣніи, какъ общія судебныя.

Варварскія впечатлѣнія и жестокосердныя понятія нашихъ предковъ, этихъ сѣверныхъ охотниковъ, надолго впечатляются въ народѣ, въ его обычаяхъ и законахъ, всегда остающихся болѣе столѣтія позади общаго современнаго развитія.

§ VII.

Улики и обряды суда.

Наказъ Екатерины.

175. Вотъ предложеніе общее для выкладки, по которой о истинѣ содѣяннаго беззаконія увѣриться можно примѣрно: когда доказательства о какомъ дѣйствіи зависятъ одни отъ другихъ, то есть когда знаковъ преступленія ни доказать ни утвердить истины ихъ инако не можно какъ однихъ чрезъ другія, когда истина многихъ доказательствъ зависитъ отъ истины одного только доказательства; въ то время, число доказательствъ ни умножаетъ ни умаляетъ вѣроятности дѣйствія по тому, что тогда сила всѣхъ доказательствъ заключается въ силѣ того только доказательства, отъ котораго другія всѣ зависятъ; и если сіе одно доказательство будетъ опровержено, то и всѣ прочія вдругъ съ онымъ опровергаются. А ежели доказательства не зависятъ одно отъ другаго, и всякаго доказательства истина особенно утверждается, то вѣроятность дѣйствія умножается по числу доказательствъ.

Главное и самое полезное правило *(teorema)* опредѣленія достовѣрности событія — это сила уликъ преступленія. Когда доказательства зависятъ одно отъ другого, т. е. когда одна улика доказывается только другою, то, чѣмъ болѣе стекается доказательствъ, тѣмъ менѣе вѣроятность событія, потому что причины, уничтожающія предшедшее доказательство, уничтожаютъ вмѣстѣ съ нимъ и всѣ послѣдующія.

Когда всѣ доказательства событія зависятъ одинаково отъ одного, то число доказательствъ не увеличиваетъ и не уменьшаетъ вѣроятности событія, потому что вся ихъ сила зависитъ отъ силы одного доказательства, изъ коего всѣ они берутъ свое начало. Когда доказательства не зависятъ одно отъ другого, т. е. когда каждая улика доказывается обстоятельствами, независящими отъ другой, то, чѣмъ болѣе стекается доказательствъ, тѣмъ болѣе разви-

лу знаковъ, для того, что несправедливость одного доказательства не влечетъ за собой несправедливости другаго. Можетъ быть кому, слыша сіе покажется странно, что Я слово вѣроятность употребляю, говоря о преступленіяхъ, которыя должны быть несомнѣнно извѣстны, чтобъ за оныя кого наказать можно было. Однакоже при семъ надлежитъ примѣчати, что моральная извѣстность есть вѣроятность, которая называется извѣстностью для того, что всякій благоразумный человѣкъ принужденъ оную за таковую признать.

176. Можно доказательство преступленій раздѣлить на два рода, на совершенныя и несовершенныя. Я называю совершенными тѣ, которыя исключаютъ уже всѣ возможности къ показанію невинности обвиняемаго; а несовершенными тѣ, которыя сей возможности не исключаютъ. Одно совершенное доказательство довольно утвердить, что осужденіе, чинимое преступнику, есть правильное.

177. *(начало).* Что же касается до несовершенныхъ доказательствъ, то надлежитъ быть ихъ числу весьма великому для составленія совершеннаго доказательства. Сирѣчь вается вѣроятность событія, потому что обманчивость одного доказательства не вліяетъ на другое.

Я говорю о вѣроятности преступленія, между тѣмъ какъ для наказанія требуется ихъ достовѣрность.

Но это кажущееся противорѣчіе исчезнетъ, если принять въ соображеніе, что нравственная *достовѣрность* есть только *вѣроятность*, но такая, которую слѣдуетъ назвать *достовѣрностью*, потому что всякій здравомыслящій человѣкъ, по привычкѣ, усвоенной имъ своею дѣятельностью, независимо отъ какого либо разсчета, признаетъ эту *вѣроятность достовѣрностью*.

Значитъ достовѣрность, необходимая для утвержденія виновности, должна быть та же самая, которая руководитъ дѣйствіями человѣка въ самыхъ важныхъ обстоятельствахъ его жизни.

надобно, чтобъ соединеніе всѣхъ такихъ доказательствъ исключало возможность къ показанію невинности обвиняемаго, хотя каждое порознь доказательство оныя и не исключаетъ.

Ст. 344 т. XV ч. 2 зак. уг. суд., изд., 1876 г.

При сужденіи о томъ составляютъ ли доказательства несовершенныя, совокупно взятыя, доказательства совершенныя, надлежитъ имѣть въ виду зависитъ ли достовѣрность многихъ доказательствъ отъ несомнѣнности одного или нѣтъ; въ первомъ случаѣ число всѣхъ ихъ не умножаетъ и не уменьшаетъ вѣроятности дѣйствія, поелику съ опроверженіемъ одного уничтожились бы и всѣ прочія; во второмъ же случаѣ вѣроятность дѣйствія умножается съ числомъ доказательствъ, поелику недѣйствительность одного не влечетъ за собою недѣйствительности другихъ.

339 Т. XV, ч. 2, изд. 1876 г.

Доказательства суть вообще двухъ родовъ: совершенныя и несовершенныя.

340 (тамъ же). Доказательства виновности почитаются совершенными, когда они исключаютъ всякую возможность къ показанію невинности подсудимаго.

Доказательства преступленія могутъ быть *совершенныя* и *несовершенныя*.

Совершенными я называю такія доказательства, которыя исключаютъ возможность непреступности извѣстной личности.

БИБЛІОТЕКА
ИНСТИТУТА КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№

342 (тамъ же). Доказательства виновности почитаются несовершенными, когда они не исключаютъ возможности къ показанію невинности подсудимаго.

Несовершенными — которыя не исключаютъ этой возможности.

341 (тамъ же). Одного совершеннаго доказательства достаточно для признанія осужденія несомнительнымъ.

Изъ первыхъ — одного достаточно для обвиненія.

343 (тамъ же). Нѣсколько несовершенныхъ доказательствъ, совокупно взятыхъ, могутъ составить совершенное доказательство, когда они исключаютъ возможность недоумѣвать о винѣ подсудимаго (*).

Изъ вторыхъ—необходимо столько доказательствъ, чтобъ можно было составить совершенное, т. е. если каждое изъ нихъ отдѣльно взятое, допускаетъ возможность невиновности, то нужно, чтобы совокупность ихъ дѣлала такое предположеніе невозможнымъ.

Наказъ Екатерины.

177. *(конецъ).* Прибавимъ къ сему и то, что несовершенныя доказательства, на которыя обвиняемый не отвѣтствуетъ ничего, чтобы довольно было къ его оправданію, хотя невинность его и должна бы ему подать средства къ отвѣту, становятся въ такомъ случаѣ уже совершенными.

Нужно замѣтить, что несовершенныя доказательства, которыя виновный можетъ опровергнуть и не сдѣлаетъ этого какъ слѣдовало бы, обращаются въ совершенныя.

Но гораздо легче чувствовать эту же нравственную достовѣрность доказательствъ, чѣмъ опредѣлить ее съ точностью:

(*) *Примѣчаніе переводчика.* Въ этой статьѣ пропущены слѣдующія слова, съ коихъ она начинается: одно несовершенное доказательство виновности *вмѣняется только въ подозрѣніе.* Эти слова пропущены потому, что *вкравшееся* въ русское законодательство ученіе о *подозрѣніи* вовсе не заимствовано у Беккаріи.

Смотри Основн. пол. угол. судопр. Выс. утв. 29 сент. 1862 г. (ст. 10) и судебные уставы 1864 г. (уст. уголовн. судопр. изд. 1876 г. ст. 646—677).

Вотъ почему я думаю, что лучше всего назначать по закону къ главному судьѣ помощниковъ, которые избирались бы по жребію, а не по назначенію, потому что въ этомъ случаѣ невѣжество, судящее по своему чувству, надежнѣе учености, судящей по своему мнѣнію.

Наказъ Екатерины.

178. Гдѣ законы ясны и точны, тамъ долгъ судьи не состоитъ ни въ чемъ иномъ, какъ вывесть наружу дѣйствіе.

Гдѣ законы ясны и точны, тамъ обязанность судьи состоитъ только въ удостовѣреніи событія.

179. Въ изъисканіи доказательствъ преступленія надлежитъ имѣти проворство и способность; чтобъ вывесть изъ сихъ изысканій окончательное положеніе надобно имѣть точность и ясность мыслей; но чтобы судить по окончательному сему положенію, не требуется больше ничего, какъ простое здравое разсужденіе, которое вѣрнѣйшимъ будетъ предводителемъ, нежели все знаніе судьи, пріобыкшаго находить вездѣ виноватыхъ.

Если при розысканіи доказательствъ преступленія требуется искусство и быстрота, если въ изложеніи добытыхъ слѣдствіемъ событій требуется ясность и точность, то для постановленія рѣшенія не нужно ничего другаго, кромѣ простого и обыкновеннаго смысла менѣе обманчиваго, чѣмъ знаніе судьи, основанное на желаніи найти виновнаго, и который всѣ свои выводы основываетъ на лживомъ ученіи (*sistema*), заранѣе имъ самимъ придуманномъ.

Счастливо государство, въ которомъ законы не наука.

180. Ради того сей законъ весьма полезенъ для общества, гдѣ онъ установленъ, который предписываетъ всякаго человѣка судити черезъ равныхъ ему; ибо когда дѣло

Весьма полезенъ законъ, по которому каждый человѣкъ судится равными себѣ, потому что тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о свободѣ и достояніи гражданина, должны умолкнуть чув-

*

идетъ о жребіи гражданина, то должно наложить молчаніе всѣмъ умствованіямъ, вперяемымъ въ насъ отъ различія чиновъ и богатства или щастія; имъ не надобно имѣть мѣста между судьями и обвиняемымъ.

181. Но когда преступленіе касается до оскорбленія третьяго, тогда половину судей должно взять изъ равныхъ обвиняемому, а другую половину изъ равныхъ обиженному.

182. Такожь и то еще справедливо, чтобы обвиняемый могъ отрѣшить нѣкоторое число изъ своихъ судей, на которыхъ онъ имѣетъ подозрѣніе. Гдѣ обвиняемый пользуется симъ правомъ, тамъ виноватый казаться будетъ, что онъ самъ себя осуждаетъ.

(См. также ст. 655 и 656 уст. угол. судопр. 1864 г.).

183. Приговоры судей должны быть народу вѣдомы, такъ какъ и доказательство преступленій, чтобы всякъ изъ гражданъ могъ сказати, что онъ живетъ подъ защитою ства, внушаемыя неравенствомъ состояній: ни высокомѣріе, съ которымъ счастливецъ смотритъ на несчастнаго, ни презрѣніе, съ которымъ низшій смотритъ на высшаго, не могутъ быть дѣятелями этого суда.

Но если проступокъ касается правъ лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ состояніямъ, то половина судей должна быть избрана изъ состоянія обиженнаго, а другая изъ состоянія обидѣвшаго; такимъ образомъ, при уравновѣшеніи всѣхъ частныхъ выгодъ, которыя невольно измѣняютъ внѣшность предметовъ, значеніе получаютъ только законъ и истина.

Было бы согласно съ справедливостью предоставить также обвиняемому право отвести извѣстное число судей, по мнѣнію его подозрительныхъ, и если это будетъ приводиться въ исполненіе безпрепятственно въ теченіи опредѣленнаго періода времени, то всѣмъ будетъ казаться, что обвиняемый осуждается самимъ собою.

Рѣшенія суда должны быть при открытыхъ дверяхъ, также, какъ и доказательства виновности, потому что общественное мнѣніе, составляющее можетъ быть единствен-

законовъ; мысль, которая подаетъ гражданамъ ободреніе, и которая больше всѣхъ угодна и выгодна самодержавному Правителю, на истинную свою пользу прямо взирающему.

(См. также ст. 817 и 831 уст. угол. судопр. 1864 г.).

ную связь членовъ общества между собою, налагаетъ узду на силу и на страсти, ибо народъ говоритъ: мы не рабы: насъ защищаютъ: чувство внушающее мужество и для Государя, понимающаго свои истинныя выгоды столь же плодотворное, какъ и налоги.

Я не стану указывать на другіе подробности и обряды, необходимые для подобныхъ учрежденій: я ничего бы не сказалъ, если бы нужно было сказать все безъ изъятія (*).

(*) *Примѣчаніе переводчика.* Для русскаго законодательства это самая важная глава изъ книги Беккаріи: съ нею связана знаменитая *теорія формальныхъ доказательствъ.* (Смотр. прил. 6, стр. 169).

§ VIII.

Свидѣтели.

Наказъ Екатерины.

184. Вещь очень важная во всѣхъ законахъ есть точно опредѣлить начальныя правила, отъ которыхъ зависитъ имовѣрность свидѣтелей и сила доказательствъ всякаго преступленія.

185. Всякій здраваго разсудка человѣкъ, то есть котораго мысли имѣютъ нѣкоторую связь однѣ съ другими, и котораго чувствованія сходствуютъ съ чувствованіями сму подобныхъ, можетъ быть свидѣтелемъ. Но вѣрѣ, которую къ нему имѣть должно, мѣрою будетъ причина, для коей онъ захочетъ правду сказать или не сказать. Во всякомъ случаѣ свидѣтелямъ вѣрить должно, когда они причины не имѣютъ лжесвидѣтельствовать.

246 Т. XV ч. 2 уг. суд. Всякое лицо какъ мужескаго, *такъ и женскаго пола*, можетъ быть допрошено какъ свидѣтель, когда оно имѣетъ здравыя физическія чувства и

Въ каждомъ хорошемъ законодательствѣ весьма важно опредѣлить съ точностью достовѣрность свидѣтелей и доказательства преступности.

Дѣйствительная оцѣнка достовѣрности свидѣтеля состоитъ исключительно въ томъ, что̀ для него выгоднѣе: *сказать правду или неправду*; отсюда истекаетъ *ничтожность предлога о недостовѣрности показаній женщины.*

Отождествленіе дѣйствительной и гражданской смерти осужденныхъ не имѣетъ разумнаго основанія и клеймо безчестія на людей, когда они не могутъ имѣть никакой выгоды въ томъ, чтобы говорить неправду, вовсе не достигаетъ своей цѣли.

Свидѣтелемъ можетъ быть всякій здравомыслящій человѣкъ, т. е. имѣющій опредѣленное сознаніе собственныхъ своихъ мыслей, если ощущенія его согласны въ общемъ

разсудокъ для познанія предмета, о которомъ требуется его свидѣтельство, и когда нѣтъ причины предполагать, что показаніе его будетъ не вѣрно.

Наказъ Екатерины.

186. Есть люди, которыя почитаютъ между злоупотребленіями словъ вкравшимися и сильно уже вкоренившимися въ житейскихъ дѣлахъ, достойнымъ примѣчанія то мнѣніе, которое привело законодавцевъ уничтожить свидѣтельство человѣка виноватаго, приговоромъ уже осужденнаго. Такой человѣкъ почитается гражданскимертвымъ, говорятъ законоучители; а мертвый никакого уже дѣйствія произвести не можетъ.

Если только свидѣтельство виноватаго осужденнаго не препятствуетъ судебному теченію дѣла, то для чего не дозволить и послѣ осужденія, въ пользу истины и ужасной судьбины несчастнаго, еще мало времени, чтобъ онъ могъ или самъ себя оправдать, или и другихъ обвиненныхъ, ежели только можетъ представить новыя доказательства, могущія перемѣнить существо дѣйствія.

187. Обряды нужны въ отправленіи правосудія; но смыслѣ съ ощущеніями другихъ людей.

Между многими злоупотребленіями кривотолковъ, которые имѣли не мало вліянія на нашу судьбу, замѣчательно правило, признающее ничтожнымъ и недѣйствительнымъ показаніе осужденнаго; онъ умеръ гражданскою смертію говорятъ дѣловые законовѣды, а умершій дѣйствовать уже не можетъ.

Для поддержанія этого вздорнаго иносказанія *(metafora)* люди многимъ пожертвовали, и часто спорили взаправду не слѣдуетъ ли судебныя обрядности предпочесть истинѣ.

Если только показанія обвиненнаго не останавливаютъ теченіе судебнаго преслѣдованія, то за чѣмъ же не предоставить преступнику, даже и послѣ его обвиненія, достаточный просторъ для того, чтобы онъ, въ стремленіи къ истинѣ, имѣлъ возможность привести новыя измѣняющія видъ дѣла обстоятельства, и оправдать себя или другихъ посредствомъ новаго рѣшенія суда.

Обряды судопроизводства и предустановленная торжест-

они не должны быть никогда такъ закономъ опредѣлены, чтобы когда нибудь могли служить къ пагубѣ невинности; въ противномъ случаѣ они принесутъ съ собою великія безполезности.

венность *(le cerimonie)* необходимы, какъ для того, чтобъ уничтожить произволъ судьи, такъ и съ цѣлью удостовѣрить народъ, что ему данъ судъ правый и постоянный, а не корыстный и перемѣнчивый, а также и потому, что на людей подражательныхъ и на рабовъ привычки—сильнѣе дѣйствуютъ внѣшнія впечатлѣнія, чѣмъ разсужденіе.

Но обряды эти не должны быть устанавливаемы закономъ ко вреду истины, которая, вслѣдствіе излишней простоты или излишней сложности, нуждается въ нѣкоторой внѣшней торжественности, примиряющей ее съ невѣжественною толпою.

188. Чего для можно принять во свидѣтели всякую особу, никакой причины не имѣющую къ ложному послушествованію. По сему вѣра, которую къ свидѣтелю имѣть должно, будетъ больше или меньше въ сравненіи ненависти или дружбы свидѣтелевой къ обвиняемому, также и другихъ союзовъ или разрывовъ, находящихся между ими.

Достовѣрность свидѣтеля уменьшается по мѣрѣ ненависти или дружбы или близкихъ отношеній между свидѣтелемъ и преступникомъ.

189. Одного свидѣтеля не довольно для того, что когда обвиняемый отрицается отъ того, что утверждаетъ одинъ свидѣтель, то нѣтъ тутъ ничего извѣстнаго, и право, всякому принадлежащее, вѣрить ему, что онъ правъ, въ такомъ случаѣ перевѣшиваетъ на сторону обвиняемаго.

Необходимо нѣсколько свидѣтелей: ибо если одинъ изъ нихъ утверждаетъ, а другой отрицаетъ, то нѣтъ ничего достовѣрнаго, и нужно отдать предпочтеніе общему праву человѣка — считаться невиннымъ.

190. Имовѣрность свидѣтеля тѣмъ меньше есть силы, чѣмъ преступленіе тяжчае и обстоятельства менѣе вѣроятны. Правило сіе также употребить можно при обвиненіяхъ въ волшебствѣ, или въ дѣйствіяхъ безо всякой причины суровыхъ.

345. *Т. XV ч. 2 изд. 1876 г.* Вообще при изслѣдованіи силы доказательствъ надлежитъ наблюдать, что чѣмъ болѣе тяжко обвиненіе, тѣмъ сильнѣе должны быть и доказательства.

Достовѣрность свидѣтеля тѣмъ явственнѣе уменьшается, чѣмъ болѣе увеличивается жестокость проступка или невѣроятность обстоятельствъ.

Таковы напримѣръ обвиненія въ *колдовствѣ* или *въ дѣйствіяхъ безцѣльно жестокихъ* (*).

Въ *первомъ случаѣ* вѣроятнѣе предполагать ложное показаніе многихъ свидѣтелей, чѣмъ преступленіе одного обвиняемаго: ибо легче думать, что нѣсколько человѣкъ поддаются или обману невѣжества или преслѣдованію по злобѣ, чѣмъ предположить, что человѣкъ пользуется такою

(*) *Примѣчаніе автора.* По мнѣнію ученыхъ изслѣдователей уголовнаго права *(criminalisti)*, чѣмъ сильнѣе преступленіе, тѣмъ достовѣрнѣе показаніе свидѣтеля. Вотъ желѣзное правило, продиктованная самымъ жестокосердымъ невѣжествомъ: «*In atrocissimis leviores conjecturae sufficiunt et licet judici jura transgredi*». — Переведемъ это на общедоступный языкъ и европейцы узнаютъ одно изъ многочисленныхъ и самыхъ неразумныхъ правилъ тѣхъ людей, коимъ они безсознательно подчиняются: «*Въ самыхъ жестокихъ преступленіяхъ (т. е. наименѣе возможныхъ) самое поверхностное предположеніе достаточно, и позволяетъ судьѣ дѣйствовать внѣ законныхъ предѣловъ*». Безсмысленная практика законодательства часто происходитъ отъ страха, главнаго источника человѣческихъ противорѣчій. Запуганные законодатели (таковы законовѣды, которымъ судьба позволила разрѣшать все, и сдѣлаться изъ заинтересованныхъ и продажныхъ писателей посредниками и законодателями общаго благосостоянія), для осужденія какого нибудь невиннаго, загромоздили отправленіе правосудія невозможными обрядами и разнообразными изъ нихъ исключеніями, точное исполненіе коихъ поставило бы безнаказанную неурядицу *(anarchia)* на мѣсто правосудія. Запуганные иными наглыми преступленіями, которыя доказать трудно, они были поставлены въ необходимость нарушать установленныя ими самими обрядности и такимъ образомъ иногда съ своевольнымъ *(dispotica)* нетерпѣніемъ, иногда съ женскою боязнію, превращали важныя рѣшенія въ родъ игры, гдѣ главную роль исполняютъ случай и коварство.

властью, которой Богъ никому не предоставилъ или же отнялъ у всякаго существа.

Равномѣрно и *въ послѣднемъ случаѣ:* ибо жестокость человѣка беретъ свое начало только въ личной выгодѣ, страхѣ или ненависти.

Въ сущности человѣкъ не страдаетъ избыткомъ чувствительности: она всегда бываетъ соразмѣрнымъ послѣдствіемъ произведенныхъ на его чувства впечатлѣній.

Равномѣрно достовѣрность свидѣтеля иногда уменьшается, когда онъ состоитъ членомъ какого-либо частнаго общества, правила и обычаи коего или мало извѣстны, или же находятся въ разнорѣчіи съ общею жизнію: такой человѣкъ находится подъ вліяніемъ не только своихъ собственныхъ, но и чужихъ страстей.

Наконецъ достовѣрность свидѣтеля почти ничтожна, когда рѣчь идетъ о *словахъ*, вмѣняемыхъ въ преступленіе: ибо звукъ голоса, движенія говорящаго, все что предшествуетъ и слѣдуетъ за выраженіемъ различныхъ мыслей, коимъ придается то или другое значеніе, такъ измѣняютъ суть всего сказаннаго, что почти невозможно повторить буквально то, что именно было сказано.

Далѣе, насильственныя и необычайныя дѣйствія, каковы дѣйствительныя преступленія, оставляютъ за собою слѣды во множествѣ обстоятельствъ и послѣдствій, изъ нихъ истекающихъ; чѣмъ болѣе этихъ слѣдовъ—тѣмъ болѣе у обвиняемаго средствъ для защиты: но *слова* остаются только въ памяти большею частію невѣрной и, весьма часто, въ подкупной памяти человѣка, слышавшаго слова, называемыя преступленіемъ.

Поэтому гораздо легче оклеветать въ произнесеніи словъ, чѣмъ въ совершеніи дѣйствій.

§ IX.

Тайныя обвиненія.

Тайныя обвиненія принадлежатъ къ тѣмъ очевиднымъ, хотя и освященнымъ въ употребленіи, непорядкамъ, сдѣлавшимся во многихъ государствахъ необходимостью, вслѣдствіе ошибокъ въ основныхъ государственныхъ законахъ: они дѣлаютъ людей лукавыми *(falsi)* и скрытными; кто можетъ подозрѣвать въ комъ либо доносчика, тотъ видитъ въ немъ своего врага.

Подобныя условія въ этихъ случаяхъ пріучаютъ насъ скрывать свои собственныя чувства, а привычка скрывать ихъ отъ другихъ влечетъ за собою привычку скрывать ихъ отъ самихъ себя.

Несчастны люди, дожившіе до такого состоянія: не имѣя ясныхъ и непоколебимыхъ руководящихъ основныхъ началъ, они блуждаютъ и колеблятся въ волнахъ разныхъ сомнѣній; всегда озабоченные мыслію о спасеніи отъ ужасовъ имъ угрожающихъ, они постоянно проводятъ настоящее время подъ горькимъ впечатлѣніемъ неопредѣленности будущаго.

Лишенные продолжительныхъ наслажденій безмятежной и безопасной жизни, они съ жадностью и безпорядочностью хватаются за тѣ немногія, разсѣянныя тамъ и сямъ, удовольствія, которыя, въ тоскливомъ ихъ существованіи, утѣшаютъ ихъ въ томъ, что они жили на свѣтѣ.

И изъ этихъ то людей мы сдѣлаемъ неустрашимыхъ героевъ, защитниковъ отечества и престола?

И между ними мы будемъ искать безкорыстныхъ судей, съ свободнымъ, вызываемымъ любовью къ отечеству краснорѣчіемъ, отстаивающихъ и развивающихъ настоящія выгоды Государя; тѣхъ людей, которые должны нести къ престолу, вмѣстѣ съ налогами, любовь и благословеніе всѣхъ сословій, и отъ престола возвращать и во дворцы и въ хижины миръ, спо-

койствіе и плодотворную надежду улучшить судьбу, основы и жизнь государства?

Кто можетъ защитить себя отъ клеветы, вооруженной самымъ сильнымъ щитомъ насилія *(tirannia)*—тайною?

Какая же это форма правленія тамъ, гдѣ верховная власть ищетъ въ каждомъ подданномъ врага своего и, въ видахъ достиженія общаго спокойствія, отнимаетъ у каждаго гражданина его собственное.

Что можно привесть въ оправданіе тайнаго обвиненія и наказанія?

Общественное благосостояніе? безопасность? или охраненіе формы правленія?

Но не странно ли учрежденіе, гдѣ верховная власть, имѣя за собою и силу и общественное мнѣніе, которое важнѣе силы, боится каждаго гражданина?

Охрана обвинителя?—Значитъ законы недостаточно его охраняютъ? Да развѣ подданные могутъ быть сильнѣе Государя?

Позоръ доносчика?—Значитъ тайная клевета дозволяется, а наказывается только открытая? Свойство проступка?—Если маловажныя дѣйствія, и даже полезныя для общества, считаются преступными, то конечно нѣтъ тайны достаточной для подобнаго обвиненія и суда.—Но развѣ существуютъ преступленія, т. е. оскорбленія, нанесенныя всему обществу, въ гласномъ, для примѣра, осужденіи коихъ судомъ все общество не было бы заинтересовано.

Я уважаю всѣ правительства и не говорю ни объ одномъ изъ нихъ въ особенности.

Иногда по злополучному стеченію обстоятельствъ можно думать, что искорененіе зла было бы въ высшей степени гибельно, когда оно прирождено порядку *(sistema)* государственнаго устройства.

Но если бы мнѣ суждено было предписать законы для какого нибудь забытаго уголка вселенной, то прежде, чѣмъ допустить подобныя правила, дрогнула бы моя рука, и все наше потомство воздвиглось бы предъ моими глазами.

Монтескье сказалъ уже, что гласное обвиненіе соотвѣтствуетъ болѣе республикѣ, гдѣ общественное благо составляетъ главную страсть гражданъ, чѣмъ монархіи, гдѣ это

чувство чрезвычайно слабо по самому свойству правленія, и гдѣ прокурорскій надзоръ, обвиняющій во имя общества нарушителей закона, есть превосходное учрежденіе.

Но всякое правленіе, и республиканское и монархическое, должно подвергать клеветника тому же самому наказанію, какъ и обвиненнаго.

§ X.

Внушительные допросы.—Показанія.

Наши законы воспрещаютъ внушительные допросы при производствѣ дѣла, т. е., по мнѣнію ученыхъ, относящіеся къ виду, между тѣмъ, какъ допросы должны относиться только къ роду обстоятельствъ преступнаго дѣянія: ибо первые допросы, имѣющіе съ нимъ непосредственную связь, внушаютъ преступнику необдуманное показаніе.

Допросы, по мнѣнію ученыхъ изслѣдователей уголовнаго права *(criminalisti)*, должны, такъ сказать, кружиться около событія, постепенно къ нему приближаясь, но никогда не должны идти къ нему на встрѣчу по прямой линіи.

Цѣль этого воспрещенія состояла или въ томъ, чтобы не внушить преступнику отвѣта, который поставилъ бы его лицомъ къ лицу съ наказаніемъ, или, можетъ быть, въ томъ, что признаніе преступника, обвиняющаго самаго себя было бы противно человѣческой природѣ; но и въ томъ и въ другомъ случаѣ замѣчательно противорѣчіе законовъ, которые рядомъ съ этимъ правиломъ разрѣшаютъ пытку: ибо можетъ ли быть какой либо допросъ внушительнѣе чувства боли?

Въ первомъ случаѣ пытка внушитъ человѣку сильному упорное молчаніе, которое поведетъ къ замѣнѣ сильнѣйшаго наказанія слабѣйшимъ.

Напротивъ человѣку слабому пытка внушитъ признаніе, для того, чтобы освободиться отъ претерпѣваемыхъ въ настоящую минуту мученій, которыя тогда гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ мученія ожидаемыя.

Во второмъ случаѣ оказывается тоже самое, потому что если внушительные допросы дѣйствительно противны природѣ человѣка, долженствующаго сознаться въ преступленіи, то мученія пытки скорѣе приведутъ къ тому же исходу *(risultato)*, но мы всегда обращаемъ болѣе вниманія на различія въ словахъ, чѣмъ на различія въ дѣйствіяхъ.

Наказъ Екатерины.

191. Кто упрямится, и не хочетъ отвѣтствовать на вопросы, ему отъ суда предложенные, заслуживаетъ наказаніе, которое закономъ опредѣлить должно, и которому надлежитъ быть изъ тяжкихъ между установляемыми, чтобъ виноватые не могли тѣмъ избѣжать, дабы ихъ народу не представили въ примѣръ, который они собою дать должны. Сіе особенное наказаніе не надобно, когда нѣтъ въ томъ сомнѣнія, что обвиняемый учинилъ точно преступленіе, которое ему въ вину ставятъ; ибо тогда уже признаніе не нужно, когда другія неоспоримыя доказательства показываютъ, что онъ виноватъ. Сей послѣдній случай есть больше обыкновенный, понеже опыты свидѣтельствуютъ, что по большей части въ дѣлахъ криминальныхъ виноватые не признаются въ винахъ своихъ.

Ст. 223, Т. XV. ч. 2.

Если обвиняемый по упрямству не будетъ давать совсѣмъ никакихъ отвѣтовъ на вопросы ему предлагаемые, то, не домогаясь признанія, изыскивать другія доказательства и потомъ, при сужденіи о преступленіи, прилагать къ винѣ его и упорство въ отвѣтахъ (*).

(*) Смотр. прил. 8 стр. 172.

Наконецъ тотъ, кто при допросѣ упорствуетъ и не отвѣчаетъ на задаваемые ему вопросы, заслуживаетъ наказанія, предусмотрѣннаго закономъ, и это наказаніе должно быть одно изъ тягчайшихъ, потому что мы не имѣемъ права пренебрегать этимъ примѣромъ, которымъ мы обязаны предъ обществомъ.

Но это наказаніе не нужно, когда несомнѣнно, что обвиненный совершилъ преступленіе, ибо и допросъ на столько же безполезенъ, на сколько безполезно и признаніе обвиняемаго, когда дѣйствительность совершенія преступленія явствуетъ изъ другихъ доказательствъ.

Этотъ послѣдній случай всего чаще встрѣчается: ибо опытъ показываетъ намъ, что преступники большею частью отрицаютъ свои преступныя дѣянія.

§ XI.

Присяга.

Одно изъ противорѣчій между законами и естественными чувствами человѣка проявляется въ присягѣ, требуемой отъ преступника—для того, что бы онъ сказалъ правду въ ту самую минуту, когда всѣ его выгоды принуждаютъ его сказать неправду. Да развѣ человѣкъ можетъ присягнуть для своей погибели? Развѣ религія не остается безмолвною у большей части изъ насъ, когда рѣчь идетъ о нашихъ выгодахъ?

Опытъ всѣхъ столѣтій показалъ, что мы болѣе всего злоупотребляемъ религіей, этимъ драгоцѣннымъ даромъ неба.— И за чѣмъ же злодѣи будутъ уважать присягу, если люди, признаваемые добродѣтельными, весьма часто ее нарушаютъ.

Основанія, противопоставляемыя религіею борьбѣ страха къ смерти съ любовію къ жизни слишкомъ слабы, потому что слишкомъ далеки отъ общечеловѣческихъ впечатлѣній.

Законы небесные не имѣютъ ничего общаго съ земными: и за чѣмъ же оскорблять первые въ пользу послѣднихъ? зачѣмъ ставить человѣка въ ужасное противорѣчіе или не сознавать Бога, или содѣйствовать своей погибели?

Такимъ образомъ законъ, обязывающій къ такой присягѣ, дѣлаетъ изъ обвиняемаго или мученика или дурного христіанина.

Мало по малу присяга превращается въ соблюденіе простой обрядности, разрушая такимъ образомъ силу чувства вѣры, этой единственной охраны честныхъ отношеній между людьми.

Опытъ показалъ на сколько безполезна присяга: всякій судья можетъ служить свидѣтелемъ въ томъ, что ни одна присяга не заставила преступника сказать правду.

Разумъ показываетъ намъ, что всѣ законы, противные

естественнымъ чувствамъ человѣка, безполезны, и потому самому вредны.

Съ этими законами происходитъ тоже что съ плотиною, которую воздвигаютъ прямо противъ теченія рѣки: она или сейчасъ же уносится въ бездну, или же открываетъ внизу жерло, которое подрываетъ ее и незамѣтно уничтожаетъ (*).

(*) *Примѣчаніе переводчика.* Это рѣшительное и вѣрное воззрѣніе на присягу принято судебными уставами 1864 года. Непонятно почему эта важная и по истинѣ достойная глава не введена Екатериною въ свой наказъ. Нѣкоторыя краткія размышленія по этому предмету изложены въ приложеніяхъ къ настоящему переводу. (Смотр. прил. 9 стр. 173).

§ XII.

Пытка.

192. *Вопросъ III.* Пытка не нарушаетъ ли справедливости, и приводитъ ли она къ концу, намѣреваемому законами?

193. Суровость, утвержденная употребленіемъ весьма многихъ народовъ, есть пытка, производимая надъ обвиняемымъ, во время устраиванія судебнымъ порядкомъ дѣла его, или чтобъ вымучить у него собственное его въ преступленіи признаніе, или для объясненій противорѣчій, которыми онъ въ допросѣ спутался, или для принужденія его объявить своихъ сообщниковъ, или ради открытія другихъ преступленій, въ которыхъ его не обвиняютъ, въ которыхъ однакожъ онъ можетъ быть виновенъ.

194. *(начало).* 1) Человѣка неможно почитати виноватымъ прежде приговора судейскаго, и законы не могутъ его лишить защиты своей, прежде, нежели доказано будетъ, что онъ нарушилъ оные. Чего ради какое право можетъ кому дати власть

Жестокость, освященная обычаями бо̀льшей части государствъ — это пытка обвиняемаго во время производства о немъ слѣдствія. Она имѣетъ различныя цѣли: или вынудить сознаніе обвиняемаго въ преступленіи, или наказать его за противорѣчія, въ которыхъ онъ попадается, или открыть его сообщниковъ, или же по непонятной для меня теоріи, требуетъ какого-то очищенія отъ позора.

Наконецъ, она иногда назначается не за то преступленіе, о которомъ идетъ рѣчь, а за другія, которыя обвиняемый могъ совершить, но, въ которыхъ еще не обвиняется.

Человѣкъ не можетъ быть названъ преступникомъ до судебнаго приговора, и общество не имѣетъ права лишать его своего покровительства, пока не рѣшено, что онъ нарушилъ условія, въ виду соблюденія коихъ оно ему даровано.

налагати наказаніе на гражданина въ то время, когда еще сомнительно правъ ли онъ или виноватъ. Не очень трудно заключеніями дойти къ сему соразсужденію: преступленіе или есть извѣстное или нѣтъ; ежели оно извѣстно, то не должно преступника наказывать инако, какъ положеннымъ въ законѣ наказаніемъ; и такъ пытка не нужна, если преступленіе не извѣстно, такъ не должно мучить обвиняемаго, по той причинѣ, что не надлежитъ невиннаго мучить, и что по законамъ тотъ не виновенъ, чье преступленіе не доказано.

Одно только право силы позволяетъ судьѣ наказывать гражданина, когда существуетъ сомнѣніе въ его виновности или невинности.

Или преступленіе доказано или нѣтъ: давно извѣстно, что если оно доказано, то виновный подлежитъ только наказанію, опредѣленному законами, и за тѣмъ безполезны всѣ мученія, такъ какъ и въ сознаніи его нѣтъ надобности. Если-же преступленіе недоказано, то не слѣдуетъ и мучить невиннаго: а такимъ по закону признается всякій человѣкъ, неизобличенный въ преступленіи.

Въ чемъ заключается государственная цѣль *(fine politico)* наказанія? Устрашеніе народа? Но какое-же мы можемъ имѣть сужденіе о тѣхъ тайныхъ истязаніяхъ, съ которыми сила привыкла обращаться и съ виновными и съ невинными?

Весьма важно, чтобъ всякое очевидное преступленіе было наказано, но безполезно изыскивать преступника, если самое преступленіе не можетъ быть открыто.

Совершившееся уже зло, и притомъ зло непоправимое, можетъ подлежать наказанію только въ мѣрѣ своего вліянія на другихъ, увлекающихся возможностью безнаказанности.

Если справедливо, что людей уважающихъ законы изъ страха-ли, или изъ стремленія къ добру болѣе, чѣмъ лицъ, нарушающихъ законы, то ясно, что опасность подвергнуть мученію невиннаго увеличивается въ виду возможности, при одинаковыхъ данныхъ, мучить именно того, кто не презиралъ а уважалъ законы.

Прибавлю къ этому, что требовать, чтобы человѣкъ былъ въ одно время и обвиняемымъ и своимъ собственнымъ обвинителемъ, значитъ смѣшивать всѣ общественныя отношенія; значитъ предполагать, что мученіе,—это форма изъ коей вылѣп-

ливается истина; какъ будто мѣра ея кроется въ мускулахъ и жилахъ несчастнаго.

Законъ предписывающій пытку говоритъ: люди, боритесь съ страданіями, и если природа и создала васъ съ неугасимою любовью къ себѣ самимъ и дала вамъ неотъемлемое право на защиту, я одарю васъ противоположною страстью, т. е героическою ненавистью къ самимъ себѣ и приказываю вамъ обвинять самихъ себя, говоря правду, даже въ то время, когда кости ваши трещатъ и мускулы разрываются.

Этотъ наглый способъ обнаруженія истины, такъ сказать оселокъ истины, *(crogiuolo della verità)* донынѣ еще существующій памятникъ древняго и дикаго законодательства, называется *Судомъ Божіемъ*. Это доказательства, добывавшіяся огнемъ, кипяткомъ и поединками; какъ будто звена этой безконечной цѣпи, берущей начало въ Причинѣ причинъ *(prima Cagione)*, могли-бы каждую секунду разрываться въ силу ничтожныхъ человѣческихъ сужденій.

Единственное различіе между пыткою и доказательствами огнемъ и кипяткомъ состоитъ въ томъ, что исходъ первой кажется зависящимъ отъ воли обвиняемаго, а исходъ послѣднихъ поставленъ въ зависимость отъ внѣшняго естественнаго событія, но это только кажущееся, а не дѣйствительное различіе.

194. *(конецъ)*. Весьма нужно, безъ сомнѣнія, чтобъ никакое преступленіе, ставшее извѣстнымъ, не осталось безъ наказанія. Обвиняемый, терпящій пытку, не властенъ надъ собою въ томъ, чтобъ онъ могъ говорить правду. Можно ли больше вѣрить человѣку, когда онъ бредитъ въ горячкѣ, нежели когда онъ при здравомъ разсудкѣ и добромъ здоровьѣ? Чувствованіе боли можетъ возрасти до такой степени, что совсѣмъ овладѣвъ всею душею, не оставитъ ей больше никакой

Обвиняемый имѣетъ также мало возможности сказать правду среди мученій и страданій, какъ и прежде, подъ вліяніемъ огня и кипятка.

Всякое дѣйствіе нашей воли соразмѣрно силѣ нашихъ впечатлѣній: этого источника нашей воли; но впечатлительность каждаго человѣка ограничена.

Слѣдовательно впечатлѣніе боли можетъ достигнуть такой степени, что овладѣвъ всѣмъ человѣкомъ оно не оставитъ мучимому ничего, кромѣ избра-

свободы производить какое либо ей приличное дѣйствіе, кромѣ какъ въ то же самое мгновеніе ока предпріять самый кратчайшій путь, коимъ бы отъ той боли избавиться. Тогда и невинный закричитъ, что онъ виноватъ, лишь бы только мучить его перестали. И то же средство, употребленное для различенія невинныхъ отъ виноватыхъ, истребитъ всю между ними разность; и судьи будутъ также не извѣстны, виноватаго ли они имѣютъ предъ собою или невиннаго, какъ и были прежде начатія сего пристрастнаго распроса. Посему пытка есть надежное средство осудить невиннаго, имѣющаго слабое сложеніе, и оправдать беззаконнаго, на силу и крѣпость свою уповающаго.

нія кратчайшей въ данную минуту дороги, только для того, чтобы освободиться отъ наказанія.

Значитъ отвѣтъ обвиняемаго столь-же необходимъ, какъ и дѣйствіе огня и воды.

Въ такихъ случаяхъ ясно, что чувствительный невинный получитъ названіе преступника, желая этимъ исходомъ прекратить мученія. И всякое различіе между виновнымъ и невиннымъ исчезаетъ именно вслѣдствіе того самаго средства, которое употребляется для того, чтобы отличить одного отъ другаго.

Это самое лучшее средство оправдать здороваго разбойника и обвинить слабаго невиннаго.

Вотъ злосчастныя послѣдствія этого предполагаемаго оселка истины, оселка вполнѣ достойнаго канибаловъ, этого средства открыть истину, которое даже Римляне, по многимъ причинамъ заслуживающіе наименованіе варваровъ, примѣняли только къ рабамъ: жертвамъ жестокой и напрасно прославляемой добродѣтели Римлянъ.

Изъ двухъ людей одинаково невинныхъ или одинаково виновныхъ, здоровый и сильный будетъ освобожденъ, хилый и слабый будетъ осужденъ на основаніи слѣдующаго точнаго разсужденія:

«Я судья, я долженъ признать васъ виновными въ такомъ-то преступленіи; ты, сильный, умѣлъ бороться съ страданіями, и потому я тебя освобождаю, ты, слабый, имъ уступилъ, и поэтому я тебя обвиняю. Я чувствую, что сознаніе, вынужденное мученіями не должно имѣть никакого значенія, но я

васъ подвергну новымъ страданіямъ, если вы не подтвердите того, въ чемъ уже сознались».

И такъ исходъ пытки есть дѣло сложенія человѣка *(temperamento)* и разсчета, которые въ каждомъ человѣкѣ измѣняются соразмѣрно его силѣ и впечатлительности, такъ что при такомъ порядкѣ математикъ лучше судьи разрѣшитъ эту задачу: при данной силѣ мускуловъ и впечатлительности жилъ невиннаго, найти степень боли, которая заставитъ его сознаться въ извѣстномъ преступленіи.

Допросъ виновнаго дѣлается для розысканія истины.

Но если эта истина трудно открывается по непринужденному виду, тѣлодвиженіямъ и лицу спокойнаго человѣка, то тѣмъ менѣе ее можетъ обнаружить человѣкъ, страданія коего искажаютъ всякое выраженіе, а только по выраженію его лица можно судить говоритъ ли онъ правду или неправду.

Всякое насильное дѣйствіе смѣшиваетъ и даже уничтожаетъ тѣ даже малѣйшія различія признаковъ, по которымъ мы можемъ отличить ложь отъ истины.

Странное послѣдствіе, истекающее по необходимости изъ употребленія пытки, заключается именно въ томъ, что невинный поставленъ въ худшія условія, чѣмъ виновный: ибо если оба подвергаются пыткѣ,—то первый находится въ совершенно противоположныхъ условіяхъ съ послѣднимъ, потому что невинный или долженъ сознаться въ преступленіи, котораго не совершилъ, и слѣдовательно будетъ осужденъ, или-же будетъ признанъ невиннымъ, тогда только, когда выстрадаетъ незаслужонное наказаніе.

Но преступникъ имѣетъ въ свою пользу одинъ случай: когда претерпѣвъ мученія съ твердостью, онъ будетъ оправданъ какъ невинный: въ такомъ случаѣ онъ потерпитъ слабѣйшее вмѣсто сильнѣйшаго наказаніе.

Значитъ невинный можетъ только потерять, между тѣмъ какъ виновный можетъ выиграть; эту истину сознаютъ хотя неясно, тѣ самыя лица, которыя отъ нее удаляются.

Признаніе, сдѣланное во время пытки, недѣйствительно, если оно не подтверждено присягою по окончаніи оной, но если обвиняемый не подтвердитъ признанія, то вновь подвергается пыткѣ.

Нѣкоторые ученые и нѣкоторыя государства дозволяютъ это своеобразное насиліе *(petizione di principio)* только три ра-

за (*), другіе ученые и другія государства предоставляютъ возобновленіе его волѣ судьи.

Излишне разъяснять эту мысль, приводя неисчислимые примѣры невинныхъ, объявившихъ себя преступниками среди мученій пытки.

Нѣтъ государства, нѣтъ вѣка, которые не имѣли-бы своихъ жертвъ; но люди не измѣняются и не пользуются предшедшими опытами.

Нѣтъ человѣка, который, выйдя изъ условій ежеминутныхъ потребностей жизни, не желалъ бы возвратиться опять къ своей природѣ, призывающей его къ себѣ таинственнымъ и невнятнымъ голосомъ, но вѣчно господствующій *(tiranno)* надъ умомъ обычай, его отталкиваетъ и ужасаетъ.

195. 2) Пытку еще употребляютъ надъ обвиняемымъ для объясненія, какъ говорятъ, противурѣчій, которыми онъ спутался въ допросѣ ему учиненномъ; будтобы страхъ казни, неизвѣстность и забота въ разсужденіи, также и самое невѣжество, невиннымъ и виноватымъ общее, не могли привести къ противорѣчіямъ и боязливаго невиннаго и преступника, ищущаго скрыти свое беззаконіе; будто-бы противорѣчія столь обыкновенныя человѣку, въ спокойномъ духѣ пребывающему, не должны умножаться при востревоженіи души, всей въ тѣхъ мысляхъ погруженной, какъ бы себя спасти отъ наступающей бѣды.

Другое основаніе подвергать пыткѣ предполагаемыхъ преступниковъ,—это противорѣчіе ихъ при допросѣ; — но развѣ страхъ наказанія, неизвѣстность рѣшенія суда, приготовленія къ суду и его торжественность, невѣжество, свойственное почти всѣмъ, разбойникамъ и невиннымъ, не должны по всей вѣроятности ввести въ противорѣчіе и боязливаго невиннаго, и домогающагося оправданія виновнаго; развѣ противорѣчія, встрѣчающіяся даже въ людяхъ совершенно спокойныхъ, не должны умножаться при страданіяхъ души, вполнѣ поглощонной мыслью о спасеніи отъ неминуемой опасности.

Пытка назначается также

(*) *Примѣчаніе переводчика.* Для разъясненія этой мысли въ приложеніяхъ къ сему переводу помѣщена выписка изъ устава воинскаго 30 марта 1716 года, (смотр. прил. 10 и 19 стр. 174 и 188).

196. 3) Производить пытку для открытія не учинилъ ли виноватый другихъ преступленій кромѣ того, которое ему уже доказали, есть надежное средство къ тому, чтобы всѣ преступленія остались безъ должнаго имъ наказанія, ибо судья всегда новыя захочетъ открыти. Впрочемъ сей поступокъ будетъ основанъ на слѣдующемъ разсужденіи: ты виноватъ въ одномъ преступленіи, такъ можетъ быть ты еще сто другихъ беззаконій сдѣлалъ. Слѣдуя законамъ станутъ тебя пытать и мучать не только за то, что ты виноватъ, но и за то, что ты можетъ быть еще гораздо больше виновенъ.

197. 4) Кромѣ сего пытаютъ обвиняемаго, чтобы объявилъ своихъ сообщниковъ. Но когда мы уже доказали, что пытка не можетъ быть средствомъ къ познанію истины, то какъ она можетъ способствовати къ тому, чтобъ узнать сообщниковъ злодѣянія? Безъ сомнѣнія показующему на самого себя весьма легко показать на другихъ. Впрочемъ справедливо-ли мучити человѣка за преступленіе другихъ. Какъ будто не можно открыть сообщниковъ испытаніемъ свидѣтелей на преступника сысканныхъ, изслѣди для того, чтобы открыть не сдѣлалъ-ли обвиняемый какого либо другаго преступленія, независящаго отъ того, въ коемъ онъ обвиняется; что равносильно слѣдующему разсужденію: ты виноватъ въ одномъ преступленіи, слѣдовательно можетъ быть ты еще сто другихъ беззаконій сдѣлалъ; это сомнѣніе меня угнетаетъ; я хочу освободиться отъ него чрезъ посредство моего оселка истины: законъ требуетъ, чтобъ я тебя мучилъ, во 1-хъ, за то, что ты виноватъ, во 2-хъ, за то, что ты можешь быть виноватъ и въ 3-хъ, за то, что я хочу, чтобъ ты былъ виноватъ.

Назначаютъ пытку обвиняемому и для того, чтобы открыть сообщниковъ его преступленія; но если доказано, что пытка не составляетъ хорошаго средства для открытія истины, то какимъ-же образомъ она поможетъ открыть сообщниковъ преступленія? Вѣдь это тоже истина, подлежащая открытію.

Какъ будто человѣкъ, обвиняющій самого себя, не обвинитъ еще скорѣе другихъ; и справедливо-ли мучить одного за преступленіе другого.

Не легче-ли открыть соучастниковъ изъ распроса свидѣтелей, самого обвиняемаго, изъ

дованіемъ приведенныхъ противъ него доказательствъ, и самаго дѣйствія случившагося въ исполненіи преступленія, и наконецъ всѣми способами, послужившими къ изобличенію преступленія обвиняемымъ содѣяннаго.

вещественныхъ и другихъ доказательствъ, вообще изъ всѣхъ правильныхъ способовъ обнаруженія преступнаго дѣянія.

Соучастники преступленія обыкновенно скрываются вслѣдъ за заключеніемъ обвиняемаго. Неопредѣленность ихъ судьбы сама по себѣ осуждаетъ ихъ на ссылку, и освобождаетъ государство отъ опасности новаго ущерба, между тѣмъ какъ остающаяся въ его рукахъ возможность наказать виновнаго достигаетъ единственной своей цѣли—силою устрашенія отвратить другихъ людей отъ совершенія подобныхъ преступленій.

Еще одно нелѣпое основаніе пытки—это очищеніе отъ безчестія, т. е. правило, что человѣкъ, признанный по закону безчестнымъ, долженъ подтвердить свое наказаніе тѣмъ, что ему сломаютъ кости: этого злоупотребленія не слѣдовало бы и терпѣть въ восемнадцатомъ столѣтіи.

Думаютъ, что боль, т. е. естественное чувство, смываетъ позоръ преступленія,—чувство чисто нравственное, но развѣ боль—это какой нибудь плавильный сосудъ, изъ коего отдѣляется позоръ, какъ составное нечистое тѣло?

Позоръ есть чувство не подходящее ни подъ дѣйствіе закона, ни разума, ни даже общественнаго мнѣнія; самая пытка набрасываетъ дѣйствительный позоръ на свою жертву: слѣдовательно по этой истинѣ позоръ смывается новымъ позоромъ.

Не трудно дойти до основаній этого безсмысленнаго закона, ибо даже безумныя мысли, принятыя всѣмъ государствомъ, имѣютъ всегда какую нибудь связь съ другими общими понятіями, уважаемыми всѣмъ государствомъ.

Кажется, что этотъ обычай есть произведеніе религіозныхъ и таинственныхъ началъ, которыя имѣютъ сильное вліяніе на убѣжденія людей и государствъ всѣхъ столѣтій.

Непоколебимый догматъ утверждаетъ, что ошибки, проистекающія изъ слабости человѣка, незаслужившія вѣчнаго гнѣва Вседержителя, должны быть очищены непостижимымъ огнемъ.

Но позоръ есть ошибка плоти, а какъ страданія и огонь смываютъ ошибки нравственныя и невещественныя, то почемуже мученія пытки не смоютъ ошибки плоти, т. е. позора?

Я думаю, что признаніе преступника, которое считается нѣкоторыми судами необходимымъ для обвиненія, имѣетъ тоже основаніе: ибо таинственный судъ покаянія считаетъ признаніе въ грѣхахъ существенною частью причастія.

Вотъ какимъ образомъ мы злоупотребляемъ самымъ важнымъ свѣтомъ откровенія, а такъ какъ во времена невѣжества не существуетъ ничего другаго кромѣ этого свѣта, то къ нему и прибѣгаетъ послушное человѣчество во всѣхъ случаяхъ и дѣлаетъ изъ него самое безтолковое и самое несоотвѣтствующее примѣненіе.

Эти истины были извѣстны римскимъ законодателямъ, которые подвергали пыткѣ только рабовъ, лишенныхъ какой либо личности; эти истины признаны въ Англіи, въ этомъ государствѣ, гдѣ слава силы слова, развитіе торговли и богатства и слѣдовательно могущества государства, примѣры добродѣтели и мужества, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ совершенствѣ законовъ.

Пытка была уничтожена въ Швеціи; уничтожена однимъ изъ самыхъ мудрыхъ монарховъ Европы, который какъ законодатель, былъ другомъ своихъ подданныхъ, и возведя любомудріе на престолъ, сдѣлалъ ихъ равными и свободными предъ законами,—а это единственное равенство и единственная свобода, которые разумные люди могутъ требовать въ настоящихъ обстоятельствахъ.

Пытка не считается необходимою въ войскахъ, состоящихъ теперь по большей части изъ отребьевъ народа, составляющаго государство; они какъ кажется скорѣе всего могли-бы служить ей пищею.

Странно для человѣка, не замѣчающаго важнаго значенія насилія *(tirannia)* обычая, что умиротворяющіе законы должны заимствовать у людей, очерствѣлыхъ въ борьбѣ и крови, самыя лучшія средства къ достиженію справедливости.

§ XIII.

Производство изслѣдованія и давность.

(Processi e Prescrizioni).

Наказъ Екатерины.

199. Надлежитъ закономъ опредѣлити время къ собранію доказательствъ и всего нужнаго къ дѣлу въ великихъ преступленіяхъ, чтобъ виноватые умышленными въ своемъ дѣлѣ перемѣнами не отводили вдаль должнаго имъ наказанія, или бы не запутывали своего дѣла. Когда доказательства всѣ будутъ собраны, и о подлинности преступленія станетъ извѣстно, надобно виноватому дати время и способы оправдать себя, если онъ можетъ. Но времени сему надлежитъ быть весьма короткому, чтобъ не сдѣлати предосужденія, потребной для наказанія скорости, которая почитается между весьма сильными средствами, къ удержанію людей отъ преступленій.

Когда извѣстны доказательства и опредѣлена достовѣрность преступленія, необходимо предоставить преступнику для своего оправданія и надлежащее время и правильные способы защиты; но это время должно быть кратко и не отдалять наказанія: выше мы видѣли уже, что быстрота наказанія есть необходимая узда надъ преступленіями.

Дурно понятая любовь къ человѣчеству не можетъ согласиться съ этою быстротою, но всякое сомнѣніе исчезнетъ, если мы обратимъ вниманіе на то, что опасность, угрожающая невинности, усиливается съ недостатками законодательства.

Законы должны назначить опредѣленное время какъ для приготовленія защиты, такъ и для изысканія доказательствъ

преступленія, и судья сдѣлался бы законодателемъ, если бы самъ онъ долженъ былъ опредѣлять это время.

161. Улож. о наказ.

Наказанія за преступленія государственныя, означенныя въ статьяхъ 241, 244, 249 и 253 сего улож. а равно и наказаніе, опредѣленное за убійство отца или матери, не отмѣняются за давностью, но если со времени содѣянія преступленія прошло двадцать лѣтъ, и во все сіе время оно не сдѣлалось гласнымъ, то вмѣсто смертной казни, или каторжной работы, они присуждаются къ ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири.

Такимъ образомъ тѣ страшныя преступленія, о которыхъ надолго остаются воспоминанія въ народѣ, если они доказаны, не могутъ подлежать никакой давности въ пользу сбѣжавшаго преступника, но менѣе важныя преступленія должны быть покрываемы давностью вслѣдствіе самой неизвѣстности судьбы бѣжавшаго гражданина, потому что неизвѣстность, въ коей остались надолго преступленія, уничтожаетъ примѣръ безнаказанности, а преступникъ имѣетъ между тѣмъ время исправиться.

Достаточно указать только на эти начала, потому что постановленіе точныхъ по сему предмету правилъ можетъ быть сдѣлано лишь въ извѣстномъ законодательствѣ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ извѣстнаго общества.

Прибавлю только, что если доказана польза умѣренныхъ наказаній въ государствѣ, то законы, которые, соразмѣрно качеству преступленій, уменьшаютъ или увеличиваютъ теченіе давности (*) или времени предоставляемаго для изысканія доказательствъ, и причисляя, такимъ образомъ, содержаніе въ тюрьмѣ и добровольное изгнаніе къ составу наказанія, распространяютъ этимъ самымъ немногія легкія наказанія на множество преступленій.

(*) *Примѣчаніе переводчика.* Эта мысль выражается въ статьяхъ 158—160 уложенія о наказаніяхъ.

Но эти сроки не должны быть увеличиваемы въ прямомъ отношеніи къ звѣрству преступленій; напротивъ: вѣроятность преступленій находится въ обратномъ отношеніи къ ихъ свирѣпости.

Посему иногда слѣдуетъ уменьшить продолжительность изслѣдованія и увеличить срокъ давности.

Это можетъ показаться противорѣчіемъ съ тѣмъ, что я сказалъ выше, т. е., что можно назначать одинаковыя наказанія за различныя преступленія, уменьшая наказаніе соразмѣрно времени заключенія въ тюрьмѣ и давности, предшествующимъ рѣшенію суда.

Чтобъ объяснить читателю мои мысли, я различу два рода преступленій,—первый—свирѣпыя преступленія, начиная съ убійства и всѣхъ подобныхъ злодѣяній; второй—преступленія менѣе важныя. Это различіе беретъ свое начало въ свойствѣ природы человѣческой.

Безопасность жизни есть законъ естественнаго права, а безопасность имущества есть законъ общественнаго устройства.

Число побужденій, вызывающихъ человѣка за предѣлы естественнаго чувства, гораздо менѣе числа побужденій, которыя вслѣдствіе обыкновенной алчности, съ которою люди гонятся за счастьемъ, вызываютъ его къ нарушенію права, источникъ коего не въ сердцѣ человѣка, а въ условіяхъ общественнаго устройства.

Огромное различіе вѣроятности совершенія преступленія того или другаго рода требуютъ, чтобы они были подчинены различнымъ правиламъ.

Въ болѣе звѣрскихъ преступленіяхъ, какъ болѣе рѣдкихъ, должно уменьшать продолжительность слѣдствія въ виду бо́льшей вѣроятности невинности преступника и увеличивать теченіе давности, потому что отъ рѣшительнаго приговора о невинности или преступности человѣка зависитъ лишить преступника обманчивой надежды на безнаказанность, гибельныя послѣдствія коей усиливаются по мѣрѣ усиленія звѣрства преступленія.

Но въ менѣе важныхъ преступленіяхъ, въ коихъ уменьшается вѣроятность невинности, должна увеличиваться продолжительность слѣдствія, и, въ виду уменьшенія вреда безнаказанности, должно уменьшаться и теченіе давности.

Но этого раздѣленія преступленій на два рода не слѣдовало бы допускать въ тѣхъ случаяхъ, когда съ уменьшеніемъ вреда безнаказанности увеличивается вѣроятность преступленія.

Нужно принять въ соображеніе, что, если не доказана ни виновность, ни невинность обвиняемаго, то, хотя онъ и освобождается по недостатку доказательствъ, но можетъ быть подвергнутъ за то же самое преступленіе новому заключенію и новому допросу, если только будутъ обнаружены новыя указанныя въ законѣ улики до истеченія давности, назначенной за то преступленіе (*).

Таковы по мнѣнію моему мѣры, которыя слѣдовало бы принимать для огражденія какъ *безопасности* подданныхъ, такъ и личной ихъ *свободы* съ тою цѣлью, чтобы эти два блага не развивать одно на счетъ другого.

Эти два блага, составляющія неотъемлемую и равную принадлежность всѣхъ гражданъ, не всегда находятъ себѣ защиту и охрану: такъ *свобода* терпитъ отъ явнаго или скрытаго самовластія *(dispotismo)*, а *безопасность* отъ буйнаго народнаго безчинства *(anarchia)*.

Есть еще преступленія, которыя повторяются весьма часто, но очень трудно доказываются; въ такихъ случаяхъ самая трудность доказательствъ замѣняетъ вѣроятность невинности, такъ какъ частое ихъ повтореніе зависитъ не отъ вреда безнаказанности, а совершенно отъ другихъ причинъ: посему въ этихъ случаяхъ и время производства слѣдствія и время теченія давности должны одинаково уменьшаться.

Между тѣмъ прелюбодѣяніе и мужеложество, преступленія, доказываемыя весьма трудно, подчинены, по принятымъ началамъ, жестокимъ мѣрамъ: каковы суть: *почти-доказательства* и *полу-доказательства*, (какъ будто человѣкъ можетъ быть *полувиновенъ*, *полуневиненъ*, т. е. полуподлежащій наказанію или полуподлежащій оправданію). Мѣры эти допускаютъ господство пытки во всей ея жестокости надъ обвиняемымъ, надъ

(*) *Примѣчаніе переводчика.* Такое воззрѣніе на законъ *о подозрѣніи* выражено въ уставѣ воинскомъ 1716 г. марта 30 (полн. собр № 3.006 гл. VI, § 7). Смотр. прил. въ концѣ книги. Мысль эта выражена также въ статьѣ 542-й устава уголовнаго судопроизводства 1864-го года, въ коей впрочемъ говорится только о возобновленіи слѣдствія.

свидѣтелями, и даже надъ всѣмъ семействомъ несчастнаго, если слѣдовать совѣтамъ нѣкоторыхъ писателей, предлагающихъ судьямъ съ безстыдною жестокостью свое ученіе, какъ правила и законъ.

Въ виду этихъ началъ страннымъ покажется тому, кто не вспомнитъ, что разумъ никогда не былъ путеводною нитью законодателей, что преступленія самыя жестокія или же неизвѣстныя и воображаемыя *(chimerici)*, т. е. тѣ, невѣроятность коихъ—наибольшая, доказываются или гадательными предположеніями, или же самыми шаткими и невѣрными доказательствами: какъ будто законъ и судьи имѣютъ болѣе выгоды не въ томъ, чтобы открыть истину, а въ томъ, чтобы найти преступленіе; какъ будто мы не знаемъ, что чѣмъ вѣроятность невинности болѣе вѣроятности преступленія, тѣмъ опаснѣе осужденіе невиннаго.

Въ людяхъ недостаетъ по большей части того мужества, которое необходимо и для страшныхъ преступленій и для великихъ добродѣтелей. Вотъ отчего въ тѣхъ государствахъ, которые развиваются и поддерживаются болѣе дѣятельностью правительства и страстью къ общему благу, чѣмъ силою законовъ, хотя и являются страшныя преступленія, но на ряду съ ними являются и высокія добродѣтели, между тѣмъ какъ тамъ, гдѣ установлено множество законовъ, или гдѣ постоянно дѣйствуютъ хорошіе законы, тамъ ослабѣвшія страсти болѣе способны поддерживать только, а не улучшать форму правленія.

Изъ всего этого можно вывести важное заключеніе, что страшныя преступленія не всегда доказываютъ упадокъ государства.

§ XIV.

Покушенія; участники; безнаказанность.

Наказъ Екатерины.

201. Хотя законы и не могутъ наказывать намѣренія, однакожъ нельзя сказать, чтобъ дѣйствіе, которымъ начинается преступленіе, и которое изъявляетъ волю, стремящуюся произвести самимъ дѣломъ то преступленіе не заслуживало наказанія, хотя меньшаго, нежели какое установлено на преступленіе самою вещію уже исполненное. Наказаніе потребно для того, что весьма нужно предупреждать и самыя первыя покушенія ко преступленію: но какъ между сими покушеніями и исполненіемъ беззаконія можетъ быти промежутка времени, то не худо оставить большее наказаніе для исполненнаго уже преступленія, чтобы тѣмъ начавшему злодѣяніе дать нѣкоторое побужденіе, могущее его отвратить отъ исполненія начавшаго злодѣянія.

Изъ того, что законы не наказываютъ намѣренія не слѣдуетъ еще, чтобы преступленіе, начинающееся какимъ либо дѣйствіемъ, обнаруживающимъ желаніе совершить преступное дѣяніе, не заслуживало бы наказанія, хотя и меньшаго, чѣмъ самое преступленіе.

Важность предупрежденія преступленія разрѣшаетъ примѣненіе наказанія; но такъ какъ между покушеніемъ и исполненіемъ можетъ пройти какой либо промежутокъ времени, то назначеніе за преступное дѣяніе бо̀льшаго наказанія, чѣмъ за покушеніе, можетъ вызвать раскаяніе преступника.

202. Такъ же надобно положить наказанія не столь великія сообщникамъ въ без-

Тоже разсужденіе относится и къ случаю, когда есть нѣсколько участниковъ въ

законіи, которые не суть безпосредственными онаго исполнителями, какъ самимъ настоящимъ исполнителямъ. Когда многіе люди согласятся подвергнуть себя опасности всѣмъ имъ общей, то чѣмъ болѣе, опасность, тѣмъ больше они стараются сдѣлать оную равною для всѣхъ. Законы наказующіе съ большею жестокостью исполнителей преступленія, нежели простыхъ только сообщниковъ воспрепятствуютъ, чтобъ опасность могла быть равно на всѣхъ раздѣлена и причинять, что будетъ труднѣе сыскати человѣка, который бы захотѣлъ взять на себя совершить умышленное злодѣяніе; понеже опасность, которой онъ себя подвергнетъ будетъ больше въ разсужденіи наказанія за то ему положеннаго неравнаго съ прочими сообщниками. Одинъ только есть случай, въ которомъ можно сдѣлать изъятіе изъ общаго сего правила, то есть, когда исполнитель беззаконія получаетъ отъ сообщниковъ особенное награжденіе: тогда для того, что разнота опасности награждается разностію выгодъ, надлежитъ быть наказанію всѣмъ имъ равному.

Сіи разсужденія покажутся очень тонки: но надлежитъ думати, что весьма нужно, дабы

преступленіи, изъ коихъ не всѣ были непосредственными исполнителями онаго,—но по другой причинѣ.

Если нѣсколько человѣкъ идутъ вмѣстѣ на рискъ, то чѣмъ болѣе страхъ, тѣмъ болѣе они стараются распредѣлить его между собою равномѣрно; слѣдовательно труднѣе найти лицо, соглашающееся на совершеніе преступленія, подвергаясь бо̀льшему, въ сравненіи съ другими, страху. Единственное изъ этого исключеніе могло бы имѣть мѣсто въ такомъ только случаѣ, когда совершителю назначена особая награда.—Такъ какъ онъ получилъ вознагражденіе за бо̀льшій рискъ, то наказаніе должно быть одинаково для всѣхъ.

Эти разсужденія могутъ показаться очень тонкими тому, кто не хочетъ понять, до какой

законы сколь возможно меньше оставляли средствъ сообщникамъ злодѣянія согласиться между собою.

203. *(начало)*. Нѣкоторыя правительства освобождаютъ отъ наказанія сообщника великаго преступленія, донесшаго на своихъ товарищей. Такій способъ имѣетъ свои выгоды и такъ же и свои неудобства, когда оный употребляется въ случаяхъ особенныхъ.

степени полезно, чтобы законъ по возможности уменьшалъ случаи подобныхъ соглашеній между соучастниками преступленія.

Нѣкоторые судьи прощаютъ тѣхъ участниковъ важныхъ преступленій, которые откроютъ своихъ товарищей.

Эта мѣра имѣетъ свои удобства и неудобства

Неудобства состоятъ въ томъ, что государство покровительствуетъ измѣнѣ, ненавистной даже въ средѣ разбойниковъ, ибо для государства менѣе гибельны преступленія, пораждаемыя мужествомъ, чѣмъ вызванныя подлостью, потому что первыя не очень часто встрѣчаются, такъ какъ мужество только ожидаетъ благодѣтельной направляющей силы, которая заставила бы ее стремиться къ общественному благу; между тѣмъ какъ подлость встрѣчастся чаще, и притомъ очень заразительна и сосредоточивается всегда сама въ себѣ. Кромѣ того судъ высказываетъ этимъ свою собственную неувѣренность и слабость законовъ, обращающихся за защитою къ тѣмъ, кто ихъ нарушаетъ.

Удобства этой мѣры состоятъ въ томъ, что она можетъ предупредить важныя преступленія, и что въ народѣ проявляется страхъ, когда преступное дѣяніе извѣстно, но преступники неизвѣстны.—Наконецъ, эта мѣра указываетъ и на то, что измѣнники предъ закономъ, т. е. предъ обществомъ, бываютъ также предателями частныхъ лицъ.

203. *(конецъ)*. Общій всегдашній законъ, обѣщающій прощеніе всякому сообщнику открывающему преступленіе, должно предпочесть временному особому объявленію въ случаѣ какомъ особен-

Мнѣ казалось бы, что общій законъ, обѣщающій прощеніе участнику, открывшему исполнителя преступленія, предпочтительнѣе частнаго распоряженія о томъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, потому что

номъ; ибо такій законъ можетъ предупредить соединеніе злодѣевъ, вперяя въ каждаго изъ нихъ страхъ, чтобъ не подвергнуть себя одного опасности: но должно потомъ и наблюдати свято сіе обѣщаніе и дать, такъ говоря, защитительную стражу всякому, кто на сей законъ ссылаться станетъ.

онъ предупреждалъ бы общеніе преступниковъ-опасеніемъ, что каждый изъ нихъ выдаетъ только самого себя, и судъ не придавалъ бы смѣлости разбойникамъ, видящимъ, что въ частномъ случаѣ обращаются къ ихъ помощи.

Впрочемъ такой законъ долженъ имѣть послѣдствіемъ изгнаніе предателя.... Но напрасно я мучаю себя, чтобъ разогнать угрызенія совѣсти, которыя чувствую, позволяя святому закону, этому памятнику общественнаго довѣрія, этой основѣ человѣческой нравственности, обманъ и предательство.—Какой же примѣръ былъ бы для народа, еслибъ можно было обѣщать прощеніе и, неисполнивъ обѣщанія, силою обманчивыхъ умозаключеній, тащить на казнь, въ насмѣшку надъ общественнымъ довѣріемъ, того, кто исполнитъ приглашеніе закона! Не рѣдки подобные примѣры, и потому нерѣдки люди, считающіе государство только сложною машиною, пружинами которой заправляютъ по своему произволу самые ловкіе и могущественные люди. Холодные и нечувствительные ко всему, что составляетъ наслажденіе нѣжныхъ и высокихъ душъ, они возбуждаютъ въ другихъ, съ непоколебимымъ сознаніемъ, самыя нѣжныя чувства и самыя сильныя страсти, какъ только замѣтятъ, что это полезно для ихъ цѣлей, заправляя душою, какъ музыканты—инструментомъ.

§ XV.

Умѣренность наказанія.

204. *Вопросъ V.* Какая мѣра великости преступленій?

205. Намѣреніе установленныхъ наказаній не то, чтобъ мучити тварь чувствами одаренную; они на тотъ конецъ предписаны, чтобъ воспрепятствовать виноватому, дабы онъ впередъ не могъ вредить обществу, и чтобъ отвратить сограждан отъ содѣланія подобныхъ преступленій. Для сего между наказаніями надлежитъ употреблять такія, которыя, будучи уравнены съ преступленіями, впечатлѣли бы въ сердцахъ людскихъ начертаніе самое живое и долго пребывающее, и въ тоже самое время были бы меньше люты надъ преступниковымъ тѣломъ.

Простое соображеніе вышеприведенныхъ истинъ дѣлаетъ очевиднымъ, что цѣль наказаній вовсе не состоитъ ни въ томъ, чтобы терзать и мучить впечатлительное существо, и ни въ томъ, чтобы уничтожить преступленіе уже совершонное.

Можетъ ли государственное учрежденіе *(un corpo politico)* которое, дѣйствуя вдали отъ всѣхъ страстей, должно быть спокойнымъ укротителемъ частныхъ страстей, — можетъ ли оно укрываться за этою ненужною жестокостью, можетъ ли оно быть орудіемъ ярости или изувѣрства *(fanatismo)*, или же орудіемъ слабыхъ своевольныхъ властителей *(tiranni)*.

Вопли несчастныхъ могутъ ли вырвать изъ времени, которое ничего не возвращаетъ, дѣйствія уже совершившіяся?

Значитъ цѣль наказанія не можетъ быть иная, какъ прегражденіе виновному всякой возможности нанести обще-

ству такой же ущербъ и отдалить и другихъ отъ подобныхъ злодѣяній.

Слѣдовательно нужно избрать такія наказанія и такой способъ ихъ примѣненія, чтобы, сохранивши соразмѣрность наказаній съ преступленіями, сдѣлать болѣе дѣйствительное и болѣе продолжительное впечатлѣніе на духъ людей, и менѣе мучительное на тѣло виновнаго.

206. *(начало).* Кто не объемлется ужасомъ, видя въ исторіи сколько варварскихъ и безполезныхъ мученій, выисканныхъ и въ дѣйство произведенныхъ безъ малѣйшаго совѣсти зазора людьми давшими себѣ имя премудрыхъ? Кто не чувствуетъ внутри содраганія чувствительнаго сердца при зрѣлищѣ тѣхъ тысячь безщастныхъ людей, которые оныя претерпѣли и претерпѣваютъ, многажды обвиненные въ преступленіяхъ сбыться трудныхъ или немогущихъ, часто сплетенныхъ отъ незнанія, а иногда отъ суевѣрія? Кто можетъ, говорю Я, смотрѣть на растерзаніе сихъ людей съ великими приуготовленіями отправляемое людьми же, ихъ собратіею?

Кто читая исторію, не содрагается отъ ужаса при мысли о варварскихъ и ненужныхъ истязаніяхъ, которые были изобрѣтаемы и исполняемы людьми по названію мудрыми. Кто можетъ не ощущать содраганія всего своего чувствующаго существа, видѣвши тысячи несчастныхъ, которыхъ бѣдствія, или вызваны, или терпимы закономъ, всегда покровительствующимъ немногимъ, и оскорбляющимъ многихъ, заставляютъ возвратиться въ первобытное дикое состояніе, или обвиненныхъ въ невозможныхъ преступленіяхъ, созданныхъ низкимъ невѣжествомъ, или же виновныхъ только въ томъ, что они остались вѣрны своимъ убѣжденіямъ; кто можетъ несодрагаться при видѣ, какъ люди, одаренные тѣми же чувствами, и слѣдовательно, тѣми же страстями, подвергаютъ несчастныхъ истязанію съ задуманными обрядностями и съ замедлительными мученіями, устраивая такимъ образомъ

забавное зрѣлище для ослѣпленной своимъ увлеченіемъ *(fanatica)* невѣжественной толпы?

207. Чтобъ наказаніе произвело желаемое дѣйствіе, довольно будетъ и того, когда зло онымъ причиняемое превосходить добро ожиданное отъ преступленія, прилагая въ выкладкѣ, показывающей превосходство зла надъ добромъ, такъ же и извѣстность наказанія несомнѣнную и потеряніе выгодъ преступленіемъ пріобрѣтаемыхъ. Всякая строгость, преходящая сіи предѣлы безполезна, и слѣдовательно мучительская.

Чтобы наказаніе имѣло свое дѣйствіе, достаточно, чтобы вредъ его превосходилъ пользу, истекающую изъ преступленія, и по этому избытку вреда должна быть разсчитана безусловность наказанія и потеря выгоды, происходящей отъ преступленія: все остальное излишне и слѣдовательно жестоко.

Люди желаютъ себя оградить отъ зла имъ извѣстнаго, а не неизвѣстнаго.

Если бы существовали два государства, въ одномъ изъ которыхъ въ лѣстницѣ наказаній соотвѣтствующихъ преступленіямъ,—высшимъ наказаніемъ было бы вѣчное невольничество, а въ другомъ,—колесованіе, то подданные перваго государства столько же ужасались бы своего сильнѣйшаго наказанія, какъ и подданные втораго—своего, и если бы нашлись разумныя основанія ввести въ первое—жесточайшее наказаніе принятое вторымъ,—то тѣже основанія послужили бы къ усиленію наказаній въ семъ послѣднемъ, и такимъ образомъ оба государства перешли бы незамѣтно отъ колесованія къ истязаніямъ болѣе медленнымъ и болѣе изысканнымъ въ своей жестокости, и наконецъ дошли бы до послѣднихъ тонкостей науки, слишкомъ извѣстной всѣмъ жестокосердымъ владыкамъ *(tiranni)*.

По мѣрѣ того какъ увеличивается суровость казней, и человѣческая душа, какъ жидкость, которая всегда стремится къ общему уровню, ожесточается, и живая сила страстей приводитъ къ тому что, по истеченіи цѣлаго вѣка лютыхъ

истязаній, колесованіе устрашаетъ столько же сколько прежде ужасала тюрьма.

Преступники имѣютъ тѣмъ болѣе дерзости противостать наказаніямъ, чѣмъ большее зло ихъ ожидаетъ, и потому самая жестокость наказаній имѣетъ прямымъ своимъ послѣдствіемъ совершеніе нѣсколькихъ преступныхъ дѣяній только для того, чтобъ избѣгнуть наказанія, опредѣленнаго за одно преступленіе.

206. *(конецъ).* Страны и времена, въ которыхъ казни были самыя лютѣйшія въ употребленіи, суть тѣ, въ которыхъ содѣвалися беззаконія самыя безчеловѣчныя.

Страны и столѣтія самыхъ лютыхъ казней были всегда поприщемъ самыхъ кровавыхъ и безчеловѣчныхъ преступленій, потому что тотъ же духъ свирѣпости, руководившій законодателемъ, руководиль рукою отцеубійцы и разбойника.

Этотъ духъ диктовалъ на престолѣ жестокимъ душамъ рабовъ желѣзные законы, которымъ они повиновались, а въ мрачныхъ убѣжищахъ преступниковъ возбуждалъ ихъ къ убійству однихъ властителей *(tiranni)*, для того только, чтобъ поставить на ихъ мѣсто другихъ.

Жестокость наказаній влечетъ за собою два гибельныхъ послѣдствія, противныя самой цѣли предупрежденія преступленій.

Первое слѣдствіе: очень трудно сохранить существенную соразмѣрность между преступленіемъ и наказаніемъ, и не взирая на то, что изобрѣтательная жестокость увеличила виды наказаній, все же невозможно превзойти крайнюю степень силы, ограничивающей природу и впечатлительность человѣка; если бы мы дошли до этой крайней степени, то за тѣмъ не нашли бы для преступленій самыхъ вредныхъ и свирѣпыхъ, соотвѣтствующаго болѣе строгаго наказанія, необходимаго для предупрежденія того преступленія.

Другое слѣдствіе состоитъ въ томъ, что самая безнаказанность есть послѣдствіе жестокости казней; люди вращаются въ извѣстныхъ границахъ добра и зла и зрѣлище слишкомъ жестокое для человѣчества, можетъ увлечь на минуту его

ярость, но не должно быть постоянною задачею законодателя.

208. Если гдѣ законы были суровы, то они или перемѣнены, или не наказаніе злодѣйствъ родилось отъ самой суровости законовъ.

Великость наказаній должна относима быть къ настоящему состоянію и къ обстоятельствамъ, въ которыхъ какій народъ находится; по мѣрѣ какъ умы живущихъ въ обществѣ просвѣщаются, такъ умножается и чувствительность каждаго особо гражданина; а когда въ гражданахъ возрастаетъ чувствительность, то надобно, чтобы строгость наказаній умалялася.

Если законы дѣйствительно свирѣпы, то или они должны измѣниться, или же послѣдствіемъ ихъ будетъ неизбѣжная безнаказанность.

Заключаю слѣдующимъ размышленіемъ: строгость наказаній должна соотвѣтствовать состоянію самаго государства; на очерствѣлыя души народа, едва вышедшаго изъ дикаго состоянія, нужно дѣйствовать впечатлѣніями болѣе сильными и чувствительными; нуженъ ударъ грома, чтобъ поразить льва, ибо выстрѣлъ изъ ружья можетъ только раздражить его: но по мѣрѣ развитія народа въ условіяхъ общежитія, возрастаетъ и впечатлительность, и вмѣстѣ съ тѣмъ должна ослабиться строгость наказаній, если только мы желаемъ поддерживать постоянно правильныя отношенія между предметомъ и его впечатлѣніемъ на человѣка.

§ XVI.

Смертная казнь.

Наказъ Екатерины.

209. *Вопросъ VI.* Смертная казнь полезна ль и нужна ли въ обществѣ для сохраненія безопасности и добраго порядка?

Ненужная расточительность казней, никогда не сдѣлавшая людей лучшими, заставляетъ меня обсудить вопросъ: полезна ли и справедлива ли смертная казнь въ хорошо устроенномъ государствѣ?

Какъ опредѣлить право, присвоенное себѣ людьми убивать себѣ подобныхъ? Конечно это не то право, изъ коего истекаютъ верховная власть и законы.

Они суть не что иное, какъ сумма мелкихъ частицъ частной свободы отдѣльныхъ личностей: они выражаютъ общую волю, т. е. совокупность воли отдѣльныхъ личностей; кто бы предоставилъ другому право убить себя? Какимъ образомъ въ самой незначительной уступкѣ свободы отдѣльнаго лица можетъ заключаться право на высшее благо всѣмъ принадлежащее—право на жизнь?

И еслибъ это было такъ, то какимъ же образомъ согласовать это начало съ другимъ, по коему человѣкъ не имѣетъ права на самоубійство? Вѣдь онъ долженъ былъ пользоваться правомъ самоубійства, если могъ передать его кому либо другому, или цѣлому обществу: слѣдовательно смертная казнь не есть право, я доказалъ это.

Смертная казнь есть война государства съ гражданиномъ, потому что оно признаетъ необходимымъ или полезнымъ уничтожить его существованіе.

210. *(начало).* Опыты свидѣтельствуютъ что частое употребленіе казней никогда людей не сдѣлало лучшими:

Но если я докажу, что смерть и не необходима, и не полезна, то я преодолѣю враговъ человѣчества.

чего если Я докажу, что въ обыкновенномъ состояніи общества смерть гражданина ни полезна ни нужна, то Я преодолѣю возстающихъ противъ человѣчества. Я сдѣсь говорю: въ обыкновенномъ общества состояніи: ибо смерть гражданина можетъ въ одномъ только случаѣ быть потребна, сирѣчь: когда онъ лишенъ будучи вольности, имѣетъ еще способъ и силу, могущую возмутить народное спокойство. Случай сей не можетъ нигдѣ имѣть мѣста, кромѣ когда народъ теряетъ, или возвращаетъ свою вольность. Или во время безначалія, когда самые безпорядки заступаютъ мѣсто законовъ. А при спокойномъ царствованіи законовъ и подъ образомъ правленія соединеннымъ всего народа желаніями утвержденнымъ въ государствѣ противу внѣшнихъ непріятелей защищенномъ и внутри поддерживаемомъ крѣпкими подпорами, то есть силою своею и вкоренившимся мнѣніемъ во гражданахъ, гдѣ вся власть въ рукахъ Самодержца; въ такомъ государствѣ не можетъ въ томъ быть никакой нужды, чтобъ отнимати жизнь у гражданина.

Смерть гражданина можетъ признаваться необходимою по двумъ только причинамъ. Во 1-хъ, когда онъ, даже лишонный свободы, имѣетъ еще такія отношенія и такое могущество, отъ коихъ зависитъ безопасность государства; во 2-хъ, когда существованіе его можетъ произвести опасный переворотъ *(rivoluzione)* установленнаго образа правленія. Значитъ смерть какого либо гражданина дѣлается необходимою, когда государство возстановляетъ или теряетъ свою свободу, или во времена безначалія *(anarchia)*, когда безпорядки занимаютъ мѣсто законовъ. Но въ теченіе спокойнаго царствованія законовъ, при томъ образѣ правленія, которому сочувствуетъ все государство, защищаемое извнѣ и внутри и своею собственною силою и общественнымъ мнѣніемъ, можетъ быть гораздо болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ самая сила, гдѣ власть остается за настоящимъ Государемъ, гдѣ за деньги покупаютъ только удовольствія, а не общественныя должности, я не вижу никакой необходимости искоренять гражданина, развѣ бы его смерть была настоящею и единственною уздою для отвлеченія другихъ отъ совершенія преступленій: вотъ второе осно-

ваніе, дающее возможность вѣровать въ справедливость и необходимость смертной казни.

210. *(конецъ).* Двадцать лѣтъ государствованія Императрицы Елисаветы Петровны преподаютъ отцамъ народовъ примѣръ къ подражанію изящнѣйшій, нежели самыя блистательныя завоеванія.

Если опытъ всѣхъ вѣковъ, въ теченіе коихъ смертная казнь никогда не отвлекала рѣшительныхъ людей отъ нарушенія правъ общества,— если примѣръ римскихъ гражданъ и *двадцать лѣтъ царствованія русской Императрицы Елисаветы,* подавшей отцамъ народовъ этотъ знаменитый примѣръ, равный по крайней мѣрѣ многимъ побѣдамъ, купленнымъ цѣною крови сыновъ родной земли, не убѣдили людей, слушающихъ съ подозрѣніемъ каждое разумное слово, а повинующихся только приказанію, — то слѣдуетъ только вникнуть въ природу человѣка, чтобы понять, что я говорю правду.

211. Не чрезмѣрная жестокость и разрушеніе бытія человѣческаго производятъ великое дѣйствіе въ сердцахъ гражданъ, но непрерывное продолженіе наказанія.

Не строгость наказанія имѣетъ бо́льшее вліяніе на душу человѣка, но продолжительность онаго, потому что чувства наши легче и вѣрнѣе поддаются слабымъ, но часто повторяющимся впечатлѣніямъ, чѣмъ одному сильному, но скоро проходящему вліянію.

Господство привычки присуще каждому впечатлительному существу; а такъ какъ человѣкъ и говоритъ, и ходитъ и удовлетворяетъ всѣмъ своимъ потребностямъ съ помощью привычки, то нравственные образы впечатляются въ его умѣ только вслѣдствіе продолжительныхъ и возобновляющихся ударовъ.

212. *(начало)*. Смерть злодѣя слабѣе можетъ воздержать беззаконія нежели долговременный и непрерывно пребывающій примѣръ человѣка лишеннаго своея свободы для того, чтобы наградить работою своею чрезъ всю его жизнь продолжающеюся вредъ имъ сдѣланный обществу. Ужасъ причиняемый воображеніемъ смерти можетъ быть гораздо силенъ, но забвеніе въ человѣкѣ природному оный противустоять не можетъ. Правило общее: впечатлѣнія въ человѣческой душѣ стремительныя и насильственныя тревожатъ сердца и поражаютъ, но дѣйствія ихъ долго въ памяти не остаются.

Не ужасный и скоропроходящій видъ казни разбойника, но долговременный и *выстраданный* примѣръ человѣка, лишеннаго свободы и превратившагося въ рабочую скотину, обязаннаго вознаградить своими трудами оскорбленное имъ общество, — вотъ самая сильная узда для преступленій.

Это дѣйствительное, потому что часто повторяемое возобновленіе въ нашей памяти: *я самъ могу быть приведенъ въ это долговременное и несчастное состояніе, если совершу подобное злодѣяніе*, — гораздо могущественнѣе мысли о смерти, на которую люди всегда смотрятъ какъ на что-то неизвѣстное и отдаленное.

Не взирая на всю силу впечатлѣнія смертной казни, оно забывается также скоро, какъ и обстоятельства повидимому самыя важныя въ жизни человѣка при обыденномъ дѣйствіи его страстей.

Общее правило: сильныя страсти поражаютъ человѣка, но не на долго.

Поэтому онѣ способны произвести такіе только перевороты, которые разомъ изъ простыхъ смертныхъ дѣлаютъ Персіянъ или Спартанцевъ, но при свободномъ и спокойномъ правительствѣ важно не то, чтобъ впечатлѣнія были сильны, а то, чтобъ они чаще повторялись.

Толпа смотритъ на смертную казнь какъ на увеселительное зрѣлище; въ нѣкоторыхъ немногихъ людяхъ она вызываетъ чувство состраданія, смѣшаннаго съ негодованіемъ:

оба эти чувства преобладаютъ въ сердцахъ зрителей, а вовсе не спасительный ужасъ, который законъ предполагаетъ внушить; но этотъ страхъ становится господствующимъ и даже единственнымъ чувствомъ при умѣренныхъ, но продолжающихся наказаніяхъ.

Предѣлы строгости наказанія, обязательные для законодателя, указываются, какъ кажется, чувствомъ состраданія, когда оно начинаетъ брать верхъ надъ всѣми прежними чувствами въ сердцахъ зрителей казни, совершаемой болѣе для нихъ, чѣмъ для самаго преступника.

212. *(конецъ).* Чтобы наказаніе было сходно со правосудіемъ, то не должно ономy имѣть большаго степени напряженія какъ только, чтобъ оно было довольно къ отвращенію людей отъ преступленія. И такъ Я смѣло утверждаю, что нѣтъ человѣка который бы, хотя мало подумавши, могъ положити въ равновѣсіи, съ одной стороны преступленіе, какія бы оно выгоды ни обѣщало: а съ другой всецѣлое и съ жизнію кончающееся лишеніе вольности.

Для того, чтобы наказаніе было справедливо, оно должно имѣть только тѣ степени строгости, которыя достаточны, чтобъ отвлечь людей отъ преступленій; но нѣтъ человѣка, который, обдумавши выгоды предполагаемаго преступленія, рѣшился бы рисковать изъ за него совершенною и вѣчною потерею своей свободы.

Слѣдовательно, замѣнивъ смертную казнь вѣчною неволею, мы сдѣлаемъ это наказаніе достаточно строгимъ для того, чтобы отклонить отъ преступленія всякаго рѣшительнаго человѣка.

Прибавлю: это наказаніе будетъ болѣе чѣмъ достаточно. Многіе смотрятъ на смерть спокойно и рѣшительно: одни изъ религіознаго увлеченія *(fanatismo)*, другіе изъ гордости, почти всегда сопровождающей человѣка за предѣлы гроба; наконецъ иные изъ отчаянія бросаются на смерть только для того, чтобъ прекратить свои бѣдствія. Но ни увлеченіе, ни гордость не могутъ противустоять цѣпямъ и колодкамъ, ярму, ударамъ палокъ, заключенію въ желѣзной клѣткѣ, и отчаянные люди

не кончаютъ здѣсь своихъ бѣдствій: они здѣсь ихъ только начинаютъ.

Духъ нашъ можетъ легче сопротивляться насилію, жестокимъ, но скоропроходящимъ мукамъ, чѣмъ времени и постоянной тоскѣ, потому что онъ можетъ, такъ сказать, сосредоточиться самъ въ себѣ на одно мгновеніе, чтобъ подавить ощущеніе тѣлесныхъ страданій, но могущественная его гибкость недостаточна для того, чтобы противостоять продолжительному и возобновляющемуся дѣйствію мученій тоски.

Примѣръ смертной казни оставляетъ въ государствѣ примѣръ наказанія одного только преступленія; вѣчная неволя изъ одного преступленія вызываетъ множество продолжительныхъ примѣровъ, и если важно выказывать сколь можно чаще могущество закона, то смертная казнь должна примѣняться чаще, чрезъ небольшіе промежутки времени, но для этого необходимо, чтобъ и преступленія совершались чаще: значитъ для того, чтобы это наказаніе было полезно, необходимо, чтобъ оно увеличивало число преступленій, т. е. чтобъ оно было и полезно и вредно въ одно и тоже время.

Тому, кто скажетъ, что вѣчная неволя столь же тяжелое наказаніе, какъ и смерть, и слѣдовательно, оба наказанія одинаково жестоки, я замѣчу, что слагая всѣ злосчастныя минуты неволи, это наказаніе еще сильнѣе смертной казни, но первая разлагается на всю жизнь, а послѣдняя дѣйствуетъ всею своею силою только на одно мгновеніе; въ этомъ и состоитъ польза неволи какъ наказанія: она устрашаетъ болѣе того, кто видитъ, нежели того, кто чувствуетъ.

Первый соображаетъ всю сумму злосчастныхъ мгновеній, а послѣдній, бѣдствіями настоящей минуты отвлекается отъ мысли о будущихъ страданіяхъ; всѣ мученія усиливаются воображеніемъ, и страдающій находитъ средства и утѣшенія, непонятныя зрителямъ, средства, которымъ они не вѣрятъ, потому что состраданіе ихъ не дозволяетъ имъ понять замертвѣлую душу несчастнаго.

Я укажу приблизительно разсужденія разбойника или убійцы, которымъ, кромѣ висѣлицы и колесованія, ничто не препятствуетъ нарушать законы.

Но прежде замѣчу, что конечно одно только воспитаніе даетъ возможность человѣку понимать движенія собственной своей души, но хотя разбойникъ и не можетъ ясно выразить внутреннихъ своихъ побужденій, все же они на него дѣйствуютъ всею своею силою.

Вотъ эти разсужденія:

«Могу ли я уважать законы, которые проводятъ такое рѣз-«кое различіе между мною и богачомъ? Этотъ не броситъ мнѣ, «по моей просьбѣ, мѣднаго гроша, а оправдывается, отсылая «меня на работу, которой самъ не испыталъ. Кто создалъ эти «законы? богатые и могущественные люди, которые никогда не «удостоили своимъ посѣщеніемъ мрачнаго жилища нищаго, «которые никогда не раздѣляли въ своей семьѣ куска гнилаго «хлѣба, въ виду плачущей матери и при невинныхъ стонахъ «голодающихъ дѣтей».

«Разрушимъ эти препоны, гибельныя для большинства и «полезныя только для немногихъ невѣжественныхъ злодѣевъ «*(tiranno)*; вооружимся противъ несправедливости въ самомъ «ея зародышѣ».

«Я возвращусь въ прежнее мое дикое, природное состояніе; «проживу сколько можно и свободно и счастливо, добывая «себѣ пропитаніе трудомъ и мужествомъ; можетъ быть насту-«питъ день печали и раскаянія, но это не будетъ продолжать-«ся долго, и многіе годы свободы и веселій вознаградятъ меня «за одинъ день страданій: за то, будучи предводителемъ немно-«гихъ храбрецовъ, я могу исправить ошибки счастья и видѣть «этихъ своевольцевъ *(tiranni)*, считающихъ, въ своей тще-«славной роскоши, меня хуже своихъ собакъ и лошадей, «этихъ самыхъ владыкъ,—блѣдными и трепещущими передо «мною».

Тогда религія приходитъ на помощь разбойнику всѣмъ злоупотребляющему, и напоминая ему о легкомъ раскаяніи и о возможной достовѣрности вѣчнаго блаженства, сильно ослабляетъ ужасъ послѣдней страшной минуты *(ultima tragedia)*.

Но тотъ, кому предстоятъ долгіе годы мученій и можетъ быть вся остальная жизнь, въ неволѣ и горести, въ виду своихъ согражданъ, съ которыми онъ жилъ на свободѣ и въ обществѣ, тотъ, кто долженъ сдѣлаться рабомъ законовъ прежде ему опкровительствовавшихъ, тотъ дѣлаетъ полезное сравнене

всего этого съ невѣроятностью успѣха своихъ преступленій и съ краткостью времени, въ теченіе коего онъ могъ бы воспользоваться ихъ плодами.

Постоянный примѣръ людей, сдѣлавшихся жертвами своей собственной непредусмотрительности, производитъ на него болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ видъ смертной казни, скорѣе очерствляющій его, а не исправляющій.

Смертная казнь, показывая людямъ примѣръ свирѣпости, по этому самому не можетъ быть полезна.

Если страсти или необходимость войны заставили насъ проливать кровь человѣка, то законы, имѣющіе цѣлью смягчить нравы людей, не должны увеличивать подобныхъ нахальныхъ примѣровъ, тѣмъ болѣе гибельныхъ, что здѣсь законная смерть обставляется изысканными обрядностями.

Мнѣ кажется нелѣпостью, чтобы законы составляющіе выраженіе воли всего общества, порицающіе и наказующіе убійство, сами его допускали, и для отклоненія гражданъ отъ скрытнаго убійства приказывали бы совершать его открыто *(pubblico)*.

Какіе же законы дѣйствительно и справедливы и полезны? Тѣ только соглашенія и условія, которыя мы всѣ желали бы предложить и исполнять въ ту минуту, когда умолкаетъ въ насъ, всегда управляющій нами голосъ личныхъ выгодъ, или же когда частныя выгоды сливаются съ общественными.

Съ какими чувствами смотритъ каждый изъ насъ на смертную казнь?

Мы узнаемъ это изъ того негодованія и презрѣнія, съ которымъ каждый смотритъ на палача, а между тѣмъ этотъ послѣдній все же не что иное, какъ невинный исполнитель воли общества, хорошій гражданинъ, содѣйствующій общественному благу, необходимое орудіе общественной безопасности противъ внутреннихъ враговъ государства, какъ и храбрые солдаты противъ внѣшнихъ враговъ.

Гдѣ же источникъ такого противорѣчія? Почему это чувство противорѣчія въ насъ такъ сильно, не взирая на указанія разума.

Потому что люди, въ самомъ таинственномъ уголкѣ своей души, въ той ея части, которая болѣе, чѣмъ какая либо другая сохранила еще самобытный образъ *(la forma originale)* древней

природы, всегда думали, что жизнь человѣка не состоитъ въ зависимости отъ чьей либо власти, кромѣ силы необходимости, которая своимъ желѣзнымъ скиптромъ заправляетъ всею вселенною.

Чтоже должны думать люди, видѣвши мудрыхъ судей и престарѣлыхъ жрецовъ правосудія, заставляющихъ, съ невозмутимымъ спокойствіемъ и съ медленнымъ торжествомъ, тащить преступника на смерть, и между тѣмъ какъ несчастный содрагается въ предсмертныхъ судорогахъ, ожидая рѣшительнаго удара, тѣже судьи, съ безсердечнымъ хладнокровіемъ, и можетъ быть даже съ тайнымъ удовольствіемъ сознанія своей власти, возвращаются къ удобствамъ и наслажденіямъ своей жизни?

«А, скажутъ они, эти законы суть не что иное, какъ предлоги насилія, и обдуманныя и жестокія обрядности, коими обставлена правда, эти законы суть не что иное, какъ условленныя средства, чтобы съ большею безопасностью осудить насъ, какъ заранѣе указанныя жертвы ненасытнаго кумира *(idolo)* своеволія *(dispotismo)*.

Мы видимъ, что убійство, о которомъ намъ проповѣдуютъ какъ о страшномъ злодѣяніи, приводится въ дѣйствіе безъ отвращенія и безъ негодованія; воспользуемся этимъ примѣромъ: по описаніямъ другихъ, намъ казалось, что насильственная смерть есть страшное зрѣлище, но теперь мы видимъ, что это дѣло одного мгновенія; для человѣка не ожидающаго ея она будетъ очень легкимъ наказаніемъ, и избавитъ его отъ всего, что есть въ ней ужаснаго.

Таковы злополучныя лжеумозаключенія *(paralogismi)* которыя, если не съ совершенною ясностью, то по крайней мѣрѣ смутно, дѣлаютъ люди поддающіеся преступленіямъ, люди въ которыхъ, какъ мы уже видѣли, злоупотребленіе религіею сильнѣе самой религіи.

Если мнѣ возразятъ примѣромъ почти всѣхъ вѣковъ и почти всѣхъ государствъ, въ коихъ за нѣкоторыя преступленія назначалась смертная казнь, отвѣчу, что они уничтожаются предъ лицомъ истины, противу котораго нѣтъ никакой давности: всемірная исторія даетъ намъ понятіе объ обширномъ морѣ заблужденій, изъ коего весьма рѣдко выплываютъ немногія и смутныя истины.

Жертвоприношеніе людей было общимъ обычаемъ почти всѣхъ государствъ, но кто же осмѣлится оправдывать этотъ обычай?

Что немногія только государства, и притомъ на самое короткое время, воздержались отъ смертной казни,—это скорѣе оправдываетъ мое мнѣніе, а не опровергаетъ его, потому что это совершенно согласно съ судьбою великихъ истинъ, которыя свѣтятъ какъ молнія въ сравненіи съ продолжительною и мрачною ночью, удручающею людей.

Еще не настало счастливое время, когда истина, какъ прежде заблужденія, будетъ принадлежностію наибольшаго числа людей, и изъ этого всеобщаго закона дѣлались до сихъ поръ единственныя исключенія для тѣхъ началъ, которыя Вѣчная Мудрость желала отдѣлить отъ другихъ Своимъ откровеніемъ.

Слово мудреца слишкомъ слабо, чтобы противостоять гвалту и крикамъ людей, руководимыхъ слѣпою привычкою; и немногіе изъ умныхъ людей, разсѣянныхъ по лицу земли, отвѣтятъ мнѣ тѣмъ же изъ глубины своего сердца. Если бы истина могла, не взирая на безконечныя препятствія, которыя удаляютъ ее отъ Монарха, даже противъ его воли, достигнуть до его престола, онъ долженъ понять, что она высказываетъ ему тайныя желанія всего народа, онъ долженъ понять, что слава его заглушитъ кровавую славу завоевателей, и что справедливое потомство поставитъ его выше миролюбивыхъ Титовъ, Антониновъ и Траяновъ.

Счастливо было бы человѣчество, если бы съ перваго разу ему были предписаны законы Монархами, которыхъ мы теперь видимъ на престолахъ Европы: благодѣтельныхъ, воодушевляющихъ мирныя добродѣтели, покровительствующихъ наукамъ, искуствамъ; отцовъ своихъ народовъ, коронованныхъ гражданъ, усиливающихъ свою власть счастьемъ своихъ подданныхъ; подавляющихъ насиліе посредствующихъ властей, болѣе жестокихъ, потому что они менѣе обезпечены, властей, старающихся заглушить всегда откровенный голосъ народа, *а этотъ голосъ конечно былъ бы выслушанъ, если бы только могъ достигнуть подножія престола* (*).

(*) *Примѣчаніе переводчика.* Екатерина II-ая услышала этотъ голосъ: Она взяла книгу Беккаріи за основаніе своего наказа 30 іюля 1767-го года.

Если нынѣшніе Государи оставляютъ еще обветшалые законы, то это происходитъ единственно отъ тѣхъ безконечныхъ затрудненій, которыя необходимо устранить, чтобы очистить законы отъ заблужденій почитаемой толпою ржавчины, накопившейся въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій.

Вотъ почему просвѣщенные граждане должны сколь возможно болѣе желать постояннаго усиленія власти современныхъ намъ Монарховъ (*).

(*) *Примѣчаніе переводчика.* Развѣ эти строки не вчера написаны? Кто изъ насъ не сдѣлаетъ этой хронологической ошибки, если подумаетъ о томъ, что въ Россіи царствуетъ Императоръ Александръ II, въ Германіи—Вильгельмъ I, въ Англіи—Викторія, въ Италіи—Гумбертъ, наслѣдникъ Виктора Эммануила, а въ Ватиканѣ—Папа Левъ XIII, и наконецъ, что главою французской республики недавно избранъ Греви. (Сравните замѣчаніе къ § XXVI о преступленіяхъ противъ верховной власти, гдѣ есть списокъ современныхъ Беккаріи Государей Европы).

§ XVII.

Изгнаніе и отобраніе имущества.

(Bando; confische).

Наказъ Екатерины.

214. Кто мутитъ народное спокойствіе; кто не повинуется законамъ; кто нарушаетъ сіи способы, которыми люди соединены въ общества, и взаимно другъ друга защищаютъ; тотъ долженъ изъ общества быть исключенъ, то есть, стать извергомъ.

Человѣкъ, возмущающій общественное спокойствіе, не повинующійся законамъ, т. е. условіямъ, вслѣдствіе коихъ люди терпятъ другъ друга и защищаются другъ отъ друга, долженъ быть исключенъ изъ общества, т. е.—изгнанъ.

Кажется, что изгнанію должны подвергаться обвиняемые въ тяжкихъ преступленіяхъ, когда, при всей вѣроятности преступленія, къ изобличенію преступника нѣтъ достаточныхъ доказательствъ: такого рода наказанія требуютъ однако изданія уложенія законовъ, наименѣе произвольнаго и по возможности точнаго.

Законы должны осуждать на изгнаніе того, кто ставитъ государство въ необходимость или бояться его, или наказать, оставляя однако за нимъ святое право доказать свою невинность.

215. Надлежитъ важнѣйшія имѣти причины къ изгнанію гражданина, нежели чужестранца.

Поэтому причины изгнанія должны быть важнѣе въ отношеніи туземца, чѣмъ въ отношеніи иностранца, въ отношеніи обвиняемаго въ первый разъ, чѣмъ въ отношеніи лица, подвергавшагося неоднократнымъ обвиненіямъ.

Но слѣдуетъ ли у изгнаннаго навсегда изъ общества, котораго онъ былъ членомъ, отбирать его имущество? На этотъ вопросъ можно смотрѣть съ различныхъ точекъ зрѣнія.

Лишеніе имущества есть наказаніе болѣе сильное, чѣмъ изгнаніе: слѣдовательно въ нѣкоторыхъ случаяхъ, соразмѣрно преступленію, должно быть отбираемо все имущество, или только часть онаго; въ другихъ же случаяхъ этого допускать не слѣдуетъ. Лишеніе всего имущества должно назначаться тогда только, когда изгнаніе, назначенное закономъ, таково, что разрываетъ всѣ безъ изъятія отношенія между обществомъ и виновнымъ гражданиномъ: тогда и гражданинъ умираетъ; остается только человѣкъ. Въ отношеніи къ государству такая смерть должна имѣть дѣйствіе естественной смерти.

Изъ сего слѣдуетъ, что лишеніе имущества должно скорѣе быть назначаемо въ пользу законныхъ наслѣдниковъ виновнаго, а не Государя, потому что смерть и такого рода изгнаніе составляютъ въ отношеніи къ государству одно и тоже; но не вслѣдствіе этой тонкости я осмѣливаюсь возражать противъ отобранія имущества. Нѣкоторые писатели доказывали, что оно необходимо какъ узда противъ мести и вообще противъ преобладающаго вліянія обвиненнаго, но они не обсудили, что если наказаніе имѣетъ какое нибудь хорошее послѣдствіе, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ оно было справедливо: чтобъ быть справедливымъ, наказаніе должно быть необходимымъ, а полезная несправедливость не можетъ быть терпима законодателемъ, желающимъ закрыть двери бдительному насилію *(vigilante tirannia)*, обманывающему мгновеннымъ счастьемъ и блаженствомъ немногихъ сильныхъ, презирая слезы и грядущую погибель безконечнаго числа неизвѣстныхъ.

Отобраніе имущества опредѣляетъ цѣну за голову слабаго, наказываетъ невиннаго за виновнаго и ставитъ самыхъ невинныхъ въ отчаянную необходимость совершать преступленія.

Можетъ ли быть что либо прискорбнѣе вида семейства, доведеннаго до позора и нищеты преступленіемъ главы семейства; преступленіемъ, коего подчиненное родительской власти семейство не имѣло бы права предупредить, если бы даже и обладало всѣми къ тому средствами.

§ XVIII.

Безчестье.

Наказъ Екатерины.

216. Наказаніе, объявляющее человѣка безчестнымъ есть знакъ всенароднаго о немъ худаго мнѣнія, которое лишаетъ гражданина почтенія и довѣренности обществомъ ему прежде оказанной, и которое его извергаетъ изъ братства, хранимаго между членами того же государства. Безчестіе, законами налагаемое, должно быть тоже самое, которое происходитъ изъ всесвѣтнаго нравоученія:

Безчестье есть клеймо общественнаго позора, лишающее виновнаго уваженія общества, довѣрія отечества и того почти братскаго чувства, которое связываетъ всѣхъ членовъ общества.

Оно не зависитъ отъ закона: поэтому необходимо, чтобы признаваемое закономъ безчестье истекало изъ самой природы вещей и внушалось бы или всеобщею нравственностью, или же нравственностью, зависящею въ данной мѣстности отъ общественнаго мнѣнія, этого законодателя общепринятыхъ въ государствѣ понятій.

Въ противномъ случаѣ или законъ лишается общаго уваженія, или же самыя понятія о чести и нравственности ослабляются, не смотря на разсужденія, всегда уступающія примѣрамъ.

Ибо когда дѣйствія называемыя нравоучителями среднія, объявятся въ законахъ безчестными, то воспослѣдуетъ сіе неустройство, что дѣйствія долженствующія для пользы общества почитаться безчест-

Признаніе безчестными дѣйствій безразличныхъ придаетъ болѣе значенія дѣйствіямъ по истинѣ безчестнымъ.

ными, перестанутъ вскорѣ признаваемы быть за такія.

217. Надлежитъ весьма беречься, чтобъ не наказывать тѣлесными и боль причиняющими наказаніями зараженныхъ порокомъ притворнаго нѣкоего вдохновенія и ложной святости. Сіе преступленіе, основанное на гордости или киченіи изъ самой боли получитъ себѣ славу и пищу. *Чему примѣры были въ бывшей тайной канцеляріи, что таковые по особливымъ днямъ прихаживали единственно для того, чтобы претерпѣть наказанія* (*).

Тѣлесныя и мучительныя наказанія не должны быть назначаемы за преступленія, основанныя на гордости, извлекающія славу и пищу изъ самой боли: этимъ преступленіямъ соотвѣтствуютъ позоръ и безчестье, наказанія, смиряющія гордость изувѣровъ презрѣніемъ присутствующихъ при его наказаніи, и, отъ вліянія коихъ самая истина освобождается только вслѣдствіе продолжительныхъ и упорныхъ усилій.

218. Безчестіе и посмѣяніе суть однѣ наказанія, кои употреблять должно противу притворно вдохновенныхъ и лжесвятошъ; ибо сіи гордость ихъ притупиши могутъ. Такимъ образомъ противуположивъ, силы силамъ того же рода, просвѣщенными законами разсыплютъ аки прахъ удивленіе, могущее вогнѣздиться во слабыхъ умахъ о ложномъ ученіи.

Такъ, противопоставляя силу силѣ, а мнѣніе мнѣнію, разумный законодатель разрушаетъ восторгъ и удивленіе народа, возбужденные лживыми ученіями, краснорѣчивое развитіе коихъ почти всегда скрываетъ отъ толпы ихъ нелѣпость.

219. Безчестіе на многихъ вдругъ налагать не должно.

Наказаніе безчестіемъ не должно повторяться слишкомъ часто, и его не слѣдуетъ распространять разомъ на большое число людей.

Первое—потому что безпрерывное проявленіе нравственныхъ понятій въ дѣйствіяхъ ослабляетъ силу самыхъ понятій;

(*) *Примѣчаніе переводчика.* Конецъ статьи 217-й составляетъ не переводъ, а практическое разъясненіе мысли автора.

второе—потому что подвергая многихъ этому наказанію мы не подвергаемъ ему никого.

Это единственный способъ не допускать смѣшенія понятій и не нарушать законовъ природы, всегда непремѣнныхъ; ибо природа, не ограниченная временемъ, и дѣйствующая постоянно, разрушаетъ и измѣняетъ всѣ состоящія отъ нее въ зависимости постановленія противу нее направленныя.

Не одни искуства, удовлетворяющія вкусу и чувственнымъ наслажденіямъ, должны имѣть главнымъ своимъ началомъ, вѣрное подражаніе природѣ.

Наука государственной мудрости *(politica)* въ особенности, по крайней мѣрѣ истинная и долговременная, подчиняется безусловно этому началу: она есть не что иное, какъ *искуство* самымъ лучшимъ образомъ управлять и направлять къ одной цѣли непоколебимыя чувства человѣка.

§ XIX.

Быстрота наказаній.

Наказъ Екатерины.

220. Наказанію подлежитъ быть готовому, сходственному съ преступленіями и народу извѣстному.

221. Чѣмъ ближе будетъ отстоять наказаніе отъ преступленія и въ надлежащей учинится скорости, тѣмъ оно будетъ полезнѣе и справедливѣе! справедливѣе потому, что оно преступника избавитъ отъ жестокаго и излишняго мученія сердечнаго о неизвѣстности своего жребія. Производство дѣла въ судѣ должно быть окончено въ самое меньшее сколь можно время. Сказано Мною, что въ надлежащей скорости чинимое наказаніе полезно; для того, что чѣмъ меньше времени пройдетъ между наказаніемъ и преступленіемъ, тѣмъ больше будутъ почитати преступленіе причиною наказанія, а наказаніе дѣйствіемъ преступленія: наказаніе должно быть непреложно и неизбѣжно.

Чѣмъ быстрѣе и ближе слѣдуетъ наказаніе за совершеніемъ преступленія, тѣмъ оно справедливѣе и тѣмъ полезнѣе.

Я говорю справедливѣе потому, что оно освобождаетъ виновнаго отъ безполезныхъ и рѣзкихъ мученій неизвѣстности, увеличивающихся съ силою воображенія и съ сознаніемъ собственной слабости; справедливѣе потому, что лишеніе свободы есть наказаніе, и оно не должно предшествовать рѣшенію, развѣ бы необходимость того требовала.

168. Взяти человѣка подъ стражу не что иное есть,

Значитъ тюрьма есть только необходимая охрана гражда-

какъ хранить опасно особу гражданина обвиняемаго, доколѣ учинится извѣстно виноватъ ли онъ или невиновенъ. И такъ содержаніе подъ стражею должно длиться сколь возможно меньше, и быть столь снисходительно, сколь можно. Время оному надлежитъ опредѣлить по времени, которое требуется ко приготовленію дѣла къ слушанію судьямъ. Строгость содержанія подъ стражею не можетъ быть иная никакая, какъ та, которая нужна для пресѣченія обвиняемому побѣга, или для открытія доказательствъ во преступленіи. Рѣшить дѣло надлежитъ такъ скоро, какъ возможно.

нина прежде его осужденія, и эта охрана въ высшей степени тяжолая, должна продолжаться наименьшее, по возможности, время и быть по возможности менѣе жестокая.

Сокращеніе времени слѣдуетъ соображать и съ необходимою продолжительностью производства дѣла и съ правомъ на скорѣйшее обсужденіе преступленія, совершеннаго прежде другого.

Строгость заключенія должна быть только необходимая или для того, чтобы воспрепятствовать бѣгству, или для того, чтобы не затемнить доказательства преступленія.

Самое производство надлежитъ окончить въ возможно краткое время.

Можно ли представить себѣ болѣе жестокую противоположность, какъ невниманіе судьи и мучительныя страданія обвиняемаго!

Съ одной стороны мы видимъ удобства и удовольствія безсердечнаго судьи, а съ другой,—слезы и вопли узника.

Вообще тяжесть наказанія и послѣдствія преступленія должны быть самыя *поразительныя* для другихъ и по возможности менѣе жестокія для того, кто долженъ страдать: нельзя признать законнымъ общество, не признающее стремленія къ наименьшимъ страданіямъ всѣхъ своихъчлены, за непоколебимое начало своего существованія.

Я сказалъ, что быстрота наказаній болѣе полезна потому, что чѣмъ менѣе времени протекло между наказаніемъ и злодѣяніемъ, тѣмъ болѣе и продолжительнѣе въ душѣ человѣка связь этихъ понятій: *преступленіе и наказаніе*, такъ, что всѣ начинаютъ, сами не замѣчая того, сознавать, что первое есть причина, а второе необходимое и неминуемое ея послѣдствіе.

Доказано, что связь понятій есть цементъ, составляющій всю машину человѣческаго разума, безъ коего радость и горе были бы разъединенными чувствами, не имѣющими никакого дѣйствія. Чѣмъ болѣе люди удаляются отъ общихъ понятій и всемірныхъ началъ, т. е. чѣмъ менѣе они образованы, тѣмъ болѣе они дѣйствуютъ подъ вліяніемъ непосредственныхъ и ближайшихъ впечатлѣній *(associzione)*, оставляя безъ вниманія связь ихъ съ предметами болѣе отдаленными и болѣе сложными.

Только люди, обладающіе сильною страстью къ своей задачѣ, не упускаютъ изъ виду отношенія между ближайшимъ и отдаленнымъ событіемъ: ибо обыкновенное вниманіе освѣщаетъ одинъ только предметъ, оставляя другіе во мракѣ.

Равномѣрно, люди болѣе образованные понимаютъ легче связь отдаленныхъ и сложныхъ событій. И это понятно: они получили привычку быстро обозрѣвать, изслѣдовать нѣсколько предметовъ разомъ, и съ легкостью противопоставлять нѣсколько частныхъ понятій одни другимъ, почему и послѣдствіе, т. е. вліяніе какого либо дѣйствія для нихъ, и менѣе опасно и менѣе неопредѣленно.

Слѣдовательно, желая, чтобы въ неразвитой толпѣ, обольстительная картина выгоднаго преступленія потрясалась понятіемъ о связи его съ наказаніемъ, мы должны налагать наказаніе вслѣдъ за преступленіемъ.

Замедленіе наказанія только разъединяетъ эти два понятія *преступленіе и наказаніе*, и хотя послѣднее и производитъ нѣкоторое впечатлѣніе, но скорѣе какъ зрѣлище, а не какъ наказаніе, и притомъ же производитъ это впечатлѣніе въ такое время, когда ужасъ, возбужденный преступленіемъ, уже ослабѣлъ въ сердцахъ зрителей, а именно этотъ ужасъ и усиливалъ бы впечатлѣніе наказанія.

Но есть другое начало весьма полезное для сохраненія надлежащей связи между преступленіемъ и наказаніемъ: наказаніе должно, по возможности, соотвѣтствовать свойству преступленія.

Это начало необыкновенно облегчаетъ пользу противопоставленія побужденія къ преступленію съ возмездіемъ наказанія: въ этомъ случаѣ наказаніе не только удалятъ, но даже ведетъ нашъ духъ къ цѣли совершенно противо-

положной той, къ которой онъ увлекался обольстительною мыслью нарушенія законовъ.

Часто виновные въ маловажныхъ проступкахъ наказываются или во мракѣ тюрьмы, или отсылаются для примѣра въ отдаленное и почти не нужное заключеніе; въ государства, которымъ они ничего дурного не сдѣлали.

Такъ какъ вообще никто не можетъ сразу совершать самыя страшныя преступленія, (а переходитъ постепенно отъ слабѣйшихъ къ сильнѣйшимъ), то открытое наказаніе страшнаго преступленія не имѣетъ вліянія на большинство, которое вовсе не предполагаетъ возможности подвергнуться такому наказанію; но открытое наказаніе маловажныхъ преступленій, а къ нимъ люди болѣе всего склонны, произведетъ впечатлѣніе, которое, отклоняя ихъ отъ послѣднихъ, удаляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ первыхъ.

Наказанія должны быть соразмѣрны, какъ съ преступленіями, такъ и между собою, не только въ своей строгости, но и въ самомъ способѣ ихъ исполненія.

§ XX.

Неизбѣжность наказаній.—Помилованіе.

Наказъ Екатерины.

222. Самое надежнѣйшее обузданіе отъ преступленій есть не строгость наказанія, но когда люди подлинно знаютъ, что преступающій законы непремѣнно будетъ наказанъ.

Не жестокость наказаній, но неизбѣжность ихъ налагаетъ крѣпкую узду на преступленіе: слѣдовательно необходима ежеминутная дѣятельность и строгость неумолимаго судьи, а для того, чтобы она была полезною добродѣтелью, ее нужно руководить милосердымъ законодательствомъ (*).

223. (*начало*). Извѣстность и о маломъ, но неизбѣжномъ наказаніи сильнѣе впечатлѣется въ сердце, нежели страхъ жестокой казни, совокупленный съ надеждою избыть отъ оныя.

Неизбѣжность наказанія, хотя бы и умѣреннаго, всегда произведетъ болѣе впечатлѣнія, чѣмъ страхъ болѣе ужаснаго наказанія, подающаго надежду на безнаказанность:

Зло, даже ничтожное, когда оно неизбѣжно, всегда устрашаетъ насъ, а надежда, этотъ даръ неба, который часто намъ замѣняетъ все на свѣтѣ, всегда удаляетъ отъ насъ мысль о сильнѣйшихъ наказаніяхъ, въ особенности, когда сила ея увеличивается вслѣдствіе слабости и личныхъ корыстныхъ видовъ судьи.

Нѣкоторыя законодательства освобождаютъ отъ наказаній маловажное преступленіе, если обиженная сторона простила виновному.

(*) *Примѣчаніе переводчика.* Мысль эта выражена гораздо кратче и яснѣе словами Высочайшаго указа 20 ноября 1864-го года: *правди и милость да царствуютъ въ судахъ.*

Это согласно съ понятіемъ о милосердіи и человѣколюбіи, но противно общественному благу: развѣ частный гражданинъ, отъ коего всегда зависитъ отказаться отъ вознагражденія за обиду, можетъ, своимъ прощеніемъ, уничтожить важность примѣра наказанія?

Право наказывать принадлежитъ не одному частному лицу, но всѣмъ согражданамъ или Государю; частный человѣкъ можетъ отказаться отъ части своего права, но не можетъ уничтожить права, принадлежащаго другимъ: по мѣрѣ смягченія наказаній милость и прощеніе становятся менѣе необходимыми.

Счастливо то государство, гдѣ они были бы гибельны!

223. *(конецъ).* Поелику наказанія станутъ кротчае и умѣреннѣе, милосердіе и прощеніе тѣмъ меньше будетъ нужно; ибо сами законы тогда духомъ милосердія наполнены.

См. также указъ правительствующему сенату 20 ноября 1864 года.

Значитъ милость, эта добродѣтель, служившая иногда Государю дополненіемъ всѣхъ его обязанностей, подлежала бы исключенію, при самомъ лучшемъ законодательствѣ, *установившемъ и умѣренныя наказанія и судъ скорый и справедливый.*

Эта истина покажется жестокою, тому кто живетъ въ періодъ времени неустройства уголовныхъ законовъ, когда прощеніе и милосердіе необходимы въ силу нелѣпости законовъ и суровости осужденій.

Помилованіе, это самое лестное преимущество престола, самая излюбленная принадлежность верховной власти, а между тѣмъ, это право есть не что иное, какъ безмолвный укоръ,— бросаемый благодѣтельными распредѣлителями земныхъ благъ на законы,—которые, не взирая на всѣ свои недостатки, имѣютъ на своей сторонѣ и предубѣжденія столѣтій, и многочисленную и внушительную громаду безконечныхъ толкователей *(comentatori)*, важную обстановку нескончаемыхъ обрядностей *(formalità)* и одобреніе самыхъ вкрадчивыхъ и вовсе не страшныхъ полуученыхъ.

Но нужно помнить, что милосердіе должно быть добродѣтелью законодателя, а не исполнителя законовъ: оно должно процвѣтать въ законахъ, а не въ частныхъ рѣшеніяхъ.

Показывать людямъ, что преступленія могутъ быть прощаемы, что наказаніе не составляетъ необходимаго послѣдствія

преступленія, это значило бы развивать обманчивую надежду на безнаказанность, и внушать мысль, что, при возможности помилованія, неотмѣненные приговоры объ осужденіи преступника составляютъ только насиліе власти, а не выраженіе правосудія.

Что могутъ сказать если Государь изливаетъ свою милость, т. е. отдаетъ общественное спокойствіе во власть частнаго лица, и такимъ образомъ, частное событіе неразумнаго благодѣянія превращаетъ въ общественное разрѣшеніе безнаказаности.

Вотъ почему законы должны быть неумолимы; неумолимы также должны быть исполнители законовъ во всѣхъ частныхъ случаяхъ, но законодатели должны быть и снисходительны, и милостивы, и человѣколюбивы.

Какъ свѣдующій строитель *(architetto)* законодатель долженъ строить свое зданіе на основаніи человѣческаго самолюбія, и общія выгоды всегда будутъ послѣдствіемъ всѣхъ частныхъ выгодъ: онъ не долженъ будетъ прибѣгать къ исключительнымъ законамъ и трескучимъ лекарствамъ для того, чтобы въ каждую минуту отдѣлять частное благо отъ общественнаго и на страхѣ и недовѣріи возводить призракъ общественнаго спокойствія.

Какъ глубокій и чувствительный мудрецъ *(filosofo)*, законодатель стремится къ тому, чтобы люди,—его братья,—наслаждались въ мирѣ, тою малѣйшею частицею счастья, которую безконечность, созданная предвѣчною Мудростью, Тѣмъ, что существуетъ *(da Quello che è)*, даетъ имъ для наслажденія въ этомъ ничтожномъ уголкѣ вселенной.

§ XXI.

Убѣжища.

Мнѣ остается еще разсмотрѣть два вопроса, *первый*— удовлетворяютъ ли убѣжища требованію справедливости, и *второй*: полезны ли или нѣтъ условія между двумя государствами о взаимной выдачѣ преступниковъ.

Наказъ Екатерины.

224. Во всемъ, сколь ни пространно, государствѣ не надлежитъ быть никакому мѣсту, которое бы отъ законовъ не зависѣло.

Въ границахъ государства не должно быть ни одного уголка свободнаго отъ дѣйствія законовъ.

Сила ихъ должна преслѣдовать всякаго гражданина, какъ тѣнь преслѣдуетъ тѣло.

Безнаказанность и право убѣжища различаются между собою очень мало, и такъ какъ впечатлѣніе наказанія состоитъ болѣе въ убѣжденіи его неизбѣжности, а не силы, то право убѣжища развиваетъ преступленія болѣе, чѣмъ наказаніе отъ нихъ удерживаетъ.

Увеличивать число убѣжищъ, значитъ создавать въ государствѣ нѣсколько маленькихъ государствъ: ибо гдѣ не законы повелѣваютъ, тамъ могутъ образоваться новыя и несогласныя съ общими законами правительства, и слѣдовательно будетъ развиваться духъ враждебный направленію всего общества.

Исторія показываетъ намъ, что право убѣжища породило самые сильные перевороты *(rivoluzioni)* и въ государственномъ устройствѣ и въ мнѣніяхъ людей.

Нѣкоторые доказывали, что гдѣ бы не совершилось преступленіе, т. е. дѣйствіе, воспрещенное законами, оно можетъ быть наказано во всякомъ другомъ мѣстѣ. Но развѣ значеніе подданнаго неизгладимо, т. е. не только равносильно значенію раба, но даже хуже. Развѣ можно быть подданнымъ одного

государства и жить въ другомъ, и притомъ такъ, чтобы дѣйствія этого подданнаго подчинялись бы безъ всякаго противорѣчія двумъ государямъ и двумъ законодательствамъ, находящимся между собою весьма часто въ противорѣчіи. Нѣкоторые думаютъ равномѣрно, что преступное дѣяніе, совершенное напримѣръ въ Константинополѣ, можетъ быть наказано въ Парижѣ, вслѣдствіе отвлеченнаго понятія, что оскорбляющій человѣчество заслуживаетъ и вражды всего человѣчества и всеобщей ненависти. Развѣ судьи должны быть только защитниками человѣческой слабости, а не охранителями условій, людьми между собою совершаемыхъ. Мѣстомъ наказанія должно быть мѣсто преступленія, ибо только тамъ, а не въ иномъ мѣстѣ, люди должны возставать противъ отдѣльной личности, для предупрежденій нарушенія правъ всего общества. Конечно злодѣй, не нарушившій условій того общества, къ коему онъ принадлежитъ, можетъ однако же возбуждать опасенія этого общества и потому, если оно пользуется достаточною силою, то можетъ изгнать его изъ своей среды, но не должно присуждать къ наказанію по общимъ законамъ общества, которое ограждаетъ только взаимныя отношенія своихъ членовъ, а отнюдь не самое дѣйствіе по внутреннему его содержанію.

Но за тѣмъ возникаетъ вопросъ: полезна ли между государствами взаимная выдача преступниковъ. Этотъ вопросъ останется неразрѣшимымъ до тѣхъ поръ, пока законы, болѣе согласованные съ нуждами человѣчества, пока болѣе умѣренныя наказанія и совершенное уничтоженіе зависимости отъ произвола и общественнаго мнѣнія, не обезпечатъ притѣсняемую невинность и ненавистную добродѣтель; пока общественный разумъ, всегда связующій выгоды престола съ благосостояніемъ подданныхъ, не изгонитъ навсегда самоволія *(tirannia)* въ обширныя азіятскія дебри: ибо только убѣжденіе, въ томъ, что нѣтъ ни одного клочка земли, гдѣ прощались бы злодѣянія,—есть самое дѣйствительное средство ихъ предупрежденія (*).

(*) См. прил. 12 стр. 177.

§ XXII.

Оцѣнка головы преступника.

Другой вопросъ состоитъ въ томъ, полезно ли оцѣнять голову извѣстнаго преступника и, вооружая руку каждаго гражданина, превращать его въ палача.

Преступникъ находится или за предѣлами государства, или же остается въ своемъ отечествѣ.

Въ первомъ случаѣ Государь возбуждаетъ гражданъ къ совершенію преступленія, подвергаетъ ихъ казни, и, нанося этимъ поступкомъ обиду другому государству, совершая насиліе власти въ чужихъ владѣніяхъ, онъ разрѣшаетъ такимъ образомъ другимъ государствамъ поступать точно также и въ отношеніи къ нему самому.

Во второмъ случаѣ онъ обнаруживаетъ свою слабость: имѣющій силу защищать себя не покупаетъ защиты.

Независимо отъ сего, подобныя распоряженія производятъ смѣшеніе всѣхъ понятій о нравственности и добродѣтели, вылетающихъ и безъ того при малѣйшемъ дуновеніи вѣтерка изъ духа человѣческаго.

Такимъ образомъ въ первомъ случаѣ законы подстрекаютъ къ измѣнѣ, а во второмъ, ее наказываютъ; одною рукою законодатель скрѣпляетъ связи семейства, родства и дружбы, а другою,—онъ награждаетъ того, кто ихъ разрываетъ и презираетъ.

Всегда противорѣчащій самъ себѣ законодатель или желаетъ воодушевить вѣрою, кого? людей, не вѣрующихъ въ людей,—или же распространяетъ всеобщее невѣріе.

Желая предупредить одно преступленіе, онъ порождаетъ ихъ сотнями.

Такія постановленія могутъ появляться только въ тѣхъ слабыхъ государствахъ, законы коихъ похожи на временныя поправки строенія, разрушающагося со всѣхъ сторонъ.

По мѣрѣ развитія просвѣщенія въ государствѣ, добросовѣстность и взаимное довѣріе дѣлаются необходимыми и всегда стремятся къ общенію съ истинною государственною мудростью *(politica)*.

Тогда уловки, интриги, потаенные и сбивчивые пути, почти всегда предвидѣны и общее чувство ставитъ преграду стремленіямъ каждой отдѣльной личности.

Даже тѣ вѣка невѣжества, когда общественная нравственность принуждала людей покоряться нравственности отдѣльныхъ личностей, могутъ служить и примѣромъ и опытомъ для просвѣщенныхъ столѣтій.

Но законы, вознаграждающіе измѣну, возбуждающіе къ потаенной войнѣ, развивая между гражданами взаимное недовѣріе, сами препятствуютъ этой необходимой связи государственной мудрости съ нравственностью, этой связи, которая могла бы доставить людямъ счастье, государствамъ миръ, и наконецъ всей вселенной нѣсколько болѣе минутъ спокойствія въ сравненіи съ тѣми страданіями, которымъ она подвержена.

§ XXIII.

Соразмѣрность преступленія съ наказаніями.

Наказъ Екатерины.

225. Вообще стараться должно о истребленіи преступленій, а наипаче тѣхъ, кои болѣе людямъ вреда наносятъ, и такъ средства законами употребляемыя для отвращенія отъ того людей, должны быть самыя сильнѣйшія въ разсужденіи всякого рода преступленій, по мѣрѣ чѣмъ больше они противны народному благу, и по мѣрѣ силъ могущихъ злыя или слабыя души привлещи къ исполненію оныхъ. Ради чего надлежитъ быть уравненію между преступленіями и наказаніями.

Для общества важно не только то, чтобъ преступленія вовсе не совершались, но и то, чтобъ они совершались тѣмъ рѣже, чѣмъ болѣе зло ими наносимое; слѣдовательно препятствія, сдерживающія преступленія, должны быть тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе преступленіе противно общественному благу и чѣмъ болѣе является побужденій къ его совершенію: вотъ почему необходима опредѣленная соразмѣрность между преступленіями и наказаніями.

Если впечатлительныя существа подвергаются дѣйствію наслажденій и страданій, если изъ числа побужденій, направляющихъ ихъ даже къ самымъ великимъ дѣйствіямъ, одни предназначаются невидимымъ законодателемъ для награды, а другіе для наказанія,

226. Если два преступленія, вредящія не равно обществу, получаютъ равное наказаніе, то неравное распредѣленіе наказаній произведетъ сіе странное противорѣчіе, мало кѣмъ примѣченное, хотя очень часто случающееся, что отъ того изъ неправильнаго распредѣленія тѣхъ и другихъ возникаетъ противорѣчіе тѣмъ менѣе замѣтное, чѣмъ оно болѣе распространено, и состоящее въ томъ, что наказанія налагаются за самими ими созданныя преступленія.

ны будутъ наказывать преступленія ими жъ самими произращенныя.

227. Когда положится то же наказаніе тому, кто убьетъ животину, и тому, кто человѣка убьетъ, или кто важное какое письмо поддѣлаетъ, то вскорѣ люди не станутъ дѣлать никакого различія между сими преступленіями.

Если за два преступленія, одинаково нарушающія права общества, назначены равныя наказанія, то мы не видимъ сильнаго препятствія совершить болѣе тяжкое преступленіе, лишь бы оно было для насъ выгоднѣе другого.

Если смертная казнь, напримѣръ, назначается одинаково и за убійство какой нибудь птицы *(fagiano-фазана)* и за убійство человѣка, или за подлогъ какого либо важнаго документа,—то кто-же станетъ дѣлать различіе между этими преступленіями?

Слѣдовательно, несоразмѣрность преступленій съ наказаніями уничтожаетъ нравственныя чувства, выработанныя въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, стоившія такъ много крови, столь медленно и трудно развивавшіяся въ душѣ человѣка; чувства, для возбужденія коихъ считались необходимыми и помощь высшихъ соображеній и множество важныхъ обрядностей.

Среди всеобщей борьбы страстей человѣческихъ невозможно предупредить всѣ безпорядки; они увеличиваются соразмѣрно населенію и сплетенію частныхъ выгодъ, которыхъ нельзя направлять къ общественной пользѣ по правиламъ геометріи.

Въ государственной ариѳметикѣ необходимо замѣнить математическую точность исчисленіемъ вѣроятностей.

Бросимъ взглядъ на исторію народовъ и увидимъ, что безпорядки усиливаются съ расширеніемъ предѣловъ государства; въ томъ же отношеніи уменьшается чувство народности *(sentimento nazionale)*, между тѣмъ какъ побужденіе къ преступленіямъ увеличивается соразмѣрно выгодамъ, которыя каждый находитъ для себя въ самыхъ безпорядкахъ: поэтому постоянно увеличивается и необходимость усиливать наказанія.

Подобная всеобщему тяготѣнію сила, побуждающая насъ стремиться къ благосостоянію, сдерживается только воздвигаемыми противъ нея препятствіями; вліяніе ея проявляется рядомъ перепутанныхъ человѣческихъ дѣйствій.

Если эти послѣднія вступаютъ во взаимную борьбу и стѣсняютъ другъ друга, то наказанія, которыя я назову государственными препятствіями *(ostacoli politici)*, останавливаютъ ихъ дурныя послѣдствія, не разрушая возбуждающей силы т. е. неразлучную съ человѣкомъ впечатлительность,—и въ такомъ случаѣ законодатель поступаетъ какъ свѣдующій строитель *(architetto)*, обязанность коего и состоитъ въ томъ, чтобы противостоять разрушительному дѣйствію тяжести и сосредоточить противъ нея всѣ силы, содѣйствующія прочности зданія.

228. Предполагая нужду и выгоды соединенія людей въ общества, можно преступленія, начавъ отъ великаго до малаго, поставить рядомъ, въ которымъ самое тяжкое преступленіе то будетъ, которое клонится къ конечной разстройкѣ и къ непосредственному потомъ разрушенію общества; самое легкое, малѣйшее раздраженіе, которое можетъ учиниться какому человѣку частному. Между сими двумя краями содержаться будутъ всѣ дѣйствія противныя общему благу и называемыя беззаконными, поступая нечувствительнымъ почти образомъ отъ перваго въ семъ ряду мѣста до самаго послѣдняго. Довольно будетъ, когда въ сихъ рядахъ означатся постепенно и порядочно въ каждомъ изъ четырехъ родовъ, о коихъ Мы въ седьмой главѣ

При данной необходимости соединенія людей въ общество, при данныхъ условіяхъ, естественно истекающихъ изъ борьбы частныхъ выгодъ, опредѣляется лѣстница безпорядковъ, первая степень коихъ состоитъ изъ преступленій непосредственно разрушающихъ общество, а послѣдняя изъ самой ничтожной несправедливости въ отношеніи одного изъ его членовъ; между этими двумя противоположностями заключаются всѣ дѣйствія противныя общественному благу, называемыя преступленіями, и всѣ они нисходятъ постепенно отъ сильнѣйшаго къ слабѣйшему.

говорили, дѣйствія достойныя хулы ко всякому изъ нихъ принадлежащія.

Если бы геометрія могла быть примѣнена къ безконечнымъ и таинственнымъ соотношеніямъ *(combinazione)* человѣческихъ дѣйствій, то слѣдовало бы составить соотвѣтствующую имъ лѣстницу наказаній, нисходящую отъ сильнѣйшаго наказанія къ слабѣйшему.

Если бы составлена была такая точная и всеобщая лѣстница наказаній, то мы имѣли бы вѣроятную и общую мѣру господства силы *(tirannia)* и свободы, человѣколюбія и злобы различныхъ государствъ.

Но здравомыслящій законодатель долженъ указать только основныя начала такой лѣстницы, не нарушая ея порядка и не назначая за тяжкія преступленія наказаній, примѣнимыхъ къ маловажнымъ проступкамъ.

§ XXIV.

Мѣра преступленій.

Мы видѣли уже, что преступленія должны быть наказуемы по мѣрѣ вреда, нанесеннаго ими обществу.

Это одна изъ тѣхъ осязательныхъ истинъ, открытіе которыхъ не требуетъ ни квадрантовъ, ни телескоповъ.

Доступная простому уму,—по необычайному стеченію обстоятельствъ,—она извѣстна съ безусловною точностью только немногимъ мыслителямъ всѣхъ государствъ и всѣхъ столѣтій.

Но азіатскія мнѣнія, но страсти, облеченныя значеніемъ *(autoritá)* и властью *(potere)*,—почти всегда незамѣтнымъ своимъ вліяніемъ, а иногда и сильными впечатлѣніями на робкую довѣрчивость людей,—разогнали самыя простыя понятія, вѣроятно составлявшія первоначальную *философію* возраждающихся обществъ.

Но кажется что просвѣщеніе нашего вѣка возвращаетъ насъ къ этой *философіи*,—и притомъ съ такимъ сильнымъ убѣжденіемъ, которая дается только геометрическими изслѣдованіями, тысячами злосчастныхъ опытовъ и наконецъ сильными препятствіями, останавливавшими ея развитіе.

Многіе думаютъ, что наказаніе должно быть соразмѣрно намѣренію преступника; но это не вѣрно.—Намѣреніе зависитъ какъ отъ впечатлѣній настоящей минуты, такъ и отъ минувшаго уже расположенія духа; оно измѣняется во всѣхъ людяхъ вообще и въ каждомъ человѣкѣ въ особенности, вслѣдствіе быстрой измѣнчивости страстей, мнѣній и обстоятельствъ.

Если наказывать намѣреніе, то надлежало бы составить не

только отдѣльные уставы для каждаго гражданина, но и особые на каждый случай законы для каждаго преступленія.

Иногда съ самыми лучшими намѣреніями, мы наносимъ большой вредъ обществу, и наоборотъ, съ самыми худшими,—приносимъ ему большую пользу.

Многіе оцѣняютъ преступленіе болѣе по значенію оскорбляемаго лица, чѣмъ по степени вреда, наносимаго оскорбляемому обществу.

Если бы это было справедливо,—то малѣйшее неуваженіе къ Бытію бытія *(Essere degli esseri)* слѣдовало бы наказывать съ большею жестокостью, чѣмъ Цареубійство,—такъ какъ превосходство природы вознаграждаетъ безконечно за это различіе ничтожной обиды съ страшнымъ преступленіемъ.

Наконецъ нѣкоторые писатели думаютъ, что при оцѣнкѣ преступленія необходимо принять во вниманіе тяжесть грѣха.

Ложность этого воззрѣнія бросается въ глаза хладнокровному изслѣдователю истинныхъ отношеній, какъ исключительно между людьми, такъ и между ними и Вездѣсущимъ.

Первыя отношенія основаны на равенствѣ: одна только необходимость породила изъ столкновенія страстей и противоположенія выгодъ мысль *объ общей пользѣ,* составляющей основаніе человѣческаго правосудія.

Вторыя отношенія—это зависимость отъ Существа совершеннаго и Творца, который только за собою оставилъ право быть въ одно и тоже время и законодателемъ и судьею: ибо одинъ Онъ только можетъ соединить въ себѣ эти права безъ всякаго неудобства.

Если Онъ установилъ вѣчныя кары неповинующимся Его Всемогуществу, то какое насѣкомое осмѣлится дополнить Божественное правосудіе,—какое насѣкомое осмѣлится мстить за Существо само себѣ достаточное, не получающее отъ предметовъ природы никакихъ впечатлѣній радости или горя,—за единственное Существо, дѣйствующее во всей вселенной, безъ всякаго противодѣйствія.

Тяжесть грѣха зависитъ отъ неподлежащей разслѣдованію злобы сердца; эта злоба не можетъ быть понята смертными безъ откровенія; какимъ же образомъ принять ее за основаніе оцѣнки преступленія?

Можемъ ли мы наказывать въ такихъ случаяхъ, когда Богъ прощаетъ, и прощать когда Богъ наказываетъ?

Если люди могутъ быть въ противорѣчіи съ Всемогущимъ, оскорбляя Его, то они могутъ быть также точно въ противорѣчіи съ Нимъ и наказывая другихъ за то, что они Его оскорбляютъ.

§ XXV.

Роды преступленій.

Нѣкоторыя преступленія имѣютъ непосредственною цѣлью разрушеніе общества или лица его представляющаго; другія нарушаютъ частную безопасность человѣка: его жизнь, его имущество, его честь; наконецъ третіи—противодѣйствуютъ общественному благу.

Все, что не входитъ въ эти предѣлы не можетъ быть названо преступленіемъ и подлежать наказанію; наказываютъ его развѣ только лица, находящія въ томъ свои выгоды.

Неопредѣленность этихъ предѣловъ имѣла слѣдующія вредныя послѣдствія: развитіе состоящей въ противорѣчіи съ законодательствомъ нравственности; множество разнорѣчивыхъ законодательствъ; бездну законовъ, подвергающихъ самаго лучшаго человѣка самому тяжкому наказанію.

Вотъ почему эта неопредѣленность сдѣлала неясными и колеблющимися слова: *порокъ и добродѣтель*.

Отсюда раждается неясность существованія каждой личности, а за нимъ и гибельная неподвижность и усыпленіе *(il letargo)* всего государства.

Каждый изъ насъ имѣетъ право дѣлать все, что не противно законамъ, не опасаясь другихъ послѣдствій, кромѣ тѣхъ, кои возникаютъ изъ самаго дѣйствія.

Народы должны принять это государственное начало *(dogma politica)*; верховные судьи должны его проповѣдовать; неподкупные законы должны были бы его покровительствовать.

Это священное начало: безъ него не можетъ быть законнаго общества; это справедливое возмездіе за принесеніе людьми въ жертву части своей свободы, этого блага неразрывнаго съ живымъ существомъ; этого блага, которое можетъ быть ограничено только собственными силами.

Это начало создаетъ свободныя и сильныя души и здравые умы; оно можетъ сдѣлать людей добродѣтельными,

одаряя ихъ добродѣтелью, не признающею страха, а не тою гибкою осторожностью, которая достигается только людьми, переносящими шаткое и невѣрное существованіе.

Читавшій исторію государствъ и ихъ законы знаетъ, что почти всегда понятія: *порокъ и добродѣтель, хорошій гражданинъ и преступникъ,* измѣняются съ каждымъ столѣтіемъ, но не вслѣдствіе перемѣны условій существованія государства, всегда соотвѣтствующихъ общимъ пользамъ,—а исключительно вслѣдствіе страстей и ошибокъ, волновавшихъ различныхъ законодателей.

Онъ скоро увидитъ, что страсти прежняго столѣтія служили основаніемъ благоразумія *(morale)* новаго, что сильныя страсти: эти произведенія изувѣрства *(fanatismo)* и восторженнаго увлеченія *(entusiasmo)*, ослабленныя временемъ, приводящимъ къ одному уровню всѣ предметы естественные и нравственные, дѣлаются мало по малу руководителями законодателей новаго столѣтія и полезнымъ орудіемъ въ сильныхъ и способныхъ рукахъ.

При прежнихъ понятіяхъ родились эти неясные образы чести и добродѣтели, остающіеся такими же и теперь, потому что измѣняются они только съ теченіемъ времени, а время дастъ всегда преимущество слову, а не самому предмету.

Понятія эти измѣняются только вмѣстѣ съ теченіемъ рѣкъ или измѣненіемъ высоты горъ:—этихъ урочищъ, часто составляющихъ, предѣлы не физической только, но и нравственной географіи.

§ XXVI.

Преступленія противъ верховной власти *(di lesa maestà)*.

Наказъ Екатерины.

229. Мы особое сдѣлали отдѣленіе о преступленіяхъ касающихся прямо и непосредственно до разрушенія общества и клонящихся ко вреду того, кто во ономъ главою, и которыя суть самыя важнѣйшія по тому, что они больше всѣхъ прочихъ суть пагубны обществу: они названы преступленіями въ оскорбленіи Величества.

Самыя вредныя и потому самыя тяжкія изъ всѣхъ преступленій суть преступленія противъ верховной власти *(lesa maestà)*.

Но насиліе *(tirannia)* и невѣжество, смѣшивая и слова и самыя ясныя понятія, даютъ иногда это названіе преступленіямъ совершенно другаго свойства, и на этомъ основаніи назначаютъ для сихъ послѣднихъ самыя тяжкія наказанія, дѣлая такимъ образомъ людей, какъ и въ тысячѣ другихъ случаяхъ, жертвами одного слова.

Всякое преступленіе, хотя и частное, оскорбляетъ все общество; но не всякое преступленіе имѣетъ въ виду непосредственное его разрушеніе.

Какъ нравственныя такъ и естественныя дѣйствія имѣютъ опредѣленную область своей дѣятельности, и, точно также какъ и всѣ явленія природы, они ограничены различнымъ образомъ и временемъ и пространствомъ: поэтому одно только коварное толкованіе законовъ, обыкновенное мудрованіе рабства *(la filosofia della schiavitù)* можетъ смѣшивать то, что Вѣчная Истина поставила въ совершенно разнообразныя и непоколебимыя отношенія (*).

(*) *Примѣчаніе переводчика.* Болѣе подробное развитіе этой главы словами Беккаріи изложено въ прим. 13 стр. 177.

§ XXVII.

Преступленія противъ частной безопасности. — Насилія.— Наказанія дворянъ.

Наказъ Екатерины.

230. По семъ первомъ родѣ преступленій слѣдуютъ тѣ, кои стремятся противъ безопасности людей частныхъ.

За вышесказанными преступленіями слѣдуютъ нарушенія безопасности *(sicurezza)* каждаго отдѣльнаго лица. Такъ какъ эта безопасность и составляетъ первоначальную цѣль законнаго общежитія *(associazione)*, то нельзя не назначить для сего рода преступленій одного изъ строжайшихъ установленныхъ закономъ наказаній.

Нѣкоторыя преступленія совершаются надъ личностью гражданина, другія надъ его имуществомъ. Первыя подлежатъ тѣлеснымъ наказаніямъ.

231. Не можно безъ того никакъ обойтися, чтобъ нарушающаго сіе право не наказать какимъ важнымъ наказаніемъ. Беззаконныя предпріятія противу жизни и вольности гражданина суть изъ числа самыхъ великихъ преступленій: и подъ симъ именемъ заключаются не только смертоубійства учиненныя людьми изъ народа; но и того же рода насилія содѣянныя особами, какого бы происшествія и достоинства они ни были.

Слѣдовательно покушеніе на безопасность и свободу гражданъ принадлежитъ къ важнѣйшимъ преступленіямъ. Къ этому роду преступленій относится не только убійство и кража, совершаемыя нижшимъ классомъ людей *(plebei)*, но также совершаемыя вельможами *(grandi)* и судьями, *(magistrati)*, вліяніе которыхъ дѣйствуетъ въ бо̀льшемъ пространствѣ и съ большею силою, разрушая между подданными всѣ понятія справедливости и дол-

га, и подставляя на ихъ мѣсто право сильнаго, одинаково опасное и для того, кто приводитъ его въ дѣйствіе, и для того, кто отъ него страдаетъ.

Ни вельможи, ни богачи, не имѣютъ права выкупать деньгами свои покушенія противъ слабыхъ и бѣдныхъ: въ противномъ случаѣ богатство, составляющее подъ покровительствомъ законовъ награду промышленности, дѣлается пищею насилія.

Нѣтъ свободы тамъ, гдѣ законы дозволяютъ, чтобы человѣкъ пересталъ быть, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, лицомъ, и сдѣлался бы вещью; мы увидѣли бы въ такомъ случаѣ, что сильные люди употребили бы все свое пронырство къ тому, чтобы изъ множества гражданскихъ отношеній извлечь только тѣ, которыя установлены закономъ въ ихъ пользу: достигнуть этой цѣли значитъ открыть тайный волшебный жезлъ, превращающій гражданъ во вьючныхъ скотовъ; этотъ жезлъ въ рукахъ сильнаго есть цѣпь, сковывающая дѣйствія людей слабыхъ и непредусмотрительныхъ.

Вотъ почему въ нѣкоторыхъ государствахъ, пользующихся повидимому полною свободою, скрывается господство силы *(tirannia)*, или же она врывается непредвидѣнно въ какой либо забытый законодателемъ уголокъ, гдѣ не замѣтно развивается и увеличиваетъ свое значеніе.

Мы обыкновенно устраиваемъ прочныя плотины противъ открытой силы *(tirannia)*, но не видимъ незамѣтнаго насѣкомаго, который подтачиваетъ плотину и открываетъ разрушительному потоку путь, тѣмъ надежнѣйшій, чѣмъ онъ сокровеннѣе.

Какія же наказанія слѣдуетъ назначать дворянамъ *(nobili)*, преимущества *(privilegi)* коихъ составляютъ бо̀льшую часть законовъ въ разныхъ государствахъ.

Я здѣсь не войду въ подробное обсужденіе вопроса: полезно ли для правительства это наслѣдственное раздѣленіе дворянства и народа, и необходимо ли оно въ монархіи; правда-ли, что дворянство составляетъ среднюю власть, ограничивающую злоупотребленія двухъ крайнихъ, или же не является-ли оно скорѣе отдѣльнымъ сословіемъ, порабощеннымъ *(cetto)*

и самому себѣ и другимъ, которое всѣ выгоды промышленности и всѣ надежды, замыкаетъ въ тѣсномъ кругѣ, составляя изъ нихъ что то подобное плодоноснымъ и прелестнымъ оазисамъ *(isoletto)*, разбросаннымъ въ песчаныхъ и безконечныхъ степяхъ Аравіи; и если даже справедливо, что неравенство неизбѣжно для общества, то справедливо ли, чтобы оно выражалось въ различіи сословій *(ceti)*, а не отдѣльныхъ личностей; чтобы оно сосредоточивалось въ одной части государства, а не пронизывало его насквозь, чтобъ оно безпрерывно продолжалось, а не рождалось и уничтожалось ежеминутно.

Я останавливаюсь только на наказаніяхъ, коимъ подлежатъ дворяне и утверждаю, что эти наказанія должны быть однѣ и тѣ же и для перваго и для послѣдняго гражданина; всякое различіе въ почестяхъ и богатствахъ для того, чтобъ быть законнымъ, предполагаетъ предварительное равенство, основанное на законѣ, подчиняющемъ всѣхъ подданныхъ одинаковой отъ него зависимости.

Слѣдуетъ предположить, что люди, отказавшись отъ естественнаго ихъ самовластія *(dispotismo)*, сказали:

«Болѣе способные и трудолюбивые изъ насъ должны пользо«ваться почестями и слава ихъ перейдетъ и къ ихъ наслѣдни«камъ; пусть каждый счастливецъ и каждый богачъ надѣется «получить еще болѣе, но все же онъ долженъ страшиться, «также какъ и всѣ другіе, нарушить тѣ условія, которыя его «возвеличили».

Правда такія рѣшенія не были установлены законодательнымъ собраніемъ всего рода человѣческаго; но они тѣмъ не менѣе существуютъ въ непреложныхъ отношеніяхъ вещей; они не разрушаютъ выгодъ, предполагающихся происходящими отъ благородства, но препятствуютъ ихъ неудобствамъ; они укрѣпляютъ дѣйствіе законовъ, преграждая всѣ пути къ безнаказанности.

Если бы мнѣ возразили, что назначеніе одного и того же наказанія и дворянину, и простолюдину *(plebeo)*, утрачиваетъ свое кажущееся равенство вслѣдствіе различія образованія, по случаю безславія, падающаго на знаменитое семейство, то я отвѣтилъ бы, что не столько впечатлительность преступника служитъ мѣрою его наказанія, сколько вредъ, нанесенный имъ обществу, и этотъ вредъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ счастливѣе

лицо, нанесшее оный; я сказалъ бы, что равенство наказаній можетъ быть только внѣшнее *(estrinseca)*, ибо оно во всякомъ случаѣ различно для каждой отдѣльной личности.

Наконецъ позоръ, наносимый семейству виновнаго, можетъ быть изглаженъ Государемъ, — торжественными знаками его благоволенія къ невиннымъ; а кто не знаетъ, что эти чувствительныя обрядности *(sensibile formalità)*, сильнѣе всѣхъ разсужденій дѣйствуютъ на довѣрчивую толпу, весьма легко поддающуюся увлеченію.

§ XXVIII.

Оскорбленія. Честь.

Наказъ Екатерины.

233. Обиды личныя противныя чести, то есть клонящіяся отнять у гражданина ту справедливую часть почтенія, которую онъ имѣетъ право требовать отъ другихъ.

Обиды личныя и противъ чести, т. е. справедливой мѣры уваженія, заслуженнаго однимъ изъ гражданъ должны быть наказываемы безславіемъ.

Мы замѣчаемъ очевидное противорѣчіе между гражданскими законами, ревностными охранителями личности и имущества гражданъ болѣе чѣмъ чего либо другаго, и между законами о томъ, что называется честью, вполнѣ зависящими отъ мнѣнія.

Это слово честь послужило предметомъ длиннѣйшихъ и блестящихъ разсужденій, не коснувшихся ни одного вѣрнаго и установившагося понятія.

Нашъ разумъ находится въ самыхъ несчастныхъ условіяхъ; отдаленныя и не особенно для насъ важныя понятія о движеніи тѣлъ небесныхъ, въ невѣдомомъ для насъ безконечномъ пространствѣ, извѣстны намъ болѣе, чѣмъ движенія ближайшихъ и важнѣйшихъ нравственныхъ понятій, запутанныхъ подъ вліяніемъ вихря страстей и подвластнаго невѣжества; но это кажущееся противорѣчіе исчезнетъ, если принять въ соображеніе, что какъ предметы до крайности приближенные къ глазамъ смѣшиваются между собою, такъ точно и крайняя близость къ намъ нравственныхъ понятій смѣшиваетъ безчисленное ихъ множество между собою такъ, что границы, ихъ отдѣляющія, недоступны для человѣка, желавшаго бы опредѣлить явленія человѣческой впечатлительности съ геометрическою точностью.

Но хладнокровный изслѣдователь человѣческой природы нисколько не будетъ удивленъ, если приметъ въ соображеніе, что нѣтъ необходимости ни въ такой сложной обстановкѣ, ни въ такихъ затрудненіяхъ, чтобы сдѣлать насъ счастливыми и увѣренными въ своемъ благосостояніи.

Значитъ честь, о которой мы говоримъ, есть одно изъ тѣхъ сложныхъ понятій, состоящихъ изъ совокупности не только простыхъ понятій, но также и сложныхъ, и всѣ эти понятія, различными своими впечатлѣніями на умъ человѣческій, иногда открываютъ ему, а иногда скрываютъ отъ него свои разнообразныя свойства.

Они сохраняютъ въ себѣ только нѣсколько общихъ мыслей, какъ сложныя алгебрическія величины, имѣющія общаго дѣлителя; чтобы найти этого дѣлителя среди разнообразныхъ понятій, которыя люди составляютъ себѣ о чести, необходимо бросить общій взглядъ на образованіе общества.

Первые законы и первые судьи явились вслѣдствіе необходимости исправить непорядки, возникшіе вслѣдствіе естественнаго насилія *(fisico dispotismo)* отдѣльныхъ личностей.

Эта цѣль вызвала осуществленіе общества, и эта первоначальная цѣль всегда сохранилась въ дѣйствительности или повидимому въ основаніяхъ всѣхъ законовъ, даже самыхъ разрушительныхъ; но сближеніе людей и развитіе ихъ познаній породили безконечный рядъ дѣйствій и взаимныхъ потребностей, выходившихъ изъ предусмотрительности законодателей и вмѣстѣ съ тѣмъ препятствовавшихъ возможному въ то время самоволію каждой отдѣльной личности.

Съ этого времени началось самовластіе *(il dispotismo)* общественнаго мнѣнія, служившаго тогда единственнымъ средствомъ пріобрѣсть то благосостояніе и устранить то зло, противу котораго законы были уже безсильны.

А это общественное мнѣніе мучаетъ и философа и невѣжду: призракъ добродѣтели оно ставитъ выше самой добродѣтели, а злодѣя превращаетъ въ мученика, миссіонера, только для того чтобъ онъ удовлетворилъ своимъ собственнымъ выгодамъ.

Вотъ отъ чего общее уваженіе сдѣлалось для насъ не только полезнымъ, но необходимымъ: никто не хочетъ стоять ниже другихъ.

*

Вотъ отъ чего если честолюбецъ завладѣваетъ имъ въ видахъ своей пользы, если тщеславный проситъ его какъ милости, выставляя себя свидѣтелемъ собственныхъ своихъ заслугъ, то честный человѣкъ требуетъ его какъ необходимости.

Эту честь безчисленное множество людей ставитъ условіемъ своего существованія.

Она явилась только послѣ образованія общества и не могла войти въ предварительный договоръ: напротивъ это только стремленіе къ возвращенію въ первобытное состояніе, это не что иное какъ минутное уклоненіе всякой личности отъ такихъ законовъ, которые въ данномъ случаѣ ее не защищаютъ достаточно.

Отсюда ясно, что и въ крайней гражданской свободѣ *(liberta politica)* и въ крайней зависимости исчезаютъ чувства чести и совершенно смѣшиваются съ другими; потому что въ первомъ случаѣ сила законовъ *(il dispotismo)* дѣлаетъ не нужнымъ стремленіе достичь уваженіе другихъ, а во второмъ насиліе *(dispotismo)* людей, уничтожая значеніе гражданина низводитъ его въ какую-то шаткую и ненадежную личность.

Слѣдовательно честь есть одно изъ основныхъ началъ тѣхъ государствъ, которыя стремятся къ ограниченію самовластія *(dispotismo)*, и въ нихъ понятіе о чести имѣетъ такое же значеніе, какъ государственные перевороты въ правленіяхъ деспотическихъ: это одно мгновенное стремленіе возвратиться въ первобытное состояніе; это напоминаніе властелину о древней равноправности.

§ XXIX.

Поединки.

Необходимость возбуждать къ себѣ уваженіе другихъ породило поединки, источникъ коихъ состоитъ единственно въ недостаточности *(anarchia)* законовъ. Думаютъ, что поединки были неизвѣстны въ древности, вѣроятно потому, что древніе народы не считали нужнымъ изъ чувства самосохраненія являться вооруженными въ храмы, въ театры или въ кружокъ избранныхъ друзей. Вѣроятно потому, что въ древности поединки были не что иное, какъ обыкновенное и общее зрѣлище, даваемое народу гладіаторами, этими приниженными рабами, а люди свободные не допускали мысли, чтобы вслѣдствіе поединка, кто нибудь могъ бы признать ихъ за гладіаторовъ. Напрасно смертные приговоры противъ каждаго, принимающаго поединокъ, стремились къ искорененію этого обычая; корень этого зла зиждется на томъ, чего иные люди боятся больше смерти; потому что человѣкъ, лишенный уваженія общества,—честный человѣкъ, предвидитъ, что онъ или подвергнется исключительному одиночеству, невозможному для человѣка, нуждающагося въ обществѣ, или же сдѣлается предметомъ всевозможныхъ оскорбленій, которыя иногда кажутся ужаснѣе самаго строгаго наказанія.

Почему же между простолюдинами поединки не вошли въ обычай, какъ между высшими сословіями?

Не только потому, что простолюдины не носятъ шпаги, но потому, что необходимость возбуждать къ себѣ уваженіе въ народѣ не такъ важна для простолюдина, какъ для тѣхъ лицъ, которые, будучи поставлены выше другихъ, смотрятъ другъ на друга и съ бо́льшею завистью и съ бо́льшею недовѣрчивостью.

Наказъ Екатерины.

234. О поединкахъ не безполезно здѣсь повторить то, что утверждаютъ многіе, и что другіе написали: что самое лучшее средство предупредить сіи преступленія есть наказывать наступателя, сирѣчь того, кто подаетъ случай къ поединку, а невиноватымъ объявить принужденнаго защищати честь свою, не давши къ тому никакой причины.

Не мѣшаетъ повторить, что сказали другіе, т. е. что лучшій способъ предупреждать поединки состоитъ въ томъ, чтобы наказывать зачинщика, т. е. того кто подалъ къ тому поводъ, и признавать невиннымъ того, кто безъ всякой, вины, былъ обязанъ защищать то, что дѣйствующіе законы (т. е. общественное мнѣніе) не защищаютъ.

§ XXX.

Кражи.

Кражи, несоединенныя съ насиліемъ, должны наказываться денежною пенею: кто хочетъ обогатиться на счетъ другого, тотъ долженъ быть лишонъ своего собственнаго имущества.

Но такъ какъ преступленіе этого рода совершается большею частью бѣдными, несчастными и отчаянными людьми, которымъ право собственности (ужасное и можетъ быть не нужное право) оставило только голое существованіе; но такъ какъ денежныя наказанія увеличиваютъ число виновныхъ еще болѣе, чѣмъ число преступленій и отнимаютъ хлѣбъ у невинныхъ для того, чтобъ отдать его злодѣямъ, то самое подходящее въ этомъ случаѣ наказаніе было бы этотъ единственный видъ неволи *(schiavitù)*, который можно назвать справедливымъ, т. е. временное порабощеніе и личности виновнаго и всѣхъ его дѣйствій въ пользу общества съ цѣлью его вознагражденія, собственною и безусловною зависимостью виновнаго за несправедливое и произвольное нарушеніе общественнаго договора.

Но когда кража соединена съ насиліемъ, то и наказаніе должно быть смѣсью тѣлеснаго наказанія съ неволею.

Наказъ Екатерины.

232. Воровства совокупленныя съ насильствомъ и безъ насильства.

Нѣкоторые изъ предшествовавшихъ мнѣ писателей указывали уже на очевидную неправду, происходящую отъ того, что до сихъ поръ не различали воровства съ насиліемъ отъ простаго воровства и въ невѣжествѣ своемъ приравнивали жизнь человѣка къ количеству денежнаго вознагражденія.

Это два различныя преступленія, а мы знаемъ, что и наука государственной мудрости *(politica)*, также точно какъ и математика, считаетъ нетребующимъ доказательствъ *(assioma)* правило, что количества несоразмѣримыя отдѣляются безконечностью.

Но никогда не нужно стѣсняться повтореніемъ того, что до сихъ поръ не было исполнено.

Машина государственнаго устройства *(politica)* сохраняетъ долѣе всѣхъ другихъ старую свою форму и медленнѣе всѣхъ прочихъ переходитъ къ новой.

§ XXXI.

Тайный провозъ неоплаченныхъ пошлиною товаровъ. *(contrabbando)*.

Наказъ Екатерины.

235. *(начало)*. Тайный провозъ товаровъ есть сущее воровство у государства.

Это важное преступленіе, оскорбляющее и Государя и государство; но наказаніе за оное не должно быть позорно: ибо самое преступленіе не возбуждаетъ противъ себя общественнаго мнѣнія.

Но я спрашиваю, почему преступленіе противъ Государя и государства не налагаетъ однако же на преступника клейма позора?

Я отвѣчу, что нарушенія насъ не затрогивающія, не возбуждаютъ въ сущности нашего негодованія противъ лица ихъ совершившаго: таково дѣйствіе тайнаго провоза неоплаченныхъ пошлиною товаровъ. — Отдаленныя послѣдствія производятъ на насъ самыя ничтожныя впечатлѣнія, и потому мы не понимаемъ ущерба, наносимаго этимъ преступленіемъ: напротивъ, мы даже сами пользуемся, при случаѣ, отъ него нѣкоторыми выгодами.

Мы видимъ въ немъ только вредъ, наносимый Государю: поэтому насъ ничто особенно не побуждаетъ возставать противъ преступника этого рода съ тою силою, съ которою мы возстаемъ противъ всякаго вора, поддѣлывателя подложныхъ документовъ и вообще противъ всякаго преступленія, жертвою коего мы сами легко можемъ сдѣлаться.

Очевидно, что всякое впечатлительное существо заботится только о злѣ ему угрожающемъ.

235. *(продолженіе).* Сіе преступленіе начало свое взяло изъ самаго закона: ибо чѣмъ больше пошлины, и чѣмъ больше получается прибытка отъ тайно провозимыхъ товаровъ, слѣдовательно тѣмъ сильнѣе бываетъ искушеніе, которое еще вящше умножается удобностью оное исполнить, когда окружность, заставами стрегомая, есть великаго пространства, и когда товаръ запрещенный или обложенный пошлинами есть малъ количествомъ.

235. *(продолженіе).* Утрата запрещенныхъ товаровъ и тѣхъ, которые съ ними вмѣстѣ везутъ есть весьма правосудна.

235. *(продолженіе).* Такое преступленіе заслуживаетъ важныя наказанія какъ то суть тюрьма и лицеимство, сходственное съ естествомъ преступленія.

Но это преступленіе порождается самимъ закономъ: ибо чѣмъ выше пошлина на товаръ, тѣмъ больше и выгоды если можно его провезти скрытно, слѣдовательно и болѣе желанія сдѣлать это, а удобства къ достиженію этой цѣли зависятъ и отъ пространства мѣстности, которую нужно охранять и отъ незначительнаго объёма провозимаго товара.

Самымъ справедливымъ наказаніемъ за это преступленіе было бы отнятіе и запрещеннаго товара и всѣхъ прочихъ товаровъ съ коими онъ провозился, — но это наказаніе было бы тѣмъ дѣйствительнѣе, чѣмъ менѣе пошлина на провозимый товаръ: ибо мы рискуемъ только соразмѣрно нашимъ выгодамъ, могущимъ произойти отъ счастливаго исхода нашего предпріятія.

Но слѣдуетъ ли оставлять безъ наказанія преступника, у коего нѣтъ имущества?

Нѣтъ! не слѣдуетъ.

Нарушенія этого рода касаются столь близко общаго вопроса о налогахъ, столь существенной и трудной отрасли хорошаго законодательства, что преступленія эти заслуживаютъ строгаго наказа-

нія,—даже тюремнаго заключенія, и даже неволи *(servitú)*; но въ этомъ случаѣ тюрьма и неволя должны быть согласованы съ свойствомъ самаго преступленія.

235. *(продолженіе)*. Тюрьма для тайно провозящаго товары не должна быть та же, которая и для смертоубійцы или разбойника по большимъ дорогамъ разбивающаго.

Напримѣръ: нельзя подвергать одному и тому же наказанію убійцу, вора или человѣка, скрытно провозящаго табакъ.

235. *(конецъ)*. И самое приличное наказаніе кажется быть работа виновнаго выложенная и постановленная въ ту цѣну, которую онъ таможню обмануть хотѣлъ.

Назначеніе этого рода преступниковъ на работы, соразмѣрныя съ тѣми выгодами, которыя онъ могъ пріобрѣсть незаконно, всего болѣе отвѣчало бы свойству наказаній вообще.

§ XXXII.

Должники.

Наказъ Екатерины.

236. *(начало)* О проторговавшихся, или выступающихъ съ долгами изъ торговъ должно упомянуть. Надобность доброй совѣсти въ договорахъ и безопасность торговли обязуетъ законоположника подать заимодавцамъ способы ко взысканію уплаты съ должниковъ ихъ. Но должно различить выступающаго съ долгами изъ торговъ хитреца отъ честнаго человѣка безъ умысловъ проторговавшагося. Съ проторговавшагося же безъ умысла, который можетъ ясно доказати, что неустойка въ словѣ собственныхъ его должниковъ, или приключившаяся имъ трата, или неизбѣжное разумомъ человѣческимъ неблагополучіе лишили его стяжаній ему принадлежащихъ; съ такимъ не должно по той же строгости поступать. Для какихъ бы причинъ вкинуть его въ тюрьму? Ради чего лишить его вольности, одного лишь оставшагося ему имущества? Ради

Добросовѣстное исполненіе договоровъ и обезпеченность *(sicurezza)* торговли вынуждаютъ законодателя поставить личность несостоятельнаго должника въ зависимость отъ его кредиторовъ; но я думаю, что очень важно отличить преступнаго должника отъ невиннаго.

Первый долженъ быть подвергнутъ наказанію, назначаемому поддѣлывателю звонкой монеты: ибо поддѣлку куска металла съ клеймомъ, составляющаго залогъ обязательствъ между гражданами, нельзя считать бо́льшимъ преступленіемъ, чѣмъ поддѣлку самыхъ обязательствъ.

Но если несчастный должникъ, послѣ строгаго изслѣдованія, доказалъ предъ своими судьями,—что или злоба или несчастіе другаго лица, или же обстоятельства, независящія отъ человѣческой предусмотрительности, лишили его принадлежавшаго ему имуще-

чего подвергнуть его наказаніямъ преступнику только приличнымъ и убѣдить его, чтобъ онъ о своей честности раскаивался?

ства, то по какимъ же варварскимъ причинамъ онъ долженъ быть брошенъ въ темницу, и лишиться единственнаго и послѣдняго своего имущества, т. е. голой свободы; почему же онъ долженъ претерпѣть мученія виновныхъ, и съ отчаяніемъ подавленной честности, раскаяваться даже въ своей невинности, съ которою жилъ спокойно подъ властью тѣхъ самыхъ законовъ, которыхъ не имѣлъ возможности не нарушить; законовъ, — составленныхъ сильными изъ видовъ корысти,— терпимыхъ слабыми въ виду надежды, почти всегда освѣщающей человѣческую душу и заставляющей насъ думать, что несчастья созданы только для другихъ, а на нашу долю должно упадать одно только счастье.

Люди, предающіеся корыстнымъ чувствамъ, любятъ жестокіе законы, но если сами они должны подчиниться имъ,— то стараются, по возможности, смягчить ихъ: ибо страхъ подвергнуться оскорбленію сильнѣе желанія оскорбить другого.

236. *(конецъ)*. Пускай почтутъ, если хотятъ долгъ его за неоплатный даже до совершеннаго удовлетворенія заимодавцевъ; пускай не дадутъ ему воли удалиться куда нибудь безъ согласія на то соучастниковъ; пускай принудятъ его употребить труды свои и дарованія къ тому, чтобъ прійти въ

Обращаясь къ невинному должнику, я соглашусь съ тѣмъ, что обязательства его должны быть признаваемы дѣйствительными до полнаго ихъ погашенія; что онъ не можетъ быть освобожденъ отъ уплаты ихъ безъ согласія своихъ кредиторовъ, что ему нельзя разрѣшить занятія по

состояніе удовлетворить тѣмъ кому онъ долженъ: однакожь никогда никакимъ твердымъ доводомъ не можно оправдать того закона, который бы лишилъ его своей вольности безо всякой пользы для заимодавцевъ его.

торговлѣ въ другомъ государствѣ, что его слѣдуетъ принудить, подъ страхомъ наказанія употреблять всѣ свои работы и всѣ свои способности на уплату долговъ его, соразмѣрно получаемымъ выгодамъ; но, если все это необходимо, то этимъ и слѣдовало бы ограничиться; затѣмъ, какой же законный поводъ можетъ оправдать лишеніе его свободы, всегда ненужное?

Процвѣтаніе торговли? Неприкосновенность собственности?—Нѣтъ; развѣ одно только желаніе исторгнуть у считающаго себя невиннымъ должника сознаніе въ злостности; но это желаніе, при производствѣ строгаго и правильнаго слѣдствія, очень рѣдко достигается.

Я считаю весьма важнымъ законодательнымъ правиломъ, что неудобства, возникающія отъ безнаказанности преступленія, состоятъ въ прямомъ отношеніи къ общественному вреду, нанесенному тѣмъ преступленіемъ, и въ обратномъ отношеніи къ невѣроятности доказать оное.

237. Можно кажется во всѣхъ случаяхъ различить обманъ съ ненавистными обстоятельствами отъ тяжкой погрѣшности, и тяжкую погрѣшность отъ легкой, и сію отъ безпримѣсной невинности; и учредить по сему закономъ и наказанія.

Слѣдовало бы различать злостный обманъ *(il dolo)* отъ важной вины *(colpa grave)*, важную вину отъ легкой *(leggiera)*, а эту послѣднюю отъ совершенной невинности, и, назначая за первую наказаніе какъ за подлогъ *(delitti di falsificazione)*, за вторую меньшее наказаніе, но съ лишеніемъ свободы, предоставить невинному должнику выборъ средствъ для возстановленія своей чести, между тѣмъ какъ выборъ этотъ въ отношеніи виновныхъ долженъ зависѣть

не отъ нихъ, а отъ ихъ кредиторовъ.

Но различіе бо́льшей вины отъ ме́ньшей должно быть опредѣлено слѣпымъ и безстрастнымъ закономъ, а не по усмотрѣнію судьи, всегда опасному и произвольному. Опредѣленіе границъ этого произвола столь же полезно и въ государственномъ управленіи *(politica)*, какъ и въ математикѣ; оно столь же полезно въ видахъ общественнаго блага, какъ и въ видахъ точнаго исчисленія математическихъ величинъ (*).

238. Осторожный и благоразумный законъ можетъ воспрепятствовать большей части хитрыхъ отступовъ отъ торговли, и пріуготовить способы для избѣжанія случаевъ могущихъ сдѣлаться съ человѣкомъ честной совѣсти и радѣтельнымъ.

Съ какою легкостью предусмотрительный законодатель могъ бы предупредить большую часть злостныхъ банкротствъ и ослабить бѣдствія невинныхъ промышленниковъ!

Роспись публичная, сдѣланная порядочно всѣмъ купецкимъ договорамъ, и безпрепятственное дозволеніе всякому гражданину смотрѣть и справляться съ оной, банкъ учрежденный складкою разумно на торгующихъ распредѣ-

Открытое и доступное всѣмъ внесеніе каждаго договора въ особыя книги и полная свобода гражданъ обозрѣвать находящіеся тамъ въ порядкѣ документы; общественный банкъ, основанный на правильно распредѣленныхъ

(*) *Примѣчаніе автора.* Торговля и право собственности на имущества не составляютъ цѣли общественнаго договора, но могутъ служить средствами его достиженія. Подвергать всѣхъ членовъ общества бѣдствіямъ происходящимъ изъ множества условій его развитія, значило бы подчинить цѣль средствамъ.

Это лжеумозаключеніе *(paralogismo)* мы находимъ во всѣхъ наукахъ и въ особенности въ наукѣ государственной мудрости *(politica)*.

Я самъ впалъ въ эту ошибку въ прежнихъ своихъ изданіяхъ, когда говорилъ, что невинный должникъ долженъ быть подвергнутъ заключенію въ залогъ своихъ долговъ, или же долженъ быть поставленъ какъ рабъ на работы въ пользу своихъ кредиторовъ. Я стыжусь словъ своихъ! Меня обвиняли въ невѣріи *(irreligione)*,—напрасно; въ подстрекательствѣ къ бунту *(sedizione)*,—напрасно; но когда я нарушилъ права человѣчества, за это никто меня даже не упрекнулъ.

ленною, изъ котораго бы можно было брать приличныя суммы для вспомоществованія несчастныхъ, хотя и рачительныхъ торговцевъ, были бы установленія приносящія съ собою многія выгоды, и никакихъ въ самой вещи неудобствъ не причиняющія.

на счастливую торговлю налогахъ, цѣлью коего было бы помогать выдачею подлежащихъ суммъ несчастнымъ и невиннымъ членамъ торговли,—не имѣли бы никакого дѣйствительнаго неудобства и могли бы произвести неисчислимыя выгоды.

Но легкіе, простые и великіе законы, ожидающіе только мановенія законодателя, чтобы распространить по всему государству изобиліе и могущество, законы, имя создателя коихъ сопровождалось бы безсмертными и благодарственными пѣснопѣніями *(inni)*, переходящими отъ поколѣнія къ поколѣнію, такіе именно законы или остаются въ глубочайшей тайнѣ, или наименѣе желаемы.

Духъ безпокойства, духъ мелочныхъ дрязгъ, боязная забота о настоящей минутѣ, упорная ненависть ко всякому нововведенію, — овладѣваютъ чувствами тѣхъ, кто управляетъ массою дѣйствій слабыхъ смертныхъ.

§ XXXIII.

Общественное спокойствіе.

Наконецъ между преступленіями третьяго рода встрѣчаются въ особенности нарушающія миръ и общественное спокойствіе, какъ-то: драки и буйства на базарахъ и улицахъ или восторженныя проповѣди *(fanatici sermoni)*, легко возбуждающія страсти любопытной толпы, получающія свою силу отъ числа зрителей, а еще болѣе отъ непонимаемаго, таинственнаго и восторженнаго увлеченія *(misterioso entusiasmo)*, чѣмъ отъ яснаго и спокойнаго изложенія дѣла, никогда не дѣйствующаго на толпу.

Освѣщеніе улицъ въ ночное время на общественные доходы,—сторожа *(guardie)*, поставленные въ разныхъ частяхъ города,—простые и нравственные разговоры о религіи, охраняемые тишиною и святымъ спокойствіемъ храма, покровительствуемаго общимъ уваженіемъ *(autorità pubblica)*,—наконецъ рѣчи, предназначенныя для общей и частной пользы *(interessi)*, въ засѣданіяхъ государственныхъ, въ земскихъ думахъ *(parlamenti)*, или, тамъ, гдѣ воплощается величіе Государя *(la maestà del sovrano)*,—все это дѣйствительныя мѣры для предупрежденія опаснаго сгущенія страстей народа.

Все это составляетъ главную отрасль бдительности чиновниковъ, называемыхъ нынѣ во Франціи *полиціею*,—но какъ только эти чиновники начнутъ дѣйствовать произвольно, а не по заранѣе предписаннымъ правиламъ, извѣстнымъ всѣмъ гражданамъ, такъ въ ту же минуту широко отворяются двери своеволію *(tirannia)*, которое обыкновенно закрываетъ всѣ выходы народной свободѣ *(libertà politica)*.

Нельзя допустить исключенія изъ этой общей истины, нетребующей доказательствъ *(assioma generale)*, что каждый изъ насъ долженъ знать, когда онъ виновенъ и когда невиненъ.

Если *цензоры* (*) *(censori)*, и вообще всѣ власти дѣйствующія произвольно, необходимы, въ какомъ либо государствѣ,— то это происходитъ единственно отъ непрочности его устройства, а вовсе не отъ свойства хорошо устроеннаго правительства.

Неопредѣленность собственной участи человѣка погубила болѣе жертвъ, чѣмъ открытая *(pubblica)* и торжественная жестокость.

Нѣтъ! она не уничижаетъ духъ нашъ, она еще больше его возмущаетъ.

Разумный властелинъ *(tirano)* начинаетъ прежде всего господствовать надъ общественнымъ мнѣніемъ, которое подавляетъ мужество, единственную силу, блистающую и въ свѣтломъ лучѣ истины и въ огнѣ страстей, и въ невѣдѣніи опасностей (**).

(*) *Примѣчаніе переводчика.* Цензоръ: этого слова на русскій языкъ перевести пельзя,—такъ какъ у насъ и не существовало и не существуетъ этого понятія. Цензоры избирались въ древнемъ Римѣ для наблюденія за правами жителей. Съ установленіемъ Римской Имперіи обязанности Цензоровъ возложены на Императоровъ.

(**) *Примѣчаніе переводчика.* Не нарисовалъ ли Беккарія въ этихъ словахъ Наполеона III-го, не объяснилъ ли онъ ими причины и послѣдствія французско-прусской войны 1870 года?

§ XXXIV.

Государственное тунеядство.

(ozio politico).

Мудрые правители, въ нѣдрахъ труда и промышленности, не терпятъ государственнаго тунеядства.

Такимъ тунеядствомъ я называю то, что не приноситъ въ пользу общества ни труда, ни богатства,—то,—что всегда пріобрѣтаетъ, никогда ничего не теряя, то,—что возбуждаетъ восторгъ безсмысленной толпы и презрительное сожалѣніе разумныхъ людей къ его жертвамъ.

Я называю государственнымъ тунеядцемъ того, кто будучи лишенъ существеннаго побужденія, вызывающаго человѣка къ дѣятельной жизни, т. е. побужденія охранять и умножать удобства жизни, отдаетъ всѣ свои силы *(energia)* страстямъ *религіозныхъ* (*) мнѣній, не менѣе опасныхъ, чѣмъ и всѣ другія страсти.

Нѣкоторые строгіе писатели *(austeri declamatori)* смѣшивали это тунеядство съ праздностью богатыхъ людей, пріобрѣвшихъ состояніе вслѣдствіе развитія промышленности.

Но не строгая и ограниченная добродѣтель *цензоровъ*, а законы должны опредѣлить какое именно тунеядство подлежитъ наказанію.

Нельзя назвать государственнымъ тунеядцемъ человѣка, пользующагося плодами трудовъ, добродѣтелей или пороковъ своихъ предковъ, и дающаго, однако же, хотя бы и для ми-

---

(*) *Примѣчаніе переводчика. религіозныхъ*: этого слова въ оригиналѣ нѣтъ.

нутныхъ своихъ наслажденій, и хлѣбъ и существованіе бѣднымъ труженикамъ.

Нельзя назвать такимъ тунеядцемъ того, кто подобными дѣйствіями спокойно возбуждаетъ незамѣтную войну роскоши съ промышленностью вмѣсто войны силы, всегда кровавой и по своему исходу неопредѣленной.

Это не *тунеядство*,—это *праздность*, и праздность полезная и необходимая по мѣрѣ правильнаго развитія общества и предоставленія ему бо̀льшей свободы (*).

(*) См. прил. 15 стр. 183.

§ XXXV.

Самоубійство.—Бѣглецы *(assenza)*.

Самоубійство есть преступленіе, недопускающее повидимому наказанія въ собственномъ смыслѣ этого слова: ибо оно могло бы упасть или на невинныхъ, или же на трупъ холодный и нечувствительный.

Въ послѣднемъ случаѣ наказаніе сдѣлаетъ развѣ только то впечатлѣніе на людей, какое производитъ всякое насиліе надъ статуею, а въ первомъ случаѣ оно было бы и несправедливо и жестоко, потому что государственная *(politica)* свобода предполагаетъ, что наказаніе должно всегда относиться къ личности виновнаго.

Люди слишкомъ любятъ жизнь, а все что ихъ окружаетъ усиливаетъ эту любовь.

Привлекательный образъ удовольствій и надежда, это невинное заблужденіе смертныхъ, чрезъ которое они жадно поглащаютъ зло, разведенное нѣсколькими каплями благосостоянія, такъ увлекаютъ ихъ, что нельзя опасаться, чтобы необходимая безнаказанность самоубійства имѣла бы на нихъ какое либо вліяніе.

Устрашаясь боли мы повинуемся законамъ, но смерть погашаетъ въ тѣлѣ всѣ ея источники.

Какой же поводъ удерживать отчаянную руку самоубійцы?

Онъ наноситъ менѣе вреда обществу, чѣмъ тотъ кто навсегда покидаетъ свое отечество: первый оставляетъ все свое состояніе въ предѣлахъ государства, а послѣдній, убѣгая, уноситъ и часть своего достоянія.

Скажу болѣе, если сила общества состоитъ въ количествѣ гражданъ, то бѣжавшій изъ отечества и отдавшій себя во власть сосѣдняго государства наноситъ болѣе ущерба, чѣмъ самоубійца, лишившій общество своей только помощи.

Значитъ весь вопросъ сводится только къ тому: полезно ли или вредно для государства предоставить каждому члену общества полное право удаляться изъ отечества.

Не слѣдуетъ постановлять закона, не вооруженнаго исполнительною властію, или же закона, несостоятельность коего вызывается силою обстоятельствъ, а такъ какъ убѣжденія подчиняются общественному мнѣнію, а оно съ своей стороны, повинуется только медленному и косвенному дѣйствію законодателя, но сопротивляется его прямому и сильному дѣйствію, то законы не нужные, презираемые людьми, уничтожаютъ полезные законы, на которые смотрятъ уже не какъ на хранилище общественнаго блага, а какъ на препятствіе, подлежащее сопротивленію.

Чувства наши, какъ выше было замѣчено, ограничены: слѣдовательно, чѣмъ болѣе мы цѣнимъ что либо незаконное, тѣмъ менѣе остается въ насъ уваженія къ настоящимъ законамъ.

Изъ этого начала мудрый распредѣлитель общественнаго счастья можетъ извлечь нѣкоторые полезные выводы, но еслибы я излагалъ ихъ здѣсь, то слишкомъ уклонился бы отъ моей цѣли, состоящей только въ томъ, чтобъ доказать ненадобность дѣлать изъ государства темницу.

Такой законъ не нуженъ потому, что пока это государство не будетъ отдѣлено отъ всѣхъ другихъ неприступными утесами или несудоходными морями, то какимъ же образомъ закроетъ онъ проходы во всѣхъ точкахъ ея окружности и какимъ образомъ усторожитъ онъ сторожей?

Если бѣжавшій унесъ все свое имущество, то наказать его невозможно; если это преступленіе уже совершилось, то нельзя его и наказывать, а наказывать его прежде, чѣмъ оно совершено, значило бы наказывать желанія людей, а не ихъ дѣйствія, но это было бы стремленіемъ повелѣвать намѣреніями: т. е. самою свободною стороною человѣка, не подходящею подъ дѣйствіе законовъ.

Наказывать преступника отобраніемъ оставленнаго имъ имущества, независимо отъ обыкновеннаго и неизбѣжнаго столкновенія, которое не можетъ быть устранено безъ произвольнаго нарушенія договоровъ,—значитъ затормозить всякую торговлю между государствами.

Наказывать виновнаго въ случаѣ его возвращенія въ отечество значитъ воспрещать исправленіе зла, нанесеннаго обществу и увѣковѣчивать всѣ подобныя преступленія.

Самое воспрещеніе оставлять государство возбуждаетъ въ туземцахъ желаніе это сдѣлать, а для иностранцевъ это только предупрежденіе не переселяться въ такое государство.

Что сказать о правительствѣ, не имѣющемъ, кромѣ страха никакого другого средства удержать въ отечествѣ подданныхъ, по своей природѣ и по первымъ впечатлѣніямъ дѣтства къ нему привязанныхъ.

Самымъ дѣйствительнымъ средствомъ удержать гражданъ въ отечествѣ было бы улучшеніе относительнаго благосостоянія каждаго изъ нихъ: необходимо направить всѣ усилія къ тому, чтобы торговый перевѣсъ *(bilancia)* былъ всегда въ нашу пользу; точно также весьма важно и для Государя и для государства, чтобы совокупность счастья гражданъ была выше въ сравненіи съ другими государствами.

Наслажденія роскошью не составляютъ главнаго условія этого счастья, хотя роскошь есть въ сущности необходимое средство, подрывающее неравенство состояній, усиливающееся всегда съ развитіемъ государства; безъ этого средства всѣ богатства скопились бы въ однихъ рукахъ (*).

(*) *Примѣчаніе автора.* «Тамъ гдѣ пространство государства увеличивается скорѣе народонаселенія, тамъ роскошь способствуетъ развитію самовластія *(il dispotismo)*, потому во первыхъ, что чѣмъ рѣже населеніе, тѣмъ слабѣе развитіе промышленности, — тѣмъ болѣе зависимости бѣдныхъ отъ богатыхъ и тѣмъ менѣе для угнетающихъ опасности возможнаго сближенія угнетенныхъ и во вторыхъ, потому что отличія, должности, власть, вообще уваженіе, увеличивающее разстояніе между сильнымъ и слабымъ, достигаются скорѣе немногими, чѣмъ многими.

Притомъ же люди тѣмъ независимѣе, чѣмъ менѣе за ними надзора, а надзоръ, по необходимости уменьшается съ развитіемъ народонаселенія.

Но тамъ, гдѣ населеніе государства увеличивается скорѣе, чѣмъ его пространство, тамъ роскошь составляетъ оплотъ противъ самовластія *(il dispotismo)*, потому что она возбуждаетъ промышленность и дѣятельность жителей, и работа бѣдныхъ даетъ столько удобствъ и удовольствій богатому, что онъ не захочетъ пользоваться одною только тщеславною роскошью, усиливающею общее мнѣніе о его зависимости.

Вслѣдствіе сего можно замѣтить, что въ обширныхъ, слабыхъ и малонаселенныхъ государствахъ тщеславная роскошь преобладаетъ надъ тою, которая имѣетъ въ виду удобство,—если только какія либо особыя обстоятельства тому не воспрепятствуютъ,—и на оборотъ, въ государствахъ густо населенныхъ послѣдній видъ роскоши вытѣсняетъ первую».

Но какъ торговля, такъ и переходъ наслажденій роскошью изъ однихъ рукъ въ другія имѣютъ свои неудобства. Хотя эти наслажденія проходятъ чрезъ посредство многихъ лицъ, но они исходятъ отъ немногихъ и за немногими же и остаются, такъ что только самая незначительная ихъ часть упадаетъ на долю большинства, и потому не ослабляетъ въ немъ чувства сознанія своей нищеты; однако сознаніе это происходитъ скорѣе отъ сравненія, чѣмъ отъ дѣйствительности.

Но безопасность и ограниченная одними законами свобода составляютъ основное начало счастья: при ихъ содѣйствіи наслажденія роскошью благопріятствуютъ населенію, а безъ нихъ эти наслажденія являются только орудіемъ насилія *(tirannia)*.

Какъ самыя благородныя животныя и безусловно свободныя птицы удаляются въ пустыни и непроходимые лѣса, бросая подставляющему имъ сѣти человѣку, плодоносныя и роскошныя поля, такъ и человѣкъ бѣжитъ отъ удовольствій, распредѣляемыхъ насиліемъ.

Такимъ образомъ мы доказали, что законъ, замыкающій подданныхъ въ ихъ странѣ и не нуженъ и несправедливъ.

Отсюда слѣдуетъ, что онъ равномѣрно и не нуженъ и несправедливъ и въ отношеніи самоубійцы, и хотя все же это вина, которую Богъ караетъ, потому что одинъ Онъ можетъ карать даже послѣ смерти, но это не преступленіе предъ людьми: ибо наказаніе самоубійцы вмѣсто того, чтобы карать виновнаго, упадетъ на его семейство.

Если мнѣ возразятъ, что страхъ наказанія можетъ, по крайней мѣрѣ, удержать человѣка, рѣшившагося на самоубійство, то я скажу, что кто спокойно отказывается отъ благъ здѣшней жизни, кто ненавидитъ свое существованіе до такой степени, что предпочитаетъ ему страшную будущность, тотъ нисколько не тронется не столь дѣйствительными и болѣе отдаленными соображеніями о своихъ дѣтяхъ и родителяхъ.

§ XXXVI.

Преступленія трудно доказываемыя.

Въ обществѣ не рѣдко встрѣчаются преступленія, которыя доказать очень трудно: таковы: прелюбодѣяніе, мужеложство и дѣтоубійство.

1) Прелюбодѣяніе.

Разсматриваемое съ государственной точки зрѣнія *(politicamente)* прелюбодѣяніе беретъ свое начало и получаетъ развитіе изъ двухъ источниковъ: измѣнчивости нашихъ законовъ и непреодолимаго влеченія одного пола къ другому (*).

Если бы я писалъ для государства еще лишеннаго свѣта религіи, я сказалъ бы, что между прелюбодѣяніемъ и другими преступленіями, кромѣ трудности доказать его совершеніе, есть другое, весьма важное, различіе.

Я сказалъ бы, что оно происходитъ отъ злоупотребленія постоянною, насущною потребностью всего человѣчества,— потребностью—не только предшествовавшею зарожденію самаго общества, но даже послужившею къ тому основаніемъ,— между тѣмъ какъ всѣ другія преступленія стремятся къ разрушенію общества и происходятъ болѣе отъ скоропроходящей страсти, чѣмъ отъ естественной потребности.

(*) *Примѣчаніе автора.* Это влеченіе имѣетъ много сходства съ закономъ всемірнаго тяготѣнія: обѣ силы ослабляются съ разстояніемъ, и какъ одна изъ нихъ, во все продолженіе своего дѣйствія, измѣняетъ всѣ движенія тѣла, такъ другая—переворачиваетъ всѣ движенія души. Различіе между этими двумя силами состоитъ только въ томъ, что всемірное тяготѣніе ослабляется препятствіями, и даже съ усиленіемъ ихъ приходитъ въ состояніе покоя, между тѣмъ какъ естественное влеченіе одного пола къ другому изъ самыхъ препятствій извлекаетъ болѣе силы и напряженія.

Для всякаго знающаго исторію и человѣка ясно, что эта потребность всегда одинакова въ одномъ и томъ же климатѣ, всегда повторяется въ одномъ и томъ же числѣ событій.

Если это вѣрно,—то не только безполезны, но гибельны законы или обычаи, стремящіеся уменьшить это число событій: прямымъ своимъ послѣдствіемъ они имѣютъ обремененіе *одной только* части общества потребностями *всего* общества.

Напротивъ, вѣрнѣе было бы установить такія правила, подчиняясь коимъ, эти потребности,—какъ воды, стекающія по наклонной плоскости, раздѣлились бы и развѣтвились на маленькіе и почти равные ручейки, не допуская такимъ образомъ нигдѣ ни засухи, ни наводненія.

Супружеская вѣрность всегда увеличивается *(proporzionata)* соразмѣрно съ числомъ и свободою браковъ.

Тамъ,—гдѣ господствуютъ наслѣдственные предразсудки, гдѣ родительская власть устроиваетъ и запрещаетъ браки,—тамъ всегда найдутся любовники, которые въ глубочайшей тайнѣ, разрываютъ эти браки, не взирая на вопли обыденныхъ наставниковъ, порицающихъ дѣйствія и извиняющихъ ихъ причины.

Но въ этихъ разсужденіяхъ не нуждаются люди, пользующіеся свѣтомъ истинной вѣры, и потому имѣющіе въ запасѣ высшія соображенія,—могущія побѣдить даже дѣйствіе природы.

Имъ сказалъ бы я, что проявленіе этого преступленія столь мгновенно и таинственно, столь закрыто покровомъ, наброшеннымъ на него самимъ закономъ, (покровъ необходимый, но прозрачный, и потому увеличивающій, а не уменьшающій прелесть скрываемаго предмета); наконецъ случаи къ его совершенію столь возможны, а послѣдствія столь неопредѣленны, что законодателю остается одна только обязанность предупреждать, а вовсе не наказывать его совершеніе.

Наказывать это дѣйствіе значитъ оплодотворять его: это общее правило для всѣхъ дѣйствій, которыя должны, въ силу природы своей, оставаться большею частью безнаказанными.

Свойство нашей природы таково, что всѣ затрудненія, если они не непреодолимы и не слишкомъ превосходятъ степень дѣятельности нашего духа, только распаляютъ наше

воображеніе, представляя задачу желанія въ преувеличенномъ видѣ.

Эти затрудненія можно скорѣе назвать способами преграждать блуждающему и страстному воображенію возможность отрѣшиться отъ дурного намѣренія.

Понуждая наше воображеніе обозрѣть всѣ пути къ его достиженію, они привязываютъ насъ только къ тому, что мы замѣчаемъ въ немъ привлекательнаго, а очевидно, что духъ нашъ стремится только къ пріятному: отъ всего мучительнаго и гибельнаго онъ отворачивается и удаляется.

2) Мужеложство.

Мужеложство, столь строго наказуемое законами, и противъ коего такъ легко употребляютъ пытку, побѣждающую даже невинность, истекаетъ менѣе изъ потребности человѣка уединеннаго и свободнаго, чѣмъ изъ страстей человѣка, вдвинутаго въ общество въ качествѣ раба.

Оно беретъ свою силу не столько въ пресыщеніи удовольствіями, сколько въ воспитаніи, имѣющемъ цѣлью сдѣлать человѣка ненужнымъ самому себѣ и полезнымъ только для другихъ,—въ этихъ заведеніяхъ, гдѣ замыкаютъ буйствующую молодежъ,—гдѣ нѣтъ никакой возможности имѣть другихъ болѣе правильныхъ между людьми отношеній и гдѣ вся сила развивающейся природы гаснетъ безъ всякой пользы для человѣчества, и даже ускоряетъ приближеніе старости.

3) Дѣтоубійство.

Дѣтоубійство есть равномѣрно послѣдствіе неизбѣжнаго противорѣчія, въ которое поставлена женщина, уступившая или по своей собственной слабости или вслѣдствіе насилія другого лица; она должна сдѣлать выборъ между своимъ безчестьемъ или смертью невиннаго существа, неспособнаго постигнуть весь ужасъ ея существованія.

Какимъ образомъ не предпочтетъ она дѣтоубійство неизбѣжной нищетѣ, въ которую должна впасть вмѣстѣ съ несчатнымъ плодомъ своимъ?

Лучшимъ средствомъ предупреждать это преступленіе было бы защищать могущественными законами слабость противъ насилія *(tirannia)*, преувеличивающаго всѣ пороки, которыхъ нельзя скрыть подъ покрываломъ добродѣтели.

Я вовсе не хочу уменьшить справедливый ужасъ, возбуждаемый этими преступленіями, но указывая ихъ источники, считаю себя вправѣ извлечь изъ нихъ слѣдующій общій выводъ: нельзя назвать справедливымъ (т. е. необходимымъ) наказаніе преступленій, до того времени, пока законъ не установитъ для ихъ предупрежденія лучшихъ и притомъ возможныхъ въ исполненіи средствъ въ данныхъ обстоятельствахъ государства (*).

(*) См. прил. 16 стр. 185.

§ XXXVII.

Особый родъ преступленій.

Читающій мою книгу замѣтитъ, что я пропустилъ одинъ родъ преступленій, покрывшій Европу человѣческою кровью и воздвигшій эти гибельные костры, въ которыхъ пищею пламени служили живыя тѣла человѣческія.

Въ то время веселымъ зрѣлищемъ и сладостнымъ звукосочетаніемъ для слѣпой толпы считалось внимать глухимъ, перепутаннымъ стонамъ несчастныхъ; стонамъ, которые вылетали изъ вихрей клубящагося чернаго дыма, исходившаго изъ членовъ человѣка, среди треска обугливающихся его костей.

Людямъ того времени пріятно было слышать шипѣніе поджариваемыхъ и еще трепещущихъ внутренностей человѣка.

Но разсудительные люди поймутъ, что ни мѣсто, ни время, ни самый предметъ не позволяютъ мнѣ изслѣдовать свойства такого рода преступленій. Я вовлекся бы въ слишкомъ длинныя разсужденія и вышелъ бы изъ предѣловъ своей работы, если бы сталъ доказывать необходимость совершеннаго единства всякаго рода мнѣній въ государствѣ, въ противность примѣрамъ многихъ государствъ; если-бы я сталъ доказывать, какимъ образомъ *вѣрованія* (*), которыя отдѣляются одно отъ другого только нѣкоторыми тонкими и непонятными различіями, едва ли доступными человѣку при его ограниченныхъ способностяхъ, все же могутъ возмущать общественное благосостояніе, если только одно изъ нихъ признано господствующимъ въ отношеніи другихъ. Я вышелъ бы изъ предѣловъ своей задачи, если бы сталъ доказывать

(*) *Примѣчаніе переводчика. вѣрованія:* въ оригиналѣ сказано: *мнѣнія.*

почему свойство этихъ вѣрованій таково, что нѣкоторыя изъ нихъ, вслѣдствіе противоположныхъ броженій и споровъ, разъясняются, и почему истинныя выплываютъ наверхъ, а ложныя тонутъ въ забвеніи, но въ тоже самое время другія, дурно установившіяся, вслѣдствіе пустоты своего содержанія, должны быть поддерживаемы только властью и силою.

Слишкомъ долго было бы доказывать почему, сколь ни ненавистно кажется господство силы надъ разумомъ, силы, которая можетъ развить одно только притворство, а за тѣмъ и униженіе гражданъ, сколь ни противоположно это господство силы самому духу кротости и братства, предписываемому намъ и разумомъ и тою властью *(autoritá)*, предъ которою мы всего болѣе благоговѣемъ,—все же это господство необходимо и неизбѣжно.

Все это слѣдовало бы считать доказаннымъ до очевидности и согласнымъ съ истинными выгодами людей, если бы только существовала гдѣ либо надлежащая власть, приводящая это въ дѣйствіе.

Я говорю здѣсь только о преступленіяхъ, исходящихъ изъ природы человѣческой и общественнаго договора, и не касаюсь грѣховъ, наказанія коихъ, даже временныя, должны быть опредѣлены на другихъ основаніяхъ, не зависящихъ отъ нашей ограниченной мудрости *(filosofia)*.

§ XXXVIII.

Источники ошибокъ и несправедливостей въ законодательствѣ, и во первыхъ, ложныя понятія о пользѣ.

Одинъ изъ источниковъ ошибокъ и несправедливостей, создаваемый для себя самими законодателями, — это ложныя понятія о пользѣ.

Ложныя понятія о пользѣ имѣетъ тотъ, кто частныя неудобства предпоставляетъ общимъ, кто желаетъ управлять чувствами вмѣсто того, чтобы ихъ возбуждать къ дѣйствію, кто разуму говоритъ: будь рабомъ.

Ложныя понятія о пользѣ имѣетъ тотъ, кто тысячи дѣйствительныхъ выгодъ приноситъ въ жертву одному неудобству, — или воображаемому или неплодотворному, — кто отнялъ бы у людей огонь, потому, что онъ можетъ быть причиною пожара, и воду, потому что въ ней можно утонуть; кто исправляетъ зло только разрушая все существующее.

Законы, воспрещающіе носить оружіе, принадлежатъ именно къ этому роду вредныхъ постановленій.

Они обезоруживаютъ лицъ, не имѣющихъ ни намѣренія, ни рѣшимости совершить преступленіе; между тѣмъ, какъ тотъ, кто не боится нарушать самыхъ священныхъ законовъ человѣчества, и самыхъ существенныхъ уложеній, будетъ ли уважать неважныя и совершенно произвольныя распоряженія, нарушеніе коихъ столь легко, — и безнаказанность коихъ столь очевидна!

Точное исполненіе такихъ распоряженій уничтожаетъ личную свободу, драгоцѣнную какъ для простаго человѣка, такъ и для просвѣщеннаго законодателя. Эти распоряженія подвергаютъ невиннаго всѣмъ притѣсненіямъ, которымъ могъ бы подлежать только виновный.

Они ухудшаютъ положеніе человѣка защищающагося и улучшаютъ положеніе нападающаго. Нѣтъ! они не умень-

шаютъ числа убійствъ, но ихъ увеличиваютъ: вѣрнѣе нападать на безоружнаго, чѣмъ на вооруженнаго.

Эти законы не предупреждаютъ преступленій, они создаются страхомъ преступленій, ихъ можно назвать законами боязными преступленій *(paurose di delitti)*; они рождаются подъ вліяніемъ грозныхъ впечатлѣній какихъ либо случайныхъ событій, а вовсе не вслѣдствіе зрѣлаго обсужденія всѣхъ удобствъ и неудобствъ новаго общаго постановленія.

Ложныя понятія о пользѣ имѣетъ тотъ, кто множеству живыхъ существъ желаетъ дать стройный видъ *(simmetria)* и такой порядокъ, коему подчиняется только неодушевленное и грубое вещество *(materia)*; тотъ, кто пренебрегаетъ присущими единственными побужденіями, дѣйствующими постоянно и сильно на толпу, но вдается въ отдаленныя мудрованія, впечатлѣнія коихъ и ничтожны, и мимолетны, если только сила воображенія, необыкновенная въ людяхъ, не восполнитъ увеличеніемъ предмета его отдаленность.

Наконецъ ложныя понятія о пользѣ имѣетъ тотъ, кто предпочитая названіе самому предмету, отдѣляетъ общественное благо отъ блага каждаго человѣка.

Главное различіе между естественнымъ и общественнымъ состояніемъ человѣка состоитъ въ томъ, что дикій человѣкъ наноситъ зло другимъ, единственно для того, чтобы сдѣлать что нибудь полезное для себя, а человѣкъ, живущій въ обществѣ, побуждается иногда дурными законами къ оскорбленію другихъ безъ всякой для себя пользы.

Въ душахъ рабовъ своихъ, властелинъ *(il dispotico)* возбуждаетъ страхъ и уныніе, но эти чувства, отражаясь, начинаютъ мучить его еще съ большею силою.

Въ уединеніи, въ семейной жизни, этотъ страхъ, служащій орудіемъ его блаженства, не очень опасенъ.

Но какъ только это орудіе приводится въ дѣйствіе въ толпѣ народа, и волнуетъ множество людей, то опасность увеличивается.

Въ этой толпѣ легко найдется или неосторожный, или отчаянный, или дерзкій человѣкъ, способный возбудить другихъ къ исполненію своихъ замысловъ, развивая въ нихъ самыя пріятныя и тѣмъ болѣе увлекательныя надежды, что страхъ предпріятія упадаетъ на бо̀льшее число людей, а

извѣстно, что важность, которую несчастные придаютъ своему существованію, уменьшается вмѣстѣ съ бѣдствіями, ими испытываемыми.

Вотъ почему всякое оскорбленіе влечетъ за собою новыя оскорбленія съ противной стороны.

Ненависть есть чувство болѣе продолжающееся; чѣмъ *любовь*: *первая* беретъ свою силу въ продолженіи дѣйствій, которыя всегда ослабляютъ *послѣднюю*.

---

§ XXXIX.

Родительская власть. *(Spirito di famiglia).*

Всѣ изложенныя мною выше гибельныя, но покровительствуемыя властью *(autorizzate)* неправды были одобряемы даже самыми просвѣщенными людьми и приводимы въ дѣйствіе самыми свободными правительствами *(repubblichi)*, вслѣдствіе того, что общество разсматривалось какъ союзъ нѣсколькихъ семействъ, а не отдѣльныхъ личностей.

Представимъ себѣ 100.000 людей, т. е. 20,000 семействъ, изъ коихъ каждое состоитъ изъ пяти лицъ вмѣстѣ съ главою семейства, его представляющимъ. Если союзъ состоитъ изъ отдѣльныхъ личностей, то въ обществѣ будетъ 100,000 гражданъ и ни одного раба. Въ первомъ случаѣ составится государство *(repubblica)*, состоящее изъ 20,000 маленькихъ самодержавныхъ правительствъ *(monarchie)*; во второмъ общественный духъ *(repubblicano)* охватитъ не только площади и собранія народа, но проникнетъ даже и въ стѣны семейства, гдѣ гнѣздится большая часть благосостоянія и бѣдствій человѣческихъ.

Такъ какъ законы и обычаи зависятъ отъ обыкновенныхъ стремленій членовъ государства, т. е. главъ семейства, то въ первомъ случаѣ духъ самодержавія проникнетъ мало по малу въ самое государство и дѣйствія его будутъ сдерживаться только противоположными выгодами отдѣльныхъ личностей, но уже не чувствомъ, преисполненнымъ стремленія къ свободѣ и равенству.

Семейный духъ есть духъ мелкихъ подробностей, ограниченный весьма ничтожными дѣйствіями.

Но духъ общественный, руководящій основными началами государственной мудрости, созерцая всѣ событія, распредѣляетъ ихъ на главные разряды, существенно важные для благосостоянія бо̀льшаго числа людей.

Въ государствѣ, составленномъ изъ союза семействъ, дѣти,

оставаясь подъ властью главы семейства, принуждены единственно отъ его смерти ожидать существованія, зависящаго только отъ закона.

Привыкшіе преклоняться и дрожать въ то время, когда развивается эта молодая сила, когда чувства менѣе подавлены страхомъ опыта, называемымъ умѣренностью, какъ же могутъ они противостоять препятствіямъ, которыми порокъ всегда вооруженъ противъ добродѣтели, въ тѣ томительные годы заката своей жизни, когда даже одна безнадежность увидѣть плоды трудовъ своихъ не позволяетъ имъ дѣйствовать рѣшительно?

Когда государство составлено изъ отдѣльныхъ личностей, то семейство въ него входитъ не въ состояніи безмолвной подчинности, а въ договорныхъ отношеніяхъ, и дѣти, лишь только выйдутъ изъ состоянія естественной зависимости, обусловливаемой ихъ слабостью и необходимостью воспитанія и защиты, становятся свободными членами общины и подчиняются главѣ семейства для того только, чтобы пользоваться выгодами своего положенія, какъ свободные люди развившагося общества.

Въ первомъ случаѣ дѣти, т. е. бо́льшая и самая полезная часть государства, зависятъ отъ произвола родителя. Во второмъ—не можетъ быть другой подчиняющей связи, кромѣ священнаго и неприкосновеннаго права оказывать другъ другу взаимную помощь, и выражать благодарность за оказанныя имъ благодѣянія; а эти отношенія не столь легко разрушаются злобою сердца человѣческаго, какъ дурно понятая подчиненность, установленная закономъ.

Такія противорѣчія между законами, опредѣляющими семейное и государственное право, порождаютъ множество другихъ противорѣчій между семейною и общественною нравственностью и потому влекутъ за собою вѣчную борьбу въ душѣ каждаго человѣка.—Семейная нравственность внушаетъ подчиненіе и страхъ; общественная,—мужество и духъ свободы.

Первая учитъ насъ ограничивать свою благотворительность весьма немногимъ числомъ лицъ безъ всякаго выбора, вторая,—распространяетъ эту благотворительность на всѣ сословія людей; первая—предписываетъ приносить себя постоянно въ

жертву пустому кумиру, называемому *семейное благо*, и которое часто не составляетъ блага ни одного изъ членовъ семейства. Вторая,— научаетъ человѣка искать своего собственнаго благосостоянія, не нарушая общихъ законовъ, возбуждаетъ въ немъ желаніе жертвовать собою въ пользу отечества и награждаетъ тѣмъ увлеченіемъ *(fanatismo)*, которое въ него вселяетъ для совершенія этого подвига.

Всѣ изложенныя выше противорѣчія ослабляютъ въ людяхъ стремленіе къ добродѣтели; она скрывается отъ нихъ во мракѣ ее окружающемъ со всѣхъ сторонъ и представляется въ отдаленіи, затемняющемъ и естественные и нравственные предметы.

Сколько разъ человѣкъ, обращаясь къ своему прошедшему, удивляется, находя себя безчестнымъ.

По мѣрѣ развитія населенія общества, значеніе каждаго изъ его членовъ ослабляется и въ томъ же отношеніи ослабляется и духъ общественный, если законы не заботятся о его укрѣпленіи.

Общество, также какъ и тѣло человѣческое, имѣетъ свои опредѣленныя границы, и если оно выходитъ изъ нихъ, то весь порядокъ его устройства *(economia)* по необходимости распадается.

Кажется, что пространство государства должно быть въ обратномъ отношеніи къ воспріимчивости его членовъ.

При равномъ развитіи того и другого, хорошіе законы въ самомъ благѣ ими производимомъ, находили бы препятствіе предупреждать преступленія.

Обширное государство спасаетъ себя отъ самовластія *(dispotismo)* единственно подраздѣленіемъ на нѣсколько соединенныхъ между собою *союзныхъ* правительствъ *(federative)*.

Но какъ достигнуть этого? Посредствомъ неограниченнаго властелина *(ditatore—dispotico)*, который имѣлъ бы мужество Суллы, и столько же геніальности создавать, сколько Сулла имѣлъ геніальности разрушать.

Когда такой человѣкъ будетъ честолюбивъ, то его ожидаетъ слава всѣхъ вѣковъ; если же онъ будетъ мудрымъ человѣкомъ, то благословеніе его согражданъ утѣшитъ его въ потерѣ власти, когда, впрочемъ, онъ не сдѣлается еще прежде равнодушнымъ къ ихъ неблагодарности.

По мѣрѣ того какъ чувства, привязывающія насъ къ государству, ослабляются,—чувства къ предметамъ насъ окружающимъ усиливаются, и по этому мы видимъ, что при самомъ страшномъ давленіи правительства *(il dispotismo piu forte)* чувство дружбы становится продолжительнѣе и семейныя добродѣтели, всегда посредственныя, развиваясь, становятся обыкновеннымъ и даже единственнымъ явленіемъ.

Изъ этого всякій можетъ видѣть до какой степени воззрѣнія большей части законодателей были ограничены (*).

(*) См. прил. 17 стр. 186.

§ XL.

Преступленія какъ источникъ государственныхъ доходовъ *(fisco)* (*).

Въ прежнія времена всѣ почти наказанія были денежныя.

Преступленія людей считались вотчиною Государя: покушенія противъ общественной безопасности считались оброчною статьею; лица, назначаемыя для защиты ея находили свои выгоды въ томъ, чтобъ доказать совершеніе подобныхъ преступленій.

Слѣдовательно предметомъ наказаній была тяжба между казеннымъ управленіемъ (сборщикомъ этихъ наказаній) и виновнымъ; гражданское дѣло было болѣе частнымъ, чѣмъ государственнымъ *(pubblico)* искомъ, дающимъ казнѣ другія права, кромѣ тѣхъ, которыя предоставляетъ ему общая защита, а преступнику другія наказанія, кромѣ тѣхъ, какимъ онъ подлежитъ въ виду необходимости примѣра.

Слѣдовательно судья былъ адвокатомъ казны, а не безпристрастнымъ изыскателемъ истины, повѣреннымъ казначейства, а не покровителемъ и исполнителемъ *(il ministro)* законовъ.

Но такъ какъ при этомъ порядкѣ сознаніе виновнаго было сознаніемъ долга казнѣ, что и было цѣлью уголовнаго судопроизводства того времени, то сознаніе въ преступленіи, сознаніе, направленное въ пользу, а не во вредъ казны, сдѣлалось и остается до сихъ поръ (дѣйствія продолжаются долго по прекращеніи ихъ причины) средоточіемъ, около котораго вращается все уголовное судопроизводство.

Несознавшійся виновный, хотя и уличенный несомнѣнными доказательствами, подвергался болѣе слабому наказанію; онъ уже не могъ подлежать пыткѣ по другимъ однороднымъ преступленіямъ, которыя могъ совершить. Посредствомъ сознанія судья завладѣваетъ тѣломъ виновнаго, терзаетъ его съ послѣдовательными обрядностями, для того, чтобъ извлечь изъ него, какъ изъ благопріобрѣтеннаго недвижимаго имущества, все, что только можетъ.

(*) *Примѣчаніе переводчика.* Причины почему здѣсь одно иностранное слово переведено пятью русскими изложены въ 18 приложеніи (стр. 187).

Когда существованіе преступленія доказано, то сознаніе составляетъ убѣдительное доказательство и чтобъ сдѣлать его менѣе подозрительнымъ, оно вымогается истязаніями и отчаяніемъ страдальца; между тѣмъ какъ внѣ судебное признаніе, спокойное, хладнокровное, не омраченное страхомъ мучительнаго суда, недостаточно для обвиненія.

Изслѣдованія и доказательства, разъясняющія событіе, но ослабляющія права казны, не допускаются.

Если иногда преступники и освобождаются отъ пытки, то не въ виду несчастья и слабости ихъ, а въ виду не допущенія казеннаго ущерба, т. е. для огражденія отъ потерь этого воображаемаго и непостижимаго существа *(ente)*.

Судья дѣлается врагомъ виновнаго человѣка, закованнаго въ цѣпи, отданнаго въ жертву предсмертной блѣдности и терзаніямъ, ожидающаго самой страшной будущности. Судья не отыскиваетъ истины событія, онъ ищетъ преступленія въ узникѣ, и пристаетъ къ нему; онъ боится и потерять въ случаѣ неуспѣха, и опозорить эту непогрѣшимость, которую человѣкъ всегда любитъ себѣ приписывать.

Судья имѣетъ право опредѣлить улики для заключенія въ тюрьму; для того, чтобъ кто нибудь могъ доказать что онъ невиненъ, онъ долженъ прежде быть объявленъ виновнымъ. Это называется *обвинительнымъ процессомъ (processo offensivo)*.

Таково почти во всѣхъ земляхъ просвѣщенной Европы XVIII столѣтія уголовное судопроизводство.

Настоящій *слѣдственный процессъ (l'informativo)*, т. е. безпристрастное розысканіе событія, предписываемый намъ разумомъ, принятый военными законами, примѣняемый даже азіатскимъ самовластіемъ *(dispotismo)* въ обыденныхъ и не важныхъ случаяхъ, очень мало употребляется въ Европейскихъ судахъ.

Какое запутанное сплетеніе *(labirinto)* странныхъ нелѣпостей; безъ всякаго сомнѣнія, для болѣе счастливаго потомства оно покажется невѣроятнымъ: только будущіе мудрецы *(filosofi)* прочтутъ въ природѣ человѣка возможность правдоподобности отдаленнаго существованія такого порядка *(sistema)* (*).

(*) См. прил. 18 стр. 187.

§ XLI.

Предупрежденіе преступленій. — Знаніе. — Судьи. — Награды. — Воспитаніе.

Наказъ Екатерины II.

239. *Вопросъ VIII.* Какія средства самыя дѣйствительныя ко предупрежденію преступленій.

240. Гораздо лучше предупреждать преступленія, нежели наказывать.

Лучше предупреждать преступленія, чѣмъ наказывать.

241. Предупреждать преступленія есть намѣреніе и конецъ хорошаго законоположничества, которое не что иное есть какъ искуство приводить людей къ самому совершенному благу, или оставлять между ними, если всего искоренить нельзя, самое малѣйшее зло.

Это главная цѣль всякаго хорошаго законодательства, которое есть искуство направлять людей къ высшей степени счастья или къ низшей степени несчастья, смотря по разсчету количества добра и зла въ жизни.

Но средства, употреблявшіяся до сихъ поръ, невѣрны *(falsi)* и противоположны своей цѣли.

Невозможно привести буйную дѣятельность людей къ геометрическому порядку безъ неровностей и сбивчивости.

Какъ постоянные и простѣйшіе законы природы не препятствуютъ планетамъ уклоняться отъ прямаго ихъ пути, такъ точно въ безконечныхъ и противоположныхъ притяженіяхъ удовольствія и печали человѣческіе законы не въ состоянія предупредить возмущенія и непорядки.

Между тѣмъ эти вздорныя мечты *(chimera)* занимаютъ умы ограниченныхъ людей, пользующихся властью.

242. Когда запретимъ многія дѣйствія, слывущія у нравоучителей средними, то тѣмъ не удержимъ преступленій, могущихъ отъ того воспослѣдовать, но произведемъ чрезъ то еще новыя.

Запрещать множество не имѣющихъ значенія дѣйствій, не значитъ еще предупреждать преступленія могущія произойти отъ нихъ,—напротивъ, это значитъ создавать новыя преступленія: это произвольное опредѣленіе добродѣтели и порока, а намъ проповѣдуютъ, что эти опредѣленія вѣчны и непоколебимы.

Къ чему были бы мы приведены, еслибъ нужно было воспретить все, что можетъ подать поводъ къ преступленію?

Нужно было бы лишить человѣка права пользоваться своими чувствами.

На каждое побужденіе человѣка совершить дѣйствительное преступленіе найдутся тысячи побужденій къ совершенію тѣхъ неважныхъ дѣйствій, которыя можно назвать преступленіями, истекающими изъ дурныхъ законовъ, и если вѣроятность преступленій соотвѣтствуетъ ихъ числу, то увеличивать область *(sfera)* преступленій, значитъ увеличивать вѣроятность ихъ совершенія.

Бо́льшая часть законовъ есть не что иное какъ изложеніе преимуществъ *(privilegi)* нѣкоторыхъ лицъ, т. е. установленіе общей подати на всѣхъ въ пользу немногихъ.

Желаете ли предупредить преступленія?

Сдѣлайте, чтобы законы были ясны, просты, и чтобы вся сила государства была сосредоточена въ ихъ защитѣ, и чтобы даже малѣйшая часть этой силы не была направлена къ ихъ уничтоженію.

243. Хотите ли предупредить преступленія? Сдѣлайте, чтобъ законы меньше благодѣтельствовали разнымъ между гражданами чинамъ, нежели всякому особо гражданину.

Сдѣлайте, чтобы законы менѣе покровительствовали отдѣльнымъ сословіямъ людей, чѣмъ самымъ людямъ.

244. Сдѣлайте, чтобъ люди боялися законовъ, и никого бы кромѣ ихъ не боялися.

Сдѣлайте, чтобы люди боялись законовъ, и никого бы кромѣ нихъ не боялись.

Страхъ законовъ полезенъ: напротивъ, гибеленъ и плодотворенъ преступленіями страхъ человѣка къ человѣку.

Люди—рабы болѣе сластолюбивы, распутны и жестоки, чѣмъ свободные люди.

Эти послѣдніе размышляютъ о наукахъ, о выгодахъ государства, видятъ великіе образы и имъ подражаютъ, но рабы, довольные настоящимъ днемъ, ищутъ въ буйствѣ и распутствѣ развлеченія того уничиженія, въ которомъ они себя видятъ. Привыкшіе къ неопредѣлительности исхода всякаго предпріятія, исходъ ихъ собственныхъ преступленій представляется имъ также неопредѣленнымъ,—что еще болѣе воспаляетъ страсти ими руководящія.

Если неопредѣлительность законовъ падаетъ на государство, склонное къ безпечности по своему климату, она поддерживаетъ и развиваетъ общую безпечность и невѣжество.

Если эта неопредѣлительность законовъ обнаруживается въ государствѣ развратномъ, но дѣятельномъ, она раздробитъ эту дѣятельность на безконечное число ничтожныхъ заговоровъ *(cabale)* и пронырствъ, которыя вселяютъ въ каждомъ сердцѣ недовѣріе и принимаютъ измѣну и притворство за основаніе предусмотрительности.

Если наконецъ эта неопредѣлительность достается въ удѣлъ государству мужественному и сильному, то она будетъ со временемъ искоренена, но только послѣ многихъ колебаній отъ свободы къ рабству, и отъ рабства къ свободѣ.

245. Хотите ли предупредить преступленія? Сдѣлайте, чтобы просвѣщеніе распространилося между людьми.

Желаете предупредить преступленія? Сдѣлайте, чтобъ просвѣщеніе сопровождало свободу.

Вредъ знаній всегда въ обратномъ отношеніи къ ихъ распространенію, а польза ихъ въ прямомъ отношеніи.

Смѣлый злодѣй, всегда почти человѣкъ способный, возбуждаетъ обожаніе невѣжественнаго народа и порицаніе людей образованныхъ.

Знанія, облегчая сравненія между предметами, увеличивая различныя точки зрѣній на эти предметы, противопоставляютъ много мыслей одна другой; мысли эти измѣняются взаимно и это дѣлается легче потому, что не трудно предвидѣть

и въ другихъ людяхъ тѣ же точки зрѣнія и ту же борьбу мыслей.

Передъ лицомъ просвѣщенія, распространяемаго въ государствѣ съ полною щедростью, умолкнетъ клевещущее невѣжество, задрожитъ неразумная власть *(autorità)*, и только суровая сила закона останется непоколебимою: ибо нѣтъ просвѣщеннаго человѣка, который не любилъ бы открытыхъ *(pubblici)*, ясныхъ и полезныхъ условій общей безопасности, сравнивая ничтожную часть ненужной свободы, пожертвованной имъ въ общій складъ всѣхъ подобныхъ частицъ, которыя только вредили бы ему, если бы не было законовъ.

246. Книга добрыхъ законовъ не что иное есть, какъ недопущеніе до вреднаго своевольства причинять зло себѣ подобнымъ.

Человѣкъ впечатлительный, бросивъ взглядъ на хорошо составленное уложеніе законовъ, и убѣдившись въ томъ, что онъ потерялъ только гибельную свободу дѣлать зло другимъ, будетъ принужденъ благословлять престолъ и Государя на немъ возсѣдающаго.

Мысль, что науки всегда вредны для человѣчества несправедлива; и если это когда либо было, значитъ и самое зло было неизбѣжно.

Размноженіе на землѣ рода человѣческаго породило войну, грубыя искуства и наконецъ первые законы, которые были только временными условіями: рождаясь изъ минутной необходимости вмѣстѣ съ нею они исчезали.

Это была первая *философія* людей, немногія основанія коей были справедливы: ибо безпечность и неразвитость людей того времени предохраняли ихъ отъ ошибокъ.

Но съ развитіемъ народонаселенія развивались и его потребности.

Поэтому явилась надобность въ болѣе сильныхъ впечатлѣніяхъ, получившихъ возможность оторвать людей отъ неоднократныхъ возвращеній къ первобытному дикому состоянію, становившемуся все гибельнѣе и гибельнѣе.

При такихъ условіяхъ жизни великую пользу человѣчеству принесли первоначальныя религіозныя заблужденія, населившія землю ложными божествами (я говорю пользу въ госу-

дарственномъ отношеніи) и создавшія невидимый міръ духовъ для управленія нашимъ міромъ.

Тѣ отважные люди, которые рѣшились обманывать народъ и привлечь покорное невѣжество къ подножію алтарей, были благодѣтелями рода человѣческаго.

Представляя людямъ предметы, находящіеся за предѣлами чувствъ человѣческихъ, предметы бѣжавшіе отъ нихъ далѣе въ то самое мгновеніе, когда люди вѣровали въ возможность настигнуть ихъ, предметы никогда хорошо неизвѣстные, и потому никогда не презираемые, — эти руководители соединяли разъединенныя страсти и сосредоточили ихъ на одинъ предметъ, поглащавшій умственное напряженіе толпы.

Таковы были первоначальныя видоизмѣненія всѣхъ государствъ, образовавшихся изъ дикихъ народовъ. Это было время *(l'epoca)* образованія большихъ обществъ, необходимою и даже единственною связью коихъ были *религіозныя* убѣжденія.

Я не говорю объ этомъ Богомъ избранномъ народѣ, для котораго самыя необыкновенныя чудеса и самыя знаменательныя милости, замѣняли законы доступной людямъ государственной мудрости *(politica)*.

Но такъ какъ существенное свойство заблужденій,—дробиться до безконечности, то и науки, порожденныя ими, сдѣлали изъ людей толпу слѣпыхъ изувѣровъ, *(fanatica)*, которая бьется и производитъ въ замкнутыхъ, извилистыхъ, запутанныхъ ходахъ *(labirinto)* такого рода неустройства и непорядки, что нѣкоторыя чувствительныя и мудрыя души *(filosofiche)* начали даже сожалѣть о древнемъ дикомъ состояніи.

Вотъ первая *эпоха*, когда знанія, или, правильнѣе говоря, мнѣнія были вредны.

Вторая *эпоха*—это трудный и ужасный переходъ отъ заблужденій къ истинѣ, отъ неизвѣстной тьмы къ свѣту.

Страшная борьба заблужденій, полезныхъ немногимъ сильнымъ, съ истиною, благопріятствующею многимъ слабымъ, приближеніе и броженіе развивающихся при этомъ страстей, наносятъ неисчислимыя бѣдствія несчастному человѣчеству.

Вдумываясь въ исторію, мы замѣтимъ, что одинаковыя почти событія возобновляются по истеченіи извѣстнаго времени, и увидимъ, что не разъ цѣлыя поколѣнія приносятся въ жертву

для счастья слѣдующихъ за ними въ бурномъ, но необходимомъ переходѣ отъ тьмы невѣжества, отъ насилія *(tirannia)* къ необходимому его послѣдствію: свободѣ.

Но послѣ того, когда умы успокоились и погасъ пожаръ, очистившій государства отъ бѣдствій ихъ угнетавшихъ, послѣ того, когда истина, приближавшаяся сначала медленно, а потомъ, ускоряя свои шаги,—возсѣла на престолы вмѣстѣ съ Монархами, и заслужила уваженіе и *почетъ въ парламентахъ*, кто можетъ утверждать, что свѣтъ, просвѣщающій толпу, вреднѣе тьмы, и что истинныя и простыя отношенія вещей хорошо извѣстныя людямъ, для нихъ гибильны.

Слѣпое невѣжество менѣе гибельно, чѣмъ посредственное и сбивчивое знаніе, потому что оно только прибавляетъ къ злу, порождаемому невѣжествомъ еще зло, истекающее отъ заблужденій, необходимыхъ въ человѣкѣ ограниченныхъ понятій и притомъ выходящихъ изъ предѣловъ истины, и потому просвѣщенный человѣкъ есть самый драгоцѣнной даръ, который Государь можетъ сдѣлать государству и самому себѣ, сдѣлавъ его хранителемъ и стражемъ святыхъ законовъ.

Привыкши видѣть истину, а не бояться ее, стоя выше общаго стремленія къ почоту, никогда вполнѣ неудовлетворяемому, и соблазняющему добродѣтель большей части людей, привыкши обозрѣвать человѣчество съ самыхъ высшихъ точекъ зрѣнія, онъ смотритъ на свое отечество какъ на семейство, на согражданъ, какъ на братьевъ, и разстояніе между великими и малыми сего міра ему кажется тѣмъ менѣе, чѣмъ болѣе толпа людей, обнимаемая однимъ его взоромъ.

Мудрые люди *(i filosofi)* имѣютъ потребности и выгоды недоступныя обыкновеннымъ людямъ и главная изъ нихъ это потребность не измѣнять открыто началамъ, провозглашавшимся ими въ тѣсномъ кругу своихъ знакомыхъ; они кромѣ того пріобрѣтаютъ привычку любить истину только для истины.

Выборъ подобныхъ людей составляетъ счастье государства, но это счастье будетъ мгновенное, если хорошіе законы не увеличатъ на столько число такихъ людей, что наконецъ уменьшится всегда сильная вѣроятность дурного выбора.

Одно изъ средствъ предупреждать преступленія состоитъ въ томъ, чтобы исполнителямъ закона показать всѣ выгоды охра-

ненія ихъ, а не искаженія. Чѣмъ бо̀льшее число лицъ входитъ въ составъ этихъ исполнителей, тѣмъ менѣе можно опасаться насилія надъ законами, потому что продажность затрудняется между членами, наблюдающими другъ за другомъ, и получающими тѣмъ менѣе выгодъ отъ усиленія своей власти, чѣмъ менѣе часть, которая причлась бы каждому, въ особенности въ сравненіи съ опасностью предпріятія.

Если Государь придаетъ судьямъ слишкомъ много великолѣпія и торжественности и будетъ терпѣть чрезмѣрную строгость ихъ постановленій, не допуская справедливыхъ и несправедливыхъ жалобъ со стороны того, кто считаетъ себя притѣсненнымъ, то пріучитъ подданныхъ бояться судей болѣе, чѣмъ законовъ: судьи отъ этого выиграютъ, но личная и общественная безопасность пострадаютъ.

247. Еще можно предупредить преступленіе награжденіемъ добродѣтели.

Къ средствамъ предупрежденія преступленій относится также и награжденіе добродѣтели.

Современные законы всѣхъ государствъ сохраняютъ по этому предмету совершенное молчаніе. Если награды *(premi)* предлагаемыя академіями лицамъ, открывающимъ полезныя истины, увеличили и знанія и хорошія книги, почему же награды, раздаваемыя щедрою рукою Государя, не увеличили бы также и числа добродѣтельныхъ дѣйствій.

Почетныя награды всегда неистощимы и благотворительны въ рукахъ мудраго распорядителя.

248. Наконецъ самое надежное, но и самое труднѣйшее средство сдѣлать людей лучшими есть приведеніе въ совершенство воспитанія.

Наконецъ самое вѣрное, но самое трудное средство предупреждать преступленіе—это усовершенствовать воспитаніе, предметъ слишкомъ обширный и выходящій за предѣлы настоящей работы.

Предметъ, смѣю сказать, имѣющій такую тѣсную внутреннюю связь съ образомъ правленія,—что онъ долженъ оставаться безплодною степью, до самыхъ отдаленныхъ вѣковъ общественнаго счастья, и можетъ быть только разработываемъ изрѣдка немногими учеными.

Великій человѣкъ, просвѣщающій человѣчество его преслѣ-

дующее (Ж. Ж. Руссо), показалъ въ подробностяхъ основныя начала воспитанія, дѣйствительно полезнаго для людей; т. е. не нужно гнаться за безплоднымъ множествомъ предметовъ, но дѣлать точный ихъ выборъ; замѣнить списки подлинниками въ явленіяхъ естественныхъ и нравственныхъ, на которыя наводятъ молодые умы или случай или ловкость; силою чувствъ возбуждать ихъ къ добродѣтели; удалять ихъ отъ зла убѣжденіемъ въ непреложности необходимаго и неудобныхъ послѣдствій дурныхъ поступковъ,—а не неопредѣленностью приказанія, которая достигаетъ только притворнаго и временнаго послушанія.

§ XLII.

Заключеніе.

Наказъ Екатерины.

200. Чтобы наказаніе не казалося насильствомъ одного или многихъ противу гражданина воставшихъ, надлежитъ чтобъ оно было народное, по надлежащему скорое, потребное для общества, умѣренное, сколь можно, при данныхъ обстоятельствахъ, уравненное съ преступленіемъ, и точно показанное въ законахъ.

Изъ всего, что мы до сихъ поръ видѣли можно извлечь общее правило чрезвычайно полезное, но мало согласное съ обычаемъ—этимъ обыкновеннымъ государственнымъ законодателемъ: для того, чтобы наказаніе не было насиліемъ одного или нѣсколькихъ лицъ противъ отдѣльнаго гражданина, оно должно быть въ высшей степени гласно, быстро, неминуемо, наименьшее изъ возможныхъ въ данномъ случаѣ, соразмѣрное преступленію и предустановленное въ законахъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ, ОБЪЯСНЕНІЯ И ЗАМѢЧАНІЯ.

1.

Отрывки изъ переписки Беккаріи съ Морелletомъ.

Первый переводъ книги Беккарія о преступленіяхъ и наказаніяхъ, сдѣланный Морелletомъ въ 1766 году, посланъ имъ автору при письмѣ, въ которомъ между прочимъ говорится:

«Мальзербъ посовѣтовалъ мнѣ перевести ваше сочиненіе; я съ радостью взялся за эту работу съ цѣлью передать на родномъ языкѣ возвышенныя и сильныя мысли, равно какъ и благородныя чувства, коими оно преисполнено. Мнѣ казалось, что и я такимъ образомъ принимаю участіе въ благодѣяніяхъ, оказываемыхъ вами человѣчеству и что и я заслужу хотя часть той благодарности, которую чувствительныя сердца питаютъ къ людямъ, заботящимся о благосостояніи всего человѣчества.

Ровно недѣлю, какъ вышелъ мой переводъ, но я не писалъ вамъ раньше, считая нужнымъ выждать, чтобъ въ одно и то же время сообщить вамъ и впечатлѣніе, имъ произведенное.

Смѣю увѣрить васъ, что успѣхъ вашей книги всеобщій, и что, кромѣ значенія, ею пріобрѣтеннаго, авторъ ея внушаетъ всѣмъ чувства еще болѣе лестныя, а именно уваженіе, благодарность, участіе и дружбу.

Дидеротъ, Гельвеціусъ и Бюффонъ поручили мнѣ передать вамъ ихъ искреннюю благодарность и привѣтствіе. Мы съ Дидеротомъ много разсуждали объ этомъ сочиненіи, способномъ воспламенить и менѣе горячую голову, чѣмъ его; я сообщу вамъ нѣкоторыя замѣчанія, возникшія изъ этихъ разговоровъ.

Бюффонъ въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ превозноситъ книгу и поручаетъ мнѣ передать вамъ свое поздравленіе. Я далъ также эту книгу Руссо, находящемуся въ настоящую минуту въ Парижѣ.

Не могу вамъ сказать его отзыва, такъ какъ послѣ того я его не видѣлъ, но сегодня вѣроятно узнаю его мнѣніе отъ Юма, съ которымъ мы обѣдаемъ вмѣстѣ; впрочемъ, я впередъ угадываю какое впечатлѣніе должно произвести на него это сочиненіе.—Юмъ, который живетъ теперь съ нами, поручилъ мнѣ также передать вамъ его искреннее привѣтствіе.—

Ко всѣмъ этимъ поздравленіямъ извѣстныхъ вамъ лицъ—прибавлю еще одно—отъ имени человѣка въ высшей степени почтеннаго, собирающаго всѣхъ вокругъ себя—барона Гольбаха, автора многихъ превосходныхъ сочиненій по химіи и естественной исторіи, глубокаго философа, просвѣщеннаго судьи по всѣмъ отраслямъ знанія. Не нахожу словъ, чтобъ выразить, какое впечатлѣніе произвела на него ваша книга и какъ онъ уважаетъ и сочиненіе и автора.

Не говорю о д'Аламбертѣ, который самъ хочетъ вамъ писать; онъ скажетъ также доволенъ ли онъ моимъ переводомъ.

Не скрою, что желая пріобрѣсть вашу дружбу, я надѣялся, что вы простите мнѣ смѣлость, съ коей я перемѣнилъ расположеніе нѣкоторыхъ частей сочиненія. Въ моемъ предисловіи я объяснилъ общія причины, оправдывающія меня, но я долженъ объяснить ихъ нѣсколько подробнѣе.

Для ума философа ничего нѣтъ легче, какъ вникнуть въ суть вашего сочиненія, подробности котораго находятся въ тѣсной связи другъ съ другомъ и истекаютъ всѣ изъ одного начала; но для обыкновенныхъ, менѣе образованныхъ читателей, въ особенности для французовъ, нужно думать, что я нашелъ болѣе правильный пріемъ и главное наиболѣе подходящій къ духу народа и къ успѣхамъ нашей книжной торговли.

Я боюсь заслужить упрекъ въ томъ, что перемѣною этого порядка я ослабилъ силу и уменьшилъ жаръ оригинала.

На это скажу: я знаю, что истина требуетъ краснорѣчія и чувства: было бы безразсудно думать иначе, и съ вами въ особенности было бы безрасудно поддерживать подобное иносказаніе.

Но если не надобно жертвовать жаромъ слога для порядка, то я полагаю, что не надо также жертвовать вторымъ для перваго: и все пойдетъ лучше, если будетъ возможно согласовать эти условія.

Остается разсмотрѣть могъ ли я это сдѣлать; если переводъ мой имѣетъ менѣе жару, чѣмъ оригиналъ, то этотъ недостатокъ надо приписать другимъ причинамъ, а не различію порядка изложенія; причиною этого будетъ или несовершенство слога переводчика, *или самая природа всякаго перевода, стоящаго всегда ниже оригинала,* въ особенности, когда дѣло идетъ о чувствахъ.

Я не могу скрыть еще другое сдѣланное мнѣ возраженіе. Мнѣ ска-

зали, что авторъ долженъ быть оскорбленъ, когда въ его сочиненіи дѣлаютъ перемѣны, хотя бы и полезныя; но *я* не думаю, чтобъ *вы* это думали.

Геній, написавшій превосходное сочиненіе, которымъ всѣ восхищаются, наполненное новыми и рѣзкими мыслями, долженъ быть въ состояніи хладнокровно перенесть, если ему скажутъ, что книга его не имѣетъ надлежащаго порядка; онъ можетъ идти дальше и согласиться съ перемѣнами, сдѣланными въ его сочиненіи, если онѣ полезны и вызваны основательными причинами: я жду отъ васъ этого мужества. Отбросьте тѣ изъ перемѣнъ, сдѣланныхъ мною, которыя вамъ покажутся дурно понятыми, сохраните тѣ, которыя найдете хорошими и повѣрьте, что этимъ только увеличите свою славу.

Наконецъ скажу, что многія важныя личности одобрили мою смѣлость. Д'Аламбертъ позволяетъ мнѣ сказать вамъ, что это и его мнѣніе; того же мнѣнія держится и Юмъ, съ большимъ вниманіемъ читавшій оригиналъ и переводъ, и много другихъ образованныхъ людей.

Жадность съ которою публика бросилась на вашу книгу, заставляетъ насъ думать, что первое наше изданіе скоро будетъ исчерпано и что не позже мѣсяца придется сдѣлать другое; если въ моемъ изложеніи раздѣлены мысли, долженствовавшія быть связанными, или сдѣланы сопоставленія, измѣняющія смыслъ, то прошу удостоить мени вашими замѣчаніями по этому предмету, и я въ новомъ изданіи безпрекословно подчинюсь вашимъ взглядамъ».

На это письмо Мореллета Беккарія между прочимъ отвѣчалъ: «я надѣюсь, что выходящее на дняхъ въ свѣтъ пятое изданіе моей книги скоро разойдется и смѣю увѣрить васъ, что въ шестомъ изданіи я во всемъ или *почти во всемъ* прійму порядокъ вашего перевода, разъясняющаго гораздо болѣе истины, которыя я старался собрать. Я говорю *почти во всемъ:* ибо, прочитавъ одинъ только разъ и то бѣгло вашъ переводъ, не могу судить о подробностяхъ онаго съ тою увѣренностью, которую я получилъ о важности принятаго вами общаго порядка всей книги».

2.

Объясненіе ссылки Беккаріи на образы Макіявеля, Джіаноне, Галилея.

1) Макіявель родился во Флоренціи въ 1469 году; умеръ въ 1527году 58-ми лѣтъ; былъ 14 лѣтъ секретаремъ флорентинской республики; извѣстенъ по своему сочиненію *il principe (Монархъ)*. Пользуясь въ своемъ отечествѣ огромнымъ значеніемъ, онъ былъ заподозренъ въ заговорѣ въ пользу одного изъ Медичисовъ, посаженъ въ темницу и подвергнутъ пыткѣ. Въ послѣдствіи опять получилъ общественное назначеніе, но подъ конецъ жизни долженъ былъ оставить занятія государственными дѣлами.

2) Джіаноне родился въ 1676-мъ году; издалъ въ 1723 г. исторію Неаполитанскаго Королевства, примѣчательное сочиненіе по ученымъ своимъ изслѣдованіямъ, но онъ позволилъ себѣ сдѣлать въ немъ нѣсколько рѣзкихъ выходокъ противъ свѣтской власти Папы; эти выходки не прошли ему даромъ: сочиненіе его поставлено было въ *Index librorum prohibitorum*, и авторъ, отлученный отъ церкви, долженъ былъ бѣжать за границу. Обманутый однимъ изъ своихъ ложныхъ друзей, онъ возвратился въ Савойю, гдѣ въ 1736 г. былъ задержанъ по приказу Сардинскаго Короля, заключенъ въ Туринѣ въ темницу, гдѣ пострадалъ 12 лѣтъ и умеръ въ ней въ 1748 году 72-хъ лѣтъ.

3) Галилей. Исторія Галилея всѣмъ извѣстна. Онъ родился въ Пизѣ въ 1564-мъ году, получилъ страсть къ математическимъ наукамъ и 24-хъ лѣтъ назначенъ профессоромъ математики въ Пизѣ. Его понятія о системѣ устройства вселенной расходились въ то время съ общепринятыми, и потому онъ долженъ былъ оставить каѳедру, но впослѣдствіи получилъ это мѣсто въ Падуѣ, гдѣ занимался 20 лѣтъ и по просьбѣ Великаго Герцога Тосканскаго переѣхалъ во Флоренцію. Тамъ онъ написалъ свое знаменитое сочиненіе, гдѣ, слѣдуя системѣ Коперника, онъ доказывалъ недвижность солнца и движеніе вокругъ него земли.

За это сочиненіе его привлекли къ суду инквизиціи въ 1633 году.

Его обвиняли въ томъ, что онъ неправильно толковалъ Библію только для того, чтобъ согласовать ее съ системою Коперника; чтобы избѣжать страшнаго наказанія, 70-ти-лѣтній Галилей долженъ былъ отказаться публично, и притомъ на колѣняхъ, отъ своего ученія. Говорятъ, что когда онъ всталъ на ноги, то произнесъ въ полголоса эти

знаменитыя итальянскія слова: *e pur si muove (и все же она движется)*. Конецъ его жизни покрытъ мракомъ неизвѣстности; одни увѣряютъ, что онъ умеръ въ темницахъ инквизиціи; другіе утверждаютъ, что ему позволили жить въ окрестностяхъ Флоренціи, гдѣ онъ умеръ спокойно, продолжая свои занятія.

3.

Замѣтка по поводу ссылки Городисскаго на указы 13 ноября 1767 и 8 ноября 1774 года.

А. Городисскій, въ своей статьѣ о Беккаріи (журналъ Министерства Юстиціи сентября 1864 года стр. 464), говоритъ: будто указами 13 ноября 1767 г. и 8 ноября 1774 года предписано было руководствоваться въ изысканіи доказательствъ именно X-ою главою наказа. Если бы эти указы дѣйствительно существовали, то это было бы очень важно, но признаюсь, что я ни того, ни другого указа въ нашемъ полномъ собраніи законовъ не нашелъ, хотя искалъ ихъ и въ послѣдовательныхъ томахъ собранія и въ особыхъ къ нему дополнительныхъ томахъ. Считаю необходимымъ сдѣлать эту замѣтку для облегченія розысканія этихъ указовъ.

4.

Первыя десять строкъ введенія Беккаріи въ переводахъ *Мореллета, Фаустенъ-Эли и Соболева.*

Для образца отношеній разныхъ переводовъ къ подлиннику, я изложу здѣсь первыя строки введенія *Беккаріи* въ переводахъ *Мореллета, Фаустенъ-Эли и Соболева*; первый изъ нихъ переставилъ произвольно періоды въ рѣчи Беккаріи; второй безусловно покорился его перестановкѣ, а послѣдній старался перевести автора буквально.

1) Переводъ Морелле́та.

Между людьми, соединенными въ общество, происходитъ постоянное усилiе отдавать одной части общества все могущество и все счастье, а другой—всю нищету и всю слабость.

Дѣйствiе хорошихъ законовъ состоитъ въ томъ, чтобы постоянно противодѣйствовать этому усилiю. Но люди оставляютъ обыкновенно заботы объ устройствѣ самыхъ важныхъ предметовъ осторожности минуты или усмотрѣнiю тѣхъ именно людей, интересы коихъ направлены къ тому, чтобы отбросить лучшiе законы.

2) Переводъ Фаустенъ-Эли.

Удобства общественной жизни должны равномѣрно распредѣляться между всѣми его членами.

Однако же между людьми, соединенными въ общество, замѣчается постоянное стремленiе соединять въ наименьшемъ числѣ людей привиллегiи, могущество и счастье, для того, чтобы за множествомъ людей не оставалось ничего, кромѣ нищеты и слабости.

Только хорошiе законы могутъ остановить эти усилiя.

Но люди обыкновенно предоставляютъ временнымъ законамъ и благоразумiю минуты заботы о приведенiи въ порядокъ самыхъ важныхъ дѣлъ, или же довѣряютъ ихъ усмотрѣнiю тѣхъ именно лицъ, которыхъ выгоды состоятъ въ противоборствѣ съ лучшими учрежденiями и съ мудрѣйшими законами (*).

3) Переводъ Соболева.

Самыя важнѣйшiя законоположенiя люди, по большей части, поручаютъ обыденному разсудку или покидаютъ ихъ на произволъ такихъ лицъ, интересъ которыхъ заключается въ томъ, чтобы противиться

(*) *Примѣчанiе переводчика.* Я потому только привожу эти оригиналы въ переводахъ, что здѣсь важны не слова, а перiоды; я хотѣлъ обратить вниманiе читающаго на разницу между переводами на французскiй и русскiй языки, и показать, что русскiй языкъ, въ оборотахъ рѣчи, ближе подходитъ къ итальянскому языку, чѣмъ французскiй. Это чисто филологическое замѣчанiе.

хорошимъ законамъ, такъ какъ эти законы, по натурѣ своей, создаваемыя ими выгоды дѣлаютъ общими и противодѣйствуютъ тому усилію, съ которымъ упомянутыя лица стремятся сосредоточить всю массу могущества и счастья въ одной небольшой части общества, а всю слабость и всѣ бѣдствія—въ остальной его части.

Переводъ этихъ десяти строкъ оригинала на французскій языкъ очень затруднялъ философовъ прошедшаго столѣтія. *Морелле*тъ разсказываетъ, что когда онъ однажды, вмѣстѣ съ Тюрго, д'Аламбертомъ и другими писателями того времени, обѣдалъ у Мальзерба, то послѣдній, только что получившій эту книгу изъ Италіи, замѣтилъ ему, что первыя десять строкъ трактата очень трудно передать на французскій языкъ, и сказалъ ему: «попробуйте это сдѣлать». *Морелле*тъ взялся за это, пошелъ въ библіотеку Мальзерба, и вынесъ свой переводъ, которымъ всѣ остались довольны. *Морелле*тъ прибавляетъ, что этотъ переводъ принятъ всѣми и до настоящаго времени, т. е. до 1766 г.; я не могу не прибавить, что онъ былъ въ этомъ случаѣ пророкомъ, ибо даже знаменитый *Фаустенъ-Эли* въ своемъ переводѣ Беккаріи строго придерживается переводу *Морелле*та.

5.

Общіе выводы Городисскаго о вліяніи Беккаріи и Монтескье на наше уголовное судопроизводство.

Современные мыслители должны съ особеннымъ вниманіемъ изучить наказъ (30 іюля 1867 г.), и притомъ въ связи съ сочиненіями Беккаріи и Монтескье, такъ какъ многое въ наказѣ высказано отрывочно не полно, иногда даже не ясно и получаетъ свое значеніе при сличеніи съ подлинникомъ.

Сочиненія Беккаріи и Монтескье можно считать источниками нашего уголовнаго права.

Почти 100 лѣтъ передъ симъ, смѣлый умъ Императрицы усвоилъ ихъ Россіи и показалъ примѣръ, достойный самаго ревностнаго подражанія для поколѣнія нынѣ живущаго.

Не смотря на нѣкоторую механичность и поверхностность заимствованій Екатерины II изъ Беккаріи и Монтескье, можно положительно сказать, что въ первое время законодательница искренно проникнута была духомъ этихъ твореній и надѣялась усвоить его Россіи,—для

осуществленія чего она созвала депутатовъ отъ всѣхъ сословій всей имперіи: намѣреніе не осуществилось, новое уложеніе не было составлено—и большая часть высокихъ драгоцѣнныхъ мыслей, высказанныхъ въ наказѣ, осталась мертвой буквой.

Въ послѣдствіи времени, въ учрежденіи о губерніяхъ, Императрица объявила, что война турецкая главнымъ образомъ помѣшала привести къ окончанію планъ составленія уложенія. Эта причина неуспѣха есть только видимая; дѣйствительная же заключается въ умственномъ, нравственномъ и общественномъ состояніи русскаго народа и общества. Это было состояніе позолоченой грубости и неразвитія, то состояніе, которое было болѣе благопріятно чрезмѣрному развитію крѣпостнаго права, чѣмъ осуществленію мыслей Беккаріи и Монтескье—рѣшительно несовмѣстныхъ съ такимъ состояніемъ народа.

И не въ одной Россіи подобная же участь постигла ученіе Беккаріи. Послѣ изданія его трактата о преступленіяхъ и наказаніяхъ, Фридрихъ II, при содѣйствіи канцлера Кокцея, составилъ для Пруссіи новый уголовный кодексъ съ значительнымъ смягченіемъ наказаній; Іосифъ II отмѣнилъ пытки, вычеркнулъ изъ ряда наказаній мнимыя религіозныя и нравственныя преступленія, чрезвычайно смягчилъ наказанія за дѣйствительныя религіозныя и политическія преступленія, уменьшилъ число смертныхъ казней; въ Тосканѣ герцогъ Леопольдъ отмѣнилъ вовсе смертную казнь и столько же, если не больше, смягчилъ наказанія за выше упомянутыя преступленія; во Франціи во время революціи сдѣланы были перемѣны въ томъ же духѣ. И чтоже? Не прошло и 10 лѣтъ, какъ прежній порядокъ, съ незначительными исключеніями, возвратился во всѣхъ этихъ странахъ.

Достаточно сказать, что въ Пруссіи, еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, существовало четвертованіе снизу вверхъ и сверху внизъ; что во Франціи только послѣ 1830 г. отмѣнены клейменія, отсѣченія пальца, гражданская и политическая смерть, далеко превосходящая въ жестокости наше лишеніе всѣхъ правъ состоянія; что даже въ наше время въ Европѣ, вообще говоря, наказанія далеки отъ той мягкости и умѣренности, которой желалъ Беккарія, а юстиція еще страдаетъ многими изъ тѣхъ недостатковъ, противъ которыхъ онъ возставалъ.

Прибавлю: но времена измѣнились; указъ 17 апрѣля 1863 года объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній и уложеніе о наказаніяхъ 1866 года, вотъ два памятника, доказывающіе, что ученіе Беккаріи и наказъ 1767 года не прошли безслѣдно въ русской жизни.

6.

Къ § VII объ уликахъ и обрядѣ суда.

Мы видимъ, что весь § VII, за исключеніемъ двухъ заключительныхъ строчекъ, вошелъ почти буквально какъ въ наказъ 1767 года, такъ и въ сводъ законовъ изданія 1876 года: слѣдовательно мы должны признать безусловно доказаннымъ, что главнымъ — кореннымъ источникомъ нашего законодательства по сему предмету является этотъ § VII книги Беккарія. Отсюда ясно, что наше законодательство никогда не признавало *формальной теоріи доказательствъ*.

Вообще мнѣніе, будто бы наши законы уголовнаго судопроизводства, сохранившіеся въ сводѣ 1857 г., и вошедшіе даже въ сводъ 1876 года, основаны *на формальной теоріи доказательствъ*, среди коихъ оставленіе въ подозрѣніи должно быть выводимо по ариѳметическому разсчету совершенныхъ и несовершенныхъ доказательствъ, есть только плодъ неправильнаго толкованія уголовныхъ законовъ стряпчими прежняго времени; толкованія, совершенно несогласнаго съ точнымъ разумомъ нашихъ *старыхъ* законовъ, основанныхъ на ученіи Беккаріи, и поставившихъ *убѣжденіе суда*, стремящагося къ достиженію истины, основнымъ звеномъ отправленія правосудія.

Главныя начала нашихъ узаконеній о силѣ доказательствъ и уликъ по своду 1857 г. (т. XV кн. 2 гл.), неправильно толкуемыхъ юристами, убѣжденными въ существованіи *формальной теоріи доказательствъ* въ нашихъ старыхъ законахъ уголовнаго судопроизводства, состоятъ въ слѣдующемъ:

Доказательства виновности почитаются совершенными, когда они исключаютъ *всякую возможность* къ показанію невинности подсудимаго (ст. 205); несовершенными, когда они не исключаютъ *возможности* къ показанію его невинности (ст. 307); нѣсколько несовершенныхъ доказательствъ, совокупно взятыхъ, *могутъ составить* совершенное доказательство, когда они *исключаютъ возможность* недоумѣвать о винѣ подсудимаго (ст. 308); чѣмъ болѣе тяжко обвиненіе, тѣмъ сильнѣе должны быть и доказательства (310); лучше освободить отъ наказанія десять виновныхъ, нежели приговорить невиннаго (311). Признаніе подсудимаго считается совершеннымъ доказательствомъ въ такомъ только случаѣ, когда оно не только учинено *добровольно* въ судебномъ мѣстѣ предъ судьею, но и когда оно, будучи совершенно сходно съ происшедшимъ дѣйствіемъ, связано съ

такими обстоятельствами, по которымъ *о достовѣрности и истинѣ дѣйствія сомнѣваться невозможно* (ст. 317). Судья *не можетъ опасаться учинить по дѣлу приговоръ*, если признаніе *найдено будетъ во всемъ сообразнымъ* предшедшимъ правиламъ (318), хотя бы не было собственнаго признанія, но обвиненіе можетъ быть основано и на другихъ ясныхъ доказательствахъ (ст. 319), и потому *не слѣдуетъ домогаться признанія*, какъ единственнаго способа къ обвиненію. Свидѣтельство двухъ *достовѣрныхъ свидѣтелей*, совершенно согласныхъ въ своихъ показаніяхъ, составляетъ совершенное доказательство, если противъ онаго *не будетъ представлено достаточныхъ опроверженій* (ст. 329).

Всѣ эти начала, совокупно взятыя и разсматриваемыя съ надлежащей точки зрѣнія, показываютъ, что *не только настоящіе, но и прежніе наши законы* предоставляютъ рѣшеніе дѣла не какому либо ариѳметическому разсчету, а *убѣжденію* судей, стремящихся къ достиженію справедливости, на основаніи *ясныхъ доказательствъ, достовѣрныхъ свидѣтелей и несомнѣнныхъ истинъ*.

Повторю еще разъ: если коренной источникъ нашего уголовнаго законодательства есть книга Беккаріи, то можно ли спрашивать существуетъ ли у насъ по своду 1876 года *формальная теорія доказательствъ*?

На этотъ вопросъ я могу отвѣчать только отрицательно. Доказывать этого не слѣдуетъ: такого рода усилія—это только напрасная трата времени.

7.

Къ § VIII объ уликахъ. Замѣчаніе Городисскаго по поводу статьи 180 наказа.

Въ 180 ст. наказа, взятой изъ VII § Беккаріи, сказано: «ради того сей законъ весьма полезенъ для общества, гдѣ онъ установленъ, который предписываетъ всякого человѣка судити чрезъ равныхъ ему; ибо когда дѣло идетъ о жребіи гражданина, то должно наложить молчаніе всѣмъ умствованіямъ, вперяемымъ намъ отъ различія чиновъ и богатства или счастья; имъ не надо имѣть мѣсто между судьями и обвиняемымъ».

Позже Екатерина II приложила это правило къ дѣлу. По учрежденію о губерніяхъ 1775 г. 7 ноября каждое сословіе въ Россіи получило свой гражданскій и уголовный судъ: дворянство—уѣздный, нижне земскій (1-я инстанція) и верхне-земскій (2-я инстанція) суды; купечество и все городское сословіе—городовой (1-я инст.) и губернскій (2-я инстанція) магистраты, однодворцы и все сельское населеніе — нижнюю (1-я инстанція) и верхнюю (2-я инстанція) расправы. Кромѣ того каждое изъ сихъ сословій выбирало по два засѣдателя въ совѣстный судъ (см. уч. о губ. 1775 г. 7 ноября гл. XV, XVII, XX, XXII, XIV и XXVI). Сословность суда сохраняется до сихъ поръ въ Россіи, хотя въ нѣсколько измѣненномъ видѣ.

Мысль Беккаріи, чтобы каждый судился себѣ равными, имѣла въ свое время глубокій смыслъ: она была направлена противъ неправосудія судей изъ высшихъ сословій и во время наибольшаго преобладанія на западѣ дворянства и духовенства служила единственнымъ выходомъ къ лучшему.

Наша законодательница, заимствуя изъ запада это правило, думала улучшить отправленіе правосудія. На дѣлѣ надежды ея не оправдались: въ Россіи въ судахъ всегда господствовали съ одной стороны дворянство, съ другой, и въ сильнѣйшей степени, чиновничество; оба они парализировали самостоятельность крестьянскаго элемента въ уѣздныхъ судахъ, а чиновничество получило преобладающее вліяніе въ магистратахъ. Причина этого, конечно, лежитъ въ низкомъ уровнѣ образованія сельскаго и городскаго сословій. На западѣ сословія потеряли прежнюю рѣзкость и свое прежнее исключительное значеніе: вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла, за немногими исключеніями, и сословность судовъ.

Предстоящая реформа обѣщаетъ и Россіи эту перемѣну, настоятельно необходимую по духу времени.

Къ этому замѣчанію Городисскаго, сдѣланному въ 1864-мъ году, необходимо прибавить, что это обѣщаніе исполнено: судебные уставы въ томъ же году ввели въ Россіи судъ присяжныхъ.

8.

Замѣчанія Городисскаго къ § X по поводу статьи 191 наказа.

Авторитетъ Беккаріи, къ сожалѣнію, послужилъ поддержкою обычая,—вмѣнять обвиняемому въ вину упорство въ отвѣтахъ (*Beccaria*, § X, ст. нак. 191).

Ст. 183 уг. суд. говоритъ: «Если обвиняемый, по упрямству, не будетъ давать совсѣмъ никакихъ отвѣтовъ на вопросы, отъ суда ему предлагаемые, то, не домогаясь признанія, изыскивать другія доказательства и потомъ, при сужденіи о преступленіи, прилагать къ винѣ его и упорство въ отвѣтахъ».

Этотъ законъ въ практикѣ подаетъ поводъ къ многимъ злоупотребленіямъ: не говоря уже о несправедливости опредѣляемыхъ судомъ наказаній за то, что человѣкъ, по врожденному чувству, не хочетъ обвинять самъ себя, слѣдователи, подъ угломъ зрѣнія этого закона, стараются посредствомъ насилія заставить обвиняемыхъ дѣлать противъ себя показанія, какъ обязанныхъ къ этому.

Правда, Беккарія говоритъ, что признаніе обвиняемаго не необходимо, когда обвиняемый уличенъ достаточными доказательствами, и что нѣтъ нужды и въ особенномъ наказаніи за упорство когда преступленіе доказано. Но на практикѣ бо́льшею частію бываетъ такъ, что слѣдователь, считая обвиняемаго обязаннымъ говорить противъ себя, не заботится о собраніи вообще доказательствъ, а устремляетъ свое вниманіе на то, чтобы добыть признаніе.

Такимъ образомъ, законъ *о вмѣненіи молчанія обвиняемаго въ вину*, будучи самъ по себѣ несправедливъ, производитъ, кромѣ того, дурное дѣйствіе въ цѣломъ ходѣ судопроизводства. Проницательный и правдивый по другимъ вопросамъ уголовнаго права, *Беккарія* по вышеизложенному предмету поддался предразсудкамъ своего времени *и впалъ въ ошибку*. Впрочемъ, это едвали не единственный слабый у него пунктъ, подлежащій строгой критикѣ.

Прибавлю къ этому замѣчанію *Городисскаго*, что уставъ уголовнаго судопроизводства 1864 года исправилъ эту ошибку Беккаріи. Въ статьѣ 685-й этого устава сказано: «Молчаніе подсудимаго не должно быть принимаемо за признаніе имъ своей вины».

9.

Къ § XI о присягѣ; замѣтка переводчика объ очистительной присягѣ и объ оставленіи въ подозрѣніи.

Глава Беккаріи о присягѣ не введена въ наказъ Екатерины II: поэтому очистительная присяга въ дѣлахъ уголовныхъ осталась въ сводахъ 1832 г. и 1857 года, и хотя она отмѣнена судебными уставами 1864 г., но удержалась даже въ изданіи свода законовъ 1876 года (XV т. св. зак. уг. суд. ст. 348, 379—383).

Ученіе Беккаріи принято вполнѣ въ судебныхъ уставахъ 1864 г.

Изслѣдованіе по вопросу о присягѣ изложено подробно въ изданіи судебныхъ уставовъ 1864 г. съ изложеніемъ разсужденій, на коихъ они основаны (ч. I стр. 244—250).

Нельзя не сожалѣть о томъ, что *очистительная присяга*,—этотъ очевидный недостатокъ нашего древняго законодательства, отмѣненный въ 1864-мъ году, до сихъ поръ еще сохранился въ изданіи свода законовъ 1876-го года. Въ сущности не слѣдовало бы въ нынѣшнихъ законахъ оставлять это пятно, которымъ омрачено было наше уголовное законодательство минувшаго времени; всѣмъ извѣстно, что такія обрядности нынче уже не могутъ приводиться въ исполненіе; между тѣмъ, оставленіе ихъ въ сводѣ законовъ можетъ сбивать съ толку современныхъ судей и возбуждать между ними неподлежащія разногласія. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о законѣ, предоставляющемъ *старымъ* русскимъ судебнымъ мѣстамъ оставлять обвиняемыхъ въ *подозрѣніи;* о томъ законѣ, который, въ связи съ *очистительною присягою*, и до сихъ поръ еще оставался въ сводѣ 1876 г., явно противорѣчитъ всѣмъ основнымъ началамъ нашего законодательства о силѣ доказательствъ и уликъ, и потому напрасно отягчаетъ участь людей безъ вины виноватыхъ (см. прил. 6 и 10).

Скажутъ: за чѣмъ улучшать наши старые законы уголовнаго судопроизводства, когда мы находимся *наканунѣ* закрытія судебныхъ департаментовъ стараго сената и упраздненія всѣхъ вообще *старыхъ* судебныхъ учрежденій.

На это я отвѣчу: что по буквальному содержанію указа 19-го октября 1865 г. окончательнымъ срокомъ упраздненія старыхъ судебныхъ учрежденій былъ назначенъ опредѣленный день: 1 января 1870 года; но съ того времени прошло почти десятъ лѣтъ, т. е. истекаетъ уже срокъ земской давности.

Спрашивается: можемъ ли мы послѣ этого сказать теперь съ убѣжденіемъ, что находимся *наканунѣ* упраздненія *старыхъ* судебныхъ учрежденій, т. е. *наканунѣ* уничтоженія гнетущей насъ двойственности судебныхъ мѣстъ, и старыхъ и новыхъ, *наканунѣ* установленія столь долго ожидаемаго *единства* въ дѣйствіяхъ *новаго* суда, *единообразно* устроеннаго *на точномъ основаніи* судебныхъ уставовъ 1864 года?

Нѣтъ! лучше теперь же исправить эти немногія статьи нашихъ *старыхъ* уголовныхъ законовъ, которыя производятъ *ежедневно* такъ много *вредныхъ для* государства и *гибельныхъ для* частныхъ лицъ послѣдствій.

10.

Къ § XII о пыткѣ.

Выписка изъ устава 1716 года.

Полн. Собр. зак. Рос. Имп. 1716 г. марта 30 № 3006. Уставъ воинскій.

ГЛАВА V.

7. Токмо судьямъ не надлежитъ вскорѣ онаго къ *присягѣ* принуждать, но прежде всемѣрно трудитися чрезъ иные способы правду извѣдать, понеже сія *присяга презираема и осторожности достойна есть.*

9. Буде же отвѣтчикъ оной присяги учинить не можетъ, то правда, что за виннаго содержанъ будетъ. Но понеже къ свидѣтельствованію явные и довольные требуются доказы, того ради судьѣ надлежитъ въ смертныхъ дѣлахъ пристойнымъ наказаніемъ его наказать опасаться, но толь паче чрезвычайно наказать, понеже *лучше есть 10 виннымъ освободить, нежели одного невиннаго къ смерти приговорить.*

10. Ежели судья усмотритъ, что отвѣтчикъ преступленіе клятвы учинить намѣренъ, а совершеннаго основанія не имѣетъ оную *подозрительную* особу тѣмъ доказать, тогда пристойнѣе есть оное дѣло предать воли Божіей, и положитися въ томъ весьма на Бога, *пока впредь само объявится.* Но понеже во многихъ мѣстахъ, когда важныя происходятъ злодѣйства, и отвѣтчикъ *подозрѣніемъ или полудоказаніемъ* отягченъ есть, отставя *присягу* къ пыткѣ приводятъ, того ради за потребно изобрѣтаю объ оной здѣсь упомянуть.

ГЛАВА VI.

7. Буде же кто по довольному *подозрѣнію* пытанъ будетъ, и на пыткѣ въ своемъ злодѣйствѣ повинится, потомъ же въ судѣ паки отъ

своей сказки отречется, предлагая, что онъ отъ пытки въ томъ повиниться принужденъ былъ, тогда можетъ онъ паки пытанъ быть, понеже учиненное признаніе паки его въ новое приводитъ *подозрѣніе, и такимъ образомъ можетъ и въ третій разъ пытанъ быть;* а ежели *трижды пытку снесетъ*, и паки отречется, то уже онаго болѣе допрашивать не надлежитъ, но взявъ отъ него полное число порукъ, чтобъ ему всегда, когда потребенъ, въ судѣ явиться, также и *присягу*, что учиненное надъ нимъ истязаніе ни на комъ не отмщать, *освободить, токмо отъ злодѣйства весьма не уволить, понеже временемъ могутъ новыя явитися подозрѣнія, и тогда его паки къ пыткѣ привести надлежитъ.*—

Полн. Собр. зак. Рос. Имп. 1825 года октября 27. № 30563. *Сенатскій.*

Объ оставленіи, въ своей силѣ, указа 1775 г. апрѣля 28, повелѣвающаго не домогаться отъ подсудимыхъ сознанія, гдѣ есть достаточныя причины къ доказательству преступленій.—

.... буде же явныхъ и достаточныхъ уликъ и доказательствъ въ преступленіи не было и подсудимый сознанія въ ономъ не учинилъ: то въ такомъ случаѣ, смотря по степени доказательствъ, держаться смысла воинскихъ процессовъ, 2 части, 5 главы, 9, 10 и 11 главы 7 пунктовъ, т. е: буде бы при отрицательствѣ подсудимаго доказательства преступленія были слишкомъ слабы и недостаточны *то пристойнѣе есть оное дѣло предать волѣ Божіей и положиться въ томъ весьма на Бога, пока впредъ само объявится: понеже лучше есть 10 виновныхъ освободить, нежели одного невиновнаго къ смерти приговорить;* но еслибы, не смотря на отрицаніе подсудимаго, могли явиться могущія дать поводъ къ *подозрѣнію* въ учиненіи преступленія какія либо обстоятельства, впрочемъ недостаточныя однако же къ рѣшительному обвиненію; тогда, хотя и слѣдуетъ подсудимаго освободить, взявъ съ него полное число *порукъ, но отъ преступленія весьма не уволить; понеже временемъ могутъ новыя явиться подозрѣнія.*

Буквальное изложеніе этихъ важныхъ источниковъ нашего законодательства показываетъ, что ст. 348 т. XV ч. 2 зак. уг. суд. изд. 1876 г. *объ оставленіи подсудимыхъ въ подозрѣніи* вошла въ сводъ 1832 г. не вполнѣ согласно съ ея источниками, на точномъ основаніи коихъ *подозрѣніе* установлено не какъ *форма* уголовнаго приговора, а какъ *отсрочка постановленія приговора*, впредь до могущихъ открыться новыхъ противъ обвиняемаго уликъ въ періодъ теченія уголовной давности,—а въ статью 348 подозрѣніе вошло, уже не въ видѣ *отсрочки* постановленія приговора, а въ видѣ особой *формы* самаго

приговора. Выше замѣчено уже, что нашъ законъ *о подозрѣніи* вовсе не заимствованъ у Беккаріи, и вошелъ въ сводъ законовъ по ошибкѣ составителей свода 1832 года.

Впрочемъ, эти составители сдѣлали такъ много хорошаго, что духъ ихъ не смутится моимъ обвиненіемъ въ этой сравнительно къ общему дѣлу *неважной* ошибкѣ; но все же мы должны исправлять *даже и такія* ошибки (см. прил. 5 и 9).

11.

Къ § XVII объ отобраніи имуществъ.

Филанджіери доказывалъ необходимость конфискаціи, утверждая, что она можетъ удержать отъ преступленія человѣка, изъ любви къ его дѣтямъ.

Напротивъ, *Монтескье*, допуская пользу ея въ государствахъ деспотическихъ, прибавляетъ, что въ государствахъ ограниченныхъ это совсѣмъ другое дѣло: она пошатнула бы право собственности, разорила бы бѣдныхъ дѣтей и для того, чтобы наказать одного виновнаго разрушила бы цѣлое семейство.

Беккарія не первый сталъ возражать противъ этого ненавистнаго наказанія, которое римская Имперія передала новому свѣту,—говоритъ *Фаустенъ-Эли*, продолжая: мы читаемъ у *Jean Bodin:* если конфискаціи были всегда ненавистны во всѣхъ республикахъ, то они еще опаснѣе въ монархіяхъ, чѣмъ въ государствахъ демократическихъ или аристократическихъ, гдѣ клеветники не такъ скоро выслуживаются. Если мнѣ скажутъ, что этого нечего бояться въ монархіи, гдѣ царствуетъ хорошій Государь, то я отвѣчу, что право конфискаціи есть самое лучшее средство сдѣлать изъ него тирана.

De Broglie говоритъ: конфискація имѣетъ необходимымъ послѣдствіемъ возжигать алчность партій, и слѣдовательно *развращать* то, что само по себѣ и слишкомъ *развращено* и слишкомъ *развращаетъ* все другое: приводя не только обвиненнаго, но и семейство его въ нищету, она наказываетъ невиннаго вмѣсто виновнаго, приводитъ безъ всякой надобности его въ отчаяніе, возбуждаетъ къ преступленію и увѣковѣчиваетъ гражданскія распри.

Наконецъ, у насъ Государь Императоръ въ 1864 году повелѣлъ, чтобы наказаніе конфискаціею, какъ и смертная казнь, назначалось сколь возможно рѣже, и лишь въ исключительныхъ случаяхъ (пол. ком. мин. 3 февр. 1874 г.).

12.

Къ § XXI убѣжища.

Подъ именемъ убѣжищъ Беккарія подразумѣваетъ не столько древнее право укрываться отъ всякаго преступленія въ храмахъ и другихъ болѣе или менѣе священныхъ мѣстахъ, — сколько существовавшій въ его время обычай не выдавать никакихъ преступниковъ изъ одного государства въ другое. Извѣстно, что древнія убѣжища уничтожались уже съ начала XVI столѣтія, — но право государствъ не выдавать никакихъ преступниковъ было тогда въ полной силѣ: ибо оно было основано на ихъ *безсиліи* и стремленіи вредить каждому другому, а въ особенности сосѣднему государству; вотъ почему онъ говоритъ: ни одинъ уголокъ вселенной не долженъ быть освобожденъ отъ прямого дѣйствія закона и, какъ тѣнь преслѣдуетъ тѣло, такъ и наказаніе должно преслѣдовать гражданина.

Теперь этотъ вопросъ нѣсколько измѣнился: *безсиліе* государствъ замѣняется ихъ *силою;* стремленіе къ общему благу замѣняетъ постыдное желаніе вредить сосѣднему государству; почти всѣ государства заключили между собою международные трактаты о взаимной выдачѣ всѣхъ преступниковъ, за исключеніемъ только такъ называемыхъ *политическихъ*. Слѣдовательно этотъ вопросъ сводится къ тому: надлежитъ ли выдавать и сихъ послѣднихъ. — Казалось бы съ перваго разу, что это необходимо; но Беккарія задумывается: онъ говоритъ, что это будетъ возможно тогда только, когда и законы всѣхъ государствъ будутъ удовлетворять тѣмъ началамъ, которыя изложены въ его книгѣ: вотъ почему намъ не слѣдовало бы терять времени: нужно спѣшить усовершенствовать наши законы.

13.

Къ § XXVI-му о преступленіяхъ противъ верховной власти.

Любопытное развитіе этой главы можно найти въ отвѣтѣ Беккаріи на критику его книги, напечатанную Доминиканскимъ монахомъ *Виченцо Факкинеи де Корфри*.

Этотъ сочинитель между прочимъ замѣтилъ, что нельзя называть ересь преступленіемъ противъ Божественной верховной власти *(lesa—maestà divina)*, какъ это дѣлаетъ Беккарія въ своей книгѣ.

На это Беккарія отвѣчаетъ, что въ его книгѣ нѣтъ ни слова, на коемъ можно было построить это ложное обвиненіе. Въ § XXVI-мъ о преступленіяхъ противъ верховной власти между прочимъ сказано, что только невѣжество и самовластіе, смѣшивая слова съ самыми ясными понятіями, могутъ дать это названіе преступленіямъ совершенно инаго свойства и потому подвергаютъ ихъ самымъ тяжкимъ наказаніямъ. Можетъ быть моему критику неизвѣстно, продолжаетъ Беккарія, до какой степени во времена насилія и невѣжества злоупотребляли словомъ *lesa—maestà*. Прямыя на это указанія мы находимъ въ законѣ Граціана, Валентиніана и Ѳеодосія, причисляющемъ къ преступленіямъ этого рода тѣхъ, кто осмѣлится сомнѣваться въ хорошемъ выборѣ Императоромъ какого либо лица на какую либо должность.

Другой законъ Валентиніана, Ѳеодосія и Аркадія причисляетъ къ тѣмъ же преступленіямъ и поддѣлывателей звонкой монеты. Для того, чтобъ освободить отъ обвиненія въ этомъ преступленіи человѣка, переплавившаго старыя и разбитыя статуи Императоровъ, необходимъ былъ указъ сената. Запрещеніе возбуждать обвиненія этого рода противъ продавцевъ императорскихъ статуй послѣдовало лишь при Северѣ и Антонинѣ; они же освободили отъ преслѣдованія и тѣхъ, кто нечаянно бросалъ камень въ статую какого нибудь Императора. Домиціанъ предалъ смертной казни одну римскую даму за то, что она однажды раздѣлась предъ его статуей. Тиберій казнилъ гражданина, продавшаго домъ, гдѣ находилась его статуя.

Въ ближайшемъ къ намъ времени можно указать на Генриха VIII, который хотѣлъ предать позорной казни Герцога Норфольскаго за то, что онъ къ своему семейному гербу присоединилъ гербъ Англіи. Онъ считалъ преступникомъ противъ верховной власти всякаго, кто осмѣливался указывать ему на возможность смерти—почему во время послѣдней его болѣзни ни одинъ изъ его медиковъ не рѣшился предварить его объ угрожавшей ему опасности.

Противъ обвиненій того же монаха Факкинеи въ подстрекательствѣ къ возмущенію противъ правительства, Беккарія отвѣчалъ: одинъ только разъ упомянулъ я въ своей книгѣ о современныхъ Государяхъ Европы и сказалъ:

«Счастливо было бы человѣчество, если бы оно получило сразу законы, и если бы эти законы были продиктованы современными Государями Европы».

Современными и предшедшими не за долго Беккаріи Государями

Европы, о которыхъ онъ могъ говорить, были: въ Россіи—Елисавета Петровна и Екатерина II; въ Пруссіи—Фридрихъ II; въ Швеціи—Густавъ III, Густавъ Адольфъ II; въ Даніи—Христіанъ VII; въ Англіи—Георгій III; въ Австріи—Леопольдъ II и Францъ II; во Франціи—Лудовикъ XVI; въ Бельгіи—Вильгельмъ IV; въ Испаніи—Карлъ III и Карлъ IV; въ Португаліи—Іосифъ, Эмануилъ и Марія; въ Италіи: Папы—Клименъ XIV и Пій VI; въ Тосканѣ—Леопольдъ и Фердинандъ; въ Неаполѣ—Фердинандъ IV; въ Сардиніи—Викторъ-Эмануилъ III.

Если, продолжаетъ Беккарія, я поощрялъ въ подданныхъ извѣстный духъ независимости, то единственно въ томъ смыслѣ, что они должны подчиняться законамъ и уважать высшихъ сановниковъ. Я желалъ бы, чтобы люди, не боясь рабства, но пользуясь свободой подъ покровительствомъ законовъ, сдѣлались бы храбрыми солдатами, защитниками отечества и престола, добродѣтельными гражданами и неподкупными судьями,—чтобъ они приносили къ подножію престола и подати и любовь всѣхъ государственныхъ состояній; чтобъ они распространяли въ хижинахъ и безопасность и надежду на постоянное улучшеніе ихъ участи.

Прошли уже времена Калигулы, Нерона, Геліогабала, и мой критикъ невѣрно оцѣняетъ Царствующихъ Государей, если предполагаетъ, что ихъ можетъ оскорбить мое ученіе.

Наконецъ Факкинеи обвиняетъ Беккарію въ томъ, что онъ возражаетъ противъ права Государей назначать смертную казнь.

На это возраженіе Беккарія отвѣчаетъ:

Такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ не о религіи и не о правительствѣ, но только о правильности умозаключенія, то мой обвинитель имѣетъ полное право вѣрить во все, что онъ желаетъ.

Моему умозаключенію я даю слѣдующій образъ:

Нельзя назначать смертной казни, если въ ней нѣтъ ни дѣйствительной пользы, ни необходимости; но смертная казнь не приноситъ дѣйствительной пользы и въ ней нѣтъ дѣйствительной необходимости: слѣдовательно нельзя никого подвергать смертной казни.

Здѣсь вовсе нѣтъ рѣчи о правахъ Государей, и вѣроятно самъ критикъ не думаетъ, чтобы слѣдовало назначать смертную казнь, когда въ ней нѣтъ ни дѣйствительной пользы, ни необходимости: такой жестокій и развратный доводъ не можетъ выйти изъ устъ христіанина.

Если вторая посылка моего умозаключенія неправильна, то это будетъ преступленіе противъ логики, а вовсе не противъ верховной власти; но можно извинить мои предполагаемыя ошибки: подобнымъ

ошибкамъ подвергались и самые ревностные христіане первоначальной церкви (*).

Подобнымъ ошибкамъ подвергались монахи временъ Ѳеодосія Великаго въ концѣ IV столѣтія.

Муратори говоритъ о нихъ въ хроникахъ Италіи. Подъ 389-мъ годомъ онъ замѣчаетъ, что Ѳеодосій издалъ законъ, которымъ повелѣлъ монахамъ оставаться въ своихъ монастыряхъ, потому что они распространяли свою благотворительность къ ближнему до того, что вырывали преступниковъ изъ рукъ законной власти, не допуская мысли, чтобы можно было умертвить человѣка.

Моя благотворительность не идетъ такъ далеко, и я безъ труда соглашусь, что благотворительность, о коей говоритъ Муратори, построена на ложныхъ началахъ.

По моему мнѣнію всякое насиліе противъ законной власти всегда преступно.

Мнѣ остается сказать еще два слова: существуетъ ли гдѣ либо законъ, воспрещающій сказать или написать, что государство можетъ существовать и сохранить внутренній миръ, не допуская смертной казни.

Діодоръ (кн. 1 гл. XLV) говоритъ, что Король Египетскій Сабаконъ заставилъ всѣхъ уважать себя и признавать за образецъ милосердія, потому что всегда замѣнялъ смертную казнь невольничествомъ и усилилъ свою власть, подвергая виновныхъ, вмѣсто смертной казни, каторжнымъ работамъ. *Страбонъ* (кн. XI) учитъ насъ, что нѣкоторые кавказскіе народы не имѣли понятія о смертной казни, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленія заслуживали тягчайшихъ изъ всѣхъ тяжкихъ наказаній.

Эта истина засвидѣтельствована Исторіею Рима, въ тѣ времена, когда законъ Порціи *(Porcia)* запрещалъ казнить смертью римскаго гражданина, если весь народъ не согласился съ приговоромъ о смертной казни. *Титъ Ливій* (кн. X гл. IX) говоритъ объ этомъ законѣ.

Наконецъ, современный примѣръ двадцатилѣтняго царствованія въ самой обширной Имперіи въ свѣтѣ, въ Россіи, доказываетъ эту истину: недавно отошедшая въ вѣчность Императрица Елисавета

(*) *Примѣчаніе Беккаріи.* Смотрите собраніе сочиненій святыхъ отцовъ. Тертулліанъ (*Apolog ch. XXXVII*) между прочимъ говоритъ, что христіане признавали слѣдующее непоколебимое правило: лучше претерпѣть смерть, чѣмъ подвергнуть ей человѣка. Въ своемъ трактатѣ объ идолопоклонствѣ (гл. XVIII и XIX) Тертулліанъ порицаетъ всѣ общественныя должности, какъ запрещенныя христіанамъ, потому что самое исполненіе ихъ невозможно безъ того, чтобы иногда не подвергать преступниковъ смертной казни.

Петровна, вступая на престолъ Царей, поклялась не казнить во все продолженіе своего царствованія ни одного преступника.

Эта достойнѣйшая владычица постоянно соблюдала счастливую обязанность ею самою на себя наложенную, не затрудняя строгаго отправленія уголовнаго суда и ни въ чемъ не нарушая общественнаго спокойствія.

Если эти событія вѣрны, то позволительно сказать, что государство можетъ существовать и быть счастливымъ, не предавая смертной казни ни одного преступника.

Мнѣ эти строки Беккаріи кажутся драгоцѣнными именно потому, что онъ говоритъ о нашей Императрицѣ съ такимъ жаромъ, съ такимъ увлеченіемъ; но не могу не замѣтить, что я не нашелъ ни въ исторіи Устрялова (Т. 2), ни въ исторіи Соловьева (Т. 21—24) подтвержденія событія, что Елисавета Петровна, вступая на престолъ Царей, поклялась не казнить во все продолженіе своего царствованія ни одного преступника.

Въ указѣ 11 декабря 1742 года, (Полн. Собр. 8682) т. е. почти вслѣдъ за возшествіемъ на престолъ, Елисавета, преслѣдуя съ царскою строгостью *взяточничество*, говоритъ: «того ради, если кто «хотя въ маломъ въ чемъ обличенъ будетъ, тотъ бы не надѣялся ни «на какія свои заслуги, ибо, яко вредитель государственныхъ правъ и «народной разоритель, *по суду казненъ будетъ смертію*». (п. 7 указа 11 декабря 1742 г.).

Эти слова возбуждаютъ нѣкоторое сомнѣніе въ дѣйствительности клятвы, о которой Беккарія говоритъ съ такимъ восторгомъ; но тѣмъ не менѣе исторія удостовѣряетъ насъ въ томъ, что Елисавета всегда стремилась къ ограниченію случаевъ смертной казни, и въ особенности въ дѣлахъ о государственныхъ преступленіяхъ.

Первый къ этому случай представился ей въ дѣлѣ личныхъ враговъ ея: Остермана, Миниха, Левенвельда и другихъ. Ихъ наказали, какъ говоритъ Устряловъ, вмѣсто *натуральной* смерти *политическою* (Русская исторія Т. II стр. 153 подъ заголовкомъ: *отмѣна смертной казни*).

Соловьевъ указываетъ по этому случаю на событія весьма важныя для объясненія мыслей Беккаріи: «17 января утромъ по всѣмъ петер- «бургскимъ улицамъ раздавался барабанный бой: народу объявляли, «что на слѣдующій день въ 10 часовъ утра будетъ совершена пуб-

«личная казнь надъ врагами Императрицы и нарушителями государ-«ственнаго порядка». (Соловьевъ Т. 21 стр. 169). Потомъ, описавъ извѣстное зрѣлище, Соловьевъ прибавляетъ: «когда народъ увидѣлъ, «что во вчерашнемъ объявленіи его обманули, *никому не отрубили «головы*, то встало волненіе, которое должны были усмирять солдаты» (стр. 171).

Таковы люди:—это новые Римляне, которые, воображая, что они въ циркѣ Нерона или Геліогабала, искали въ Остерманѣ и Минихѣ однихъ только гладіаторовъ! и вотъ развращающее дѣйствіе смертной казни! Когда народъ привыкъ до такой степени, какъ въ то время къ этому наказанію, то страшно было не подвергать ему преступниковъ, *не отрубить кому нибудь головы:* это могло возбудить волненіе, которое должны были усмирять солдаты; и вотъ послѣдствія Аннинскаго царствованія. Но Соловьевъ успокоиваетъ насъ: онъ вслѣдъ за тѣмъ прибавляетъ: «но историкъ долженъ замѣтить, что послѣ кровавыхъ «примѣровъ Аннинскаго царствованія, никто изъ людей враждебныхъ «и опасныхъ правительству не былъ казненъ смертью; при допросахъ «никого не пытали» (стр. 171).

Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи составляетъ самое лучшее доказательство стремленія Императрицы Елисаветы къ уничтоженію смертной казни; хотя она и не установила рѣшительнаго по сему предмету закона, но заботы ея и желаніе достигнуть этой цѣли читатель пойметъ, послѣ внимательнаго изученія слѣдующихъ указовъ: 23 августа 1742 г. (8601) 9 іюня, и 5 августа 1746 г. (9293, 9312), и 29 марта 1753 г. (10086, 10087).

14.

Къ § XXVII о покушеніяхъ противъ безопасности частныхъ лицъ.

Фаустенъ-Эли въ своихъ замѣчаніяхъ на этотъ § между прочимъ написалъ: рукою Беккаріи написано въ конституціи 3 сентября 1791 года это справедливое начало: конституція обезпечиваетъ, какъ естественное и гражданское право, что всѣ преступленія будутъ подлежать одинаковымъ наказаніямъ безъ всякаго различія обвиняемыхъ личностей. Онъ не объясняетъ дѣйствительно ли самъ Беккарія написалъ эти строки: можетъ быть они составляютъ только плодъ его ученія; во вся-

комъ случаѣ это показываетъ, что ученіе Беккаріи вошло не въ одно только русское законодательство, но, что оно проникло и въ другія законодательства Европы. Совершенныя въ этомъ доказательства слишкомъ извѣстны, а изложеніе ихъ потребовало бы много мѣста и времени.

15.

Къ § XXXIV о государственномъ тунеядствѣ.

Глава очень темная и требующая нѣкоторыхъ поясненій: желательно было бы разъяснить мысль автора; для этого я остановился на опредѣленіи слова *тунеядство*; приступая къ переводу я хотѣлъ сказать *праздность*, но удержалъ первое слово, какъ потому, что это древнее слово, такъ и въ особенности потому, что далѣе я долженъ былъ поставить слово *праздность* въ противуположеніе слову *тунеядство*. Періодъ, въ которомъ опредѣляется это слово *тунеядство*— я старался перевести буквально.

По моему переводу Беккарія называетъ между прочимъ тунеядцемъ того, «кто будучи лишенъ побужденій, вызывающихъ человѣка къ сохраненію и умноженію удобствъ жизни, отдастъ всѣ свои силы въ жертву страстямъ религіозныхъ вѣрованій, не менѣе опасныхъ, чѣмъ и другія страсти»: очевидно, что Беккарія, этотъ врагъ жестокихъ наказаній, этотъ человѣкъ, желавшій уменьшить и число преступленій и число наказаній, указалъ на такого рода *преступленіе*, которое до сихъ поръ еще не вошло *въ уложеніе о наказаніяхъ*.

Французскій переводчикъ 1856 года *(Faustin Hélie)* излагаетъ этотъ періодъ иначе: въ его переводѣ мы читаемъ: я хочу говорить о людяхъ, которые не знаютъ необходимости охранять или увеличивать удобства жизни, единственный *мотивъ* (я здѣсь ставлю иностранное слово только для болѣе подходящей передачи мысли переводчика), способный возбудить дѣятельность человѣка; о людяхъ, которые, *будучи равнодушными къ процвѣтанію государства*, увлекаются страстно только тѣми мнѣніями, которыя имъ нравятся, но которыя могутъ быть и опасны.

Въ одномъ изъ послѣднихъ изданій Мореллета, перваго переводчика Беккаріи, именно въ изданіи 1797 г., этотъ періодъ изложенъ

такъ: «я называю политическою праздностью ту, которая не даетъ обществу ни труда, ни богатства, которая всегда пріобрѣтаетъ, никогда не теряя; ту, которая, хотя уважается толпою съ безсмысленнымъ восхищеніемъ, но возбуждаетъ только презрѣніе мудреца, ту, которая, будучи лишена единственнаго мотива, возбуждающаго дѣятельность человѣка, т. е. необходимости сохранить и улучшить удобства жизни, оставляетъ всю свою энергію страстямъ мнѣнія, не самымъ слабымъ».

Мое вниманіе остановили на себѣ слова современнаго французскаго переводчика 1856 г. «я хочу говорить о людяхъ, *которые будучи равнодушными къ процвѣтанію государства*». Этихъ словъ ни въ итальянскомъ оригиналѣ, ни въ переводѣ Морелле нѣтъ.

Мы знаемъ, что Беккарія иногда старался быть непонятнымъ въ силу исключительныхъ обстоятельствъ того времени, когда онъ писалъ свою книгу; мы знаемъ, что онъ боролся за благосостояніе человѣчества, но не хотѣлъ быть его жертвою; что онъ умѣлъ, въ то время, когда господствовало одно только насиліе, подорвать это насиліе; что его книга, написанная въ 1764 г., не была сожжена, и самъ онъ не былъ подвергнутъ даже тюремному заключенію; мы знаемъ, что книга его была принята во Франціи съ восторгомъ, переведена, если можно такъ выразиться, въ ту же минуту, и что переводъ ея исправленъ по взаимному согласію съ самимъ авторомъ. Поэтому съ развитіемъ науки возможно было бы разрѣшить тѣ неясности, которыя Беккарія допустилъ умышленно въ своемъ сочиненіи: и вотъ *Фаустенъ-Эли* намъ вставилъ эту фразу: «*которые будучи равнодушными къ процвѣтанію государства*». Что же значитъ эта фраза? ясно, что эта фраза достояніе науки,—ясно, что мы должны думать, что Беккарія въ своей главѣ о тунеядствѣ говорилъ не *о нищихъ и бродягахъ*, а о лицахъ сильныхъ и богатыхъ, которые, выражаясь его словами, возбуждаютъ безсмысленный восторгъ толпы и презрительное сожалѣніе умныхъ людей; о тѣхъ, которые всегда пріобрѣтаютъ и никогда не теряютъ; о тѣхъ, которые въ пользу общества не приносятъ ни труда, ни богатства; однимъ словомъ онъ говорилъ *о католическихъ монастыряхъ или орденахъ*; но кто прочтетъ объясненіе французскаго переводчика на эту главу, тотъ невольно впадетъ въ очевидную ошибку.

Объясненіе его начинается слѣдующими словами:

«Эти строки могутъ быть примѣнены только къ тому виду праздныхъ людей, которые, будучи лишены всѣхъ средствъ къ существованію, и не занимаясь никакимъ ремесломъ, названы нашими законами *бродягами и нищими по своему ремеслу*».

Да развѣ Беккарія написалъ свою главу о государственномъ туне-

ядствѣ въ виду *нищихъ и бродягъ*: преслѣдуя одни только преступленія, развѣ онъ хотѣлъ наказывать тѣхъ, кто лишенъ всѣхъ средствъ къ существованію? Если вѣрить французскому юристу, то нужно было бы озаглавить эту главу слѣдующими словами: «*о бродягахъ и нищихъ*», а Беккарія говоритъ *о государственномъ тунеядствѣ*; онъ хотѣлъ ввести въ жизнь народовъ *новую мысль*, до сихъ поръ у насъ еще не освоившуюся; мысль, послѣдствія коей, въ виду многочисленныхъ ея развѣтвленій, мы не можемъ еще сознать съ достаточною ясностію.

16.

Къ § XXXVI о преступленіяхъ трудно доказываемыхъ.

Французскій юристъ *(Faustin-Hélie)* начинаетъ свои объясненія къ этой главѣ слѣдующими словами: *въ предшедшихъ замѣчаніяхъ есть что то такое, что похоже на правду.*

Я думаю, что все, что въ этой главѣ написано, есть чистая правда.

Французскій юристъ позволяетъ не наказывать прелюбодѣянія, когда оно не повлекло за собою никакихъ ощутительныхъ и вредныхъ послѣдствій; мнѣ же кажется, что въ этомъ случаѣ никто и знать не будетъ о томъ, что оно совершено: значитъ, о наказаніи и рѣчи не будетъ. Вопросъ о судѣ является тогда только, когда явились эти ощутительныя и вредныя послѣдствія.

Французскій юристъ старается доказать, что прелюбодѣяніе не хорошее дѣло;—да кто же этого не знаетъ;—вопросъ не въ томъ хорошее ли это или дурное дѣло; вопросъ въ томъ: слѣдуетъ ли его наказывать.

Французскій юристъ думаетъ, что въ виду всеобщаго развращенія нравовъ можно наказывать это преступленіе не очень строго,—онъ даже позволяетъ законодателю остановить свое вниманіе и на предразсудкахъ и на обычаяхъ.

Но подумалъ ли онъ о томъ, что еслибъ наказанія за это дѣйствіе вовсе не назначалось, то и самые нравы исправились бы, и предразсудки искоренились бы и обычаи сдѣлались бы лучше.

Наконецъ французскій юристъ, соглашаясь болѣе или менѣе съ авторомъ по вопросу о дѣтоубійствѣ, приходитъ къ тому заключенію, что этого преступленія не слѣдуетъ наказывать, когда оно не доказано. Еще бы?—Не желалъ ли онъ, чтобъ его наказывали и тогда, когда оно не доказано?

Я думаю, что напротивъ высказанныя въ этой главѣ мысли Беккаріи безусловно вѣрны:—напрасно законодатель будетъ бороться съ тѣми преступленіями, на которыя указываетъ авторъ; въ силу такого стремленія всѣ преступники останутся безъ наказанія—всѣ невинные понесутъ незаслуженный позоръ.

17.

Къ § XXXIX о родительской власти.

Эта глава мнѣ кажется самою непонятною изъ всѣхъ. О ней много написали и *Кантѝ* и *Фаустенъ-Эли*.

Французскій юристъ говоритъ, что хотя многіе и предполагали, что Беккарія возставалъ противъ основаній семейнаго права и хотѣлъ его разрушить,—но это возраженіе ошибочно. По мнѣнію *Фаустенъ-Эли*, Беккарія возражаетъ противъ древняго семейнаго духа, заглушавшаго иногда любовь къ отечеству; противъ стремленій семейнаго владыки нарушить выгоды государства. Онъ думаетъ, что Беккарія не хочетъ разрушить законную связь членовъ семейства, но боится только того, чтобъ связь эта не развила въ народѣ равнодушія къ общему благу.

Но и эта мысль кажется французскому юристу слишкомъ смѣлою. Семейство, говоритъ онъ, есть первое отечество человѣка: государство есть только развитіе семейства; за чѣмъ же ставить въ противоположеніе семейныя и государственныя выгоды: напротивъ, самое устройство государства должно во всемъ зависѣть отъ устройства семейства, составляющаго его первообразъ; оно-то и составляетъ главный оплотъ противъ ежеминутной подвижности человѣческаго ума.

Кантѝ смотритъ нѣсколько строже на этотъ вопросъ и порицаетъ Беккарію. Итальянскій юристъ считаетъ, что взглядъ Беккаріи на родительскую власть есть послѣдствіе его семейныхъ несчастій и вліянія ложнаго ученія философовъ XVIII столѣтія.

Повторивъ въ краткихъ словахъ мысли Беккаріи, Кантѝ говоритъ: и такъ самый священный союзъ приравнивается къ какому нибудь акціонерному обществу; необходимая зависимость смѣшивается съ рабствомъ; законная власть *(autoritа)*,—съ насиліемъ *(tirannia)*;

значитъ и родъ человѣческій ошибся, считавши семейство охраною общественнаго порядка. Но теперь, когда уничтожены неправильныя преимущества первородства,—уваженіе къ главѣ семейства нельзя назвать рабствомъ, и совершеннолѣтній сынъ можетъ выдѣлиться изъ семейства, если считаетъ невозможнымъ подчиняться его правиламъ и привычкамъ; теперь, съ установленіемъ законной части наслѣдства въ пользу всѣхъ наслѣдниковъ, умножились центры дѣятельности и усилилось богатство государства: слѣдовательно каждый человѣкъ чувствуетъ себя гражданиномъ. Беккарія, писавшій свою книгу при дѣйствіи прежнихъ законовъ, могъ назвать семейное счастье пустымъ кумиромъ; но кто пойметъ, что государство есть не что иное, какъ развитіе семейства, и что государственный духъ только укрощаетъ своевольство каждой отдѣльной личности, тотъ пойметъ также и то, что, съ разрушеніемъ семейства, и самое правительство обратится только въ самовластіе.

Спросимъ Беккарію, продолжаетъ Кантъ̀,—кто спасетъ насъ отъ этого? онъ отвѣтитъ: самовластный владыка, имѣющій мужество Сулы и столько же геніальности создавать, сколько тотъ имѣлъ геніальности разрушать.

И дѣйствительно: недавно еще Робеспьеръ провозглашалъ, среди безгласныхъ труповъ, что *одно только отечество имѣетъ право воспитывать сыновей своихъ: оно не можетъ довѣрить этой обязанности семейной гордости, или предразсудкамъ отдѣльныхъ личностей.*

Мое собственное мнѣніе объ ученіи Беккаріи по этому вопросу я высказалъ въ предисловіи къ моему переводу его книги.

18.

Къ § XL о фискѣ.

Слово *фискъ* происходитъ отъ названія корзинки, въ которой Римляне собирали казенныя деньги. По бо́льшей части его слѣдуетъ переводить словомъ *казна*,—но въ § XL-мъ книги Беккаріи ему дано особое значеніе. Здѣсь говорится только о доходахъ, получаемыхъ казною за совершеніе преступленій; здѣсь доказывается вредъ назначенія за преступленія денежныхъ въ пользу казны взысканій: поэтому слово *фискъ*, поставленное въ заголовкѣ, необходимо было перевести объяснительною фразою: *преступленія, какъ источникъ государственныхъ доходовъ.*

Не нужно забывать, что прилагательное *фискальный* очень часто значитъ *казенный*, но иногда въ практикѣ оно получаетъ другое значеніе; подъ именемъ *фискальныхъ интересовъ* или *фискальнаго духа*, *фискальнаго толкованія* законовъ нерѣдко подразумѣваютъ стремленіе толковать *фискальные* законы неправильно: противъ частныхъ лицъ исключительно въ пользу казны, и въ этомъ именно смыслѣ оно примѣнялось во времена Беккаріи къ преступленіямъ; противъ чего собственно онъ и возстаетъ. Злоупотребленіе этого рода допускалось у насъ недавно въ откупныхъ дѣлахъ, но съ уничтоженіемъ откупной системы оно значительно уменьшилось.

Все это показываетъ, что, сохраняя на русскомъ языкѣ этотъ иностранный терминъ, мы не всегда можемъ передать вѣрно самую мысль автора.

19.

Отрывки изъ письма Вольтера къ Беккаріи о случаяхъ пытки во Франціи послѣ изданія его книги.—Дѣло рязанскаго окружнаго суда.—Статистическій конгресъ во Флоренціи.

Хотя Беккарія и утверждаетъ, что онъ возставалъ только противъ злоупотребленій, допускавшихся въ прошедшихъ столѣтіяхъ, а не въ его время, но это не вполнѣ справедливо; по крайней мѣрѣ событія его времени этого не подтверждаютъ.

Вольтеръ, въ письмѣ своемъ къ Беккаріи, указываетъ на утвержденное Парижскимъ парламентомъ рѣшеніе Аббевильскаго суда, состоявшееся 28 февраля 1766 года, т. е. черезъ два года, послѣ выхода въ свѣтъ его книги.

Сущность дѣла состоитъ въ слѣдующемъ: нѣсколько молодыхъ людей отъ 18 до 22 лѣтъ, и въ числѣ ихъ *Д'Еталондъ* и кавалеръ *Ла-Барръ* обвинялись въ томъ, что они пѣли безнравственныя пѣсни, произносили разныя богохульственныя слова и, проходя въ тридцати шагахъ отъ шествія духовенства, не сняли шляпъ своихъ.

Ни доказательствъ совершенія этихъ поступковъ, ни даже какихъ либо важныхъ уликъ слѣдствіемъ не добыто; не взирая на то, судъ присудилъ ихъ къ слѣдующимъ наказаніямъ:

1) Д'Еталонда, Судъ-приказали: а) отрѣзать ему языкъ до корня, что исполнялось тогда такимъ образомъ: если самъ обвиняемый не выдвигалъ своего языка, то ему вырывали оный желѣзными щипцами.

б) *приказали:* кромѣ того отрѣзать ему правую руку у преддверія главнаго городскаго храма, повести его въ позорной колесницѣ на базаръ, въ желѣзныхъ цѣпяхъ, привязать къ позорному столбу и сжечь медленнымъ огнемъ.

Д'Еталондъ бѣжалъ и тѣмъ избавился отъ этого ужаснаго наказанія; но *Ла-Барръ* былъ ему подвергнутъ.

Судьи, замѣчаетъ Вольтеръ, имѣли человѣколюбіе смягчить въ отношеніи къ нему свое рѣшеніе: ему сначала отрубили голову и потомъ уже сожгли на медленномъ огнѣ; но за то они усилили это наказаніе въ другомъ отношеніи: *Ла-Барръ* былъ подвергнутъ обыкновенной и усиленной *(extraordinaire)* пыткѣ, съ цѣлью вымучить отъ него указаніе его сообщниковъ. Это исполнено слѣдующимъ образомъ: ноги его были закованы между досками, въ которыя потомъ вбивали желѣзные или деревянные клинья, которые и разбивали ему кости; затѣмъ *Ла-Барръ* потерялъ чувства, но былъ приведенъ въ себя помощью спиртныхъ напитковъ, и объявилъ, не жалуясь, что сообщниковъ у него не было.

Зрѣлище это, говоритъ Вольтеръ, было ужасно. Для представленія его изъ Парижа выслали пять палачей.

«Я предоставляю», продолжаетъ Вольтеръ, обращаясь къ Беккаріи, «вашему человѣколюбію и мудрости обсудить это происшествіе «столь ужасное, столь странное, предъ коимъ исчезаютъ всѣ предпола«гаемыя казни нашихъ первыхъ христіанъ.—Соболѣзнованіе и ужасъ, «мною овладѣвающіе, не позволяютъ мнѣ прибавить къ этому ни од«ного слова».

Мнѣ нравится этотъ обычай мыслителей прошедшаго столѣтія. Близко принимая къ сердцу дѣла, въ коихъ частныя неизвѣстныя имъ лица подвергались незаслуженнымъ страданіямъ, и сообщая, единственно въ стремленіи къ общественному благу, свои мнѣнія объ этихъ дѣлахъ другъ другу, не смотря на различіе своихъ національностей, они всегда ожидали и хорошаго совѣта и надлежащей помощи отъ людей, съ которыми вовсе не были знакомы.

Сочиненіе Вольтера: *защита угнетенныхъ*, знаменитое вмѣшательство его въ дѣло казненнаго Каласа, трактатъ о терпимости,—и наконецъ переписка Беккаріи съ Морелletомъ и Д'Аламбертомъ составляютъ для насъ въ этомъ отношеніи поучительные примѣры.

Въ наше время эти чувства были бы несовременны: теперь покажется страннымъ, если даже судья съ увлеченіемъ будетъ доказывать, что никакого человѣка, даже еврея, нельзя, при отсутствіи совершенныхъ и несовершенныхъ доказательствъ и какихъ либо важныхъ уликъ, лишать всѣхъ правъ состоянія и ссылать въ каторжныя работы. Теперь такого рода дѣла, и, скажу болѣе, теперь ничего не слѣдуетъ принимать близко къ сердцу: нынче нужно быть прежде всего равнодушнымъ ко всему, что насъ окружаетъ; ко всему, что при насъ совершается.

Съ другой стороны это письмо Вольтера напомнило мнѣ дѣло, рѣшенное въ текущемъ году Рязанскимъ окружнымъ судомъ о бывшемъ Становомъ Приставѣ, Титулярномъ Совѣтникѣ Поповѣ, по обвиненію его въ превышеніи власти и истязаніи крестьянъ за неплатежъ податей.

Но объ этомъ дѣлѣ я здѣсь говорю уже въ отношеніи къ другой мысли Беккаріи,—когда онъ, стараясь доказать необходимость скорѣйшаго усовершенствованія законодательства, говоритъ, что народные нравы, обычаи и законы отстаютъ всегда болѣе столѣтія отъ правильнаго развитія просвѣщенія.

Дѣло, рѣшенное Рязанскимъ окружнымъ судомъ, служитъ весьма важнымъ подтвержденіемъ этой мысли.

У насъ, напримѣръ, пытка уничтожена еще въ прошедшемъ столѣтіи,—гораздо прежде чѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ Западной Европы, а тѣлесныя наказанія отмѣнены болѣе 15 лѣтъ тому назадъ; но все же Становой Приставъ, Титулярный Совѣтникъ Поповъ считалъ себя вправѣ и имѣлъ надлежащую силу быть *тираномъ* и производить надъ крестьянами такого рода истязанія, которыя нельзя не признать или пыткою, или дѣйствіями, воспрещенными указомъ 17 апрѣля 1863 года.

Правительство тотчасъ же обратило на это надлежащее вниманіе: начальство удалило его отъ службы; судебная власть предала его суду; судъ его осудилъ: правда восторжествовала, но крестьяне все же потерпѣли незаслуженныя истязанія вслѣдствіе самовластія становаго пристава.

Очевидно, что народные нравы и обычаи неохотно и медленно слѣдуютъ за улучшеніемъ законодательства.

Не видимъ ли мы ежедневно, что не только судебные уставы 1864 года, но даже и крестьянскія положенія 1861 года до сихъ поръ еще порицаются людьми, достойными въ обыденной жизни полнаго уваженія: такъ трудно намъ стереть съ себя эту накопившуюся въ теченіе многихъ столѣтій ржавчину, о которой упоминаетъ Беккарія.

Если въ наше время даже становой приставъ могъ считать себя своевольнымъ владыкою и показать это на дѣлѣ, то что же можетъ совершаться, если чувства его найдутъ себѣ мѣсто въ душѣ человѣка, несравненно выше его поставленнаго.

Еще не могу не вспомнить здѣсь о статистическомъ конгресѣ, бывшемъ во Флоренціи, кажется въ 1867 году; тамъ два нашихъ представителя вошли между собою по вопросу объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній въ Россіи въ нѣкоторое неважное разномысліе.

Одинъ изъ нихъ доказывалъ, что указомъ 17 апрѣля 1863 года тѣлесныя наказанія отмѣнены у насъ *рѣшительно*; другой, соглашаясь съ тѣмъ, что они *отмѣнены*, замѣтилъ, что они не могли быть отмѣнены *рѣшительно*: ибо все же они у насъ *необходимы* по недостатку мѣстъ заключенія.

Въ сущности оба они были правы; но Итальянцы смутились этимъ разномыслiемъ и кажется подумали, что тѣлесныя наказанія отмѣнены у насъ только для виду.

Не доказываетъ ли и это ту же мысль Беккаріи, что законодатель долженъ спѣшить установленіемъ мудрыхъ законовъ, потому что нравы и обычаи народовъ далеко отстаютъ отъ правильнаго развитія просвѣщенія; а гдѣ же, если не въ законахъ, кроется корень просвѣщенія?

20.

Мнѣніе Канту о значеніи наказа 1767 года. Краткое изложеніе этого наказа словами Канту.

Все, что говорятъ о Россіи иностранные писатели, не можетъ не интересовать насъ: если насъ хвалятъ, намъ пріятно, а если ругаютъ, намъ полезно,—и потому я счелъ нужнымъ включить въ

число приложеній одну страницу изъ сочиненія Цезаря Кантѣ, гдѣ онъ излагаетъ основныя положенія наказа Екатерины II.

«Въ Россіи,—говоритъ онъ,—стремленіе къ благу наибольшаго «числа людей распространялось не въ народѣ, а въ царствующихъ «особахъ, которыя и взяли на себя починъ этого важнаго дѣла.

«Екатерина I уничтожила висѣлицы и колесованіе.

«Елисавета поклялась не подвергать никого смертной казни и «исполнила эту клятву въ теченіе двадцати-лѣтняго царствованія.

«Екатерина II,—разсчитывая на хвалы современныхъ ей филосо«фовъ, издала свой знаменитый *наказъ о сочиненіи проекта новаго «уложенія*, гдѣ въ статьяхъ, касающихся преступленій и наказаній, «задаются основные и практическіе вопросы и разрѣшаются всегда и «въ смыслѣ, и въ порядкѣ, и даже самыми словами Беккаріи».

«Вотъ онѣ: всякое наказаніе несправедливо, если оно не необходимо; «жестокія наказанія безполезны и часто несправедливы; право назна«чить наказаніе принадлежитъ только законодателю, а не судьѣ, точно «также, какъ и право толкованія законовъ,—и было бы въ высшей сте«пени опасно слѣдовать духу законовъ, болѣе чѣмъ словамъ: ибо люди «имѣютъ разныя точки зрѣнія на предметы ихъ окружающіе, и потому «предоставить судьѣ право толковать законы значитъ тоже, что пре«дать обвиняемаго произволу судьи; нельзя арестовать никого при «отсутствіи законныхъ уликъ; пытка уничтожается: ибо никого «нельзя наказывать прежде осужденія; уничтожается также пытка для «открытія сообщниковъ преступленія».

«Наказанія должны быть соразмѣрны преступленіямъ; они должны «дѣлать рѣзкое и постоянное впечатлѣніе на человѣка, но насколько «возможно менѣе его оскорбляющее; смертная казнь не исправила «никакого народа и можетъ быть допущена только во время возмуще«ній и безначалія; ни одинъ гражданинъ не долженъ бояться другого; «но всѣ должны бояться закона. *Лучше освободить десять виновныхъ «чѣмъ осудить одного невиннаго*» (*).

«Наказанія должны быть равны во всѣхъ безъ изъятія мѣстностяхъ «Имперіи; они должны быть всѣмъ извѣстны, непоколебимы, и испол«няться вслѣдъ за преступленіемъ; но всего важнѣе предупреждать «преступленія,—а самое главное для этого средство *воспитаніе*».

(*) *Примѣчаніе переводчика.* Замѣчательно, что многіе, даже русскіе, дѣлаютъ эту ошибку, приписывая этотъ знаменитый *афоризмъ* Екатеринѣ II, между тѣмъ какъ онъ введенъ въ наше законодательство Петромъ Великимъ. Въ настоящихъ приложеніяхъ это доказано выпискою изъ воинскаго устава 1716 года (см. прил. 10 стр. 174).

«Для того, чтобы изъ этой теоріи создать законъ, Екатерина II «собрала что-то въ родѣ учредительной думы (*convenzione nazionale*), «но изъ 5957-ми законодательныхъ актовъ философа-Императрицы «мы видимъ куда практика низвела теорію».

Кажется, что эти слова Кантў не требуютъ никакихъ поясненій; одно только возбудило во мнѣ нѣкоторое сомнѣніе: это цифра 5957; желая знать, какъ итальянскій юристъ относился къ русскому законодательству, я сдѣлалъ свои обычныя розысканія,—и не могъ не удивиться тому, что онъ, писавши свою книгу, справился съ полнымъ собраніемъ законовъ Россійской Имперіи, и если сдѣлалъ ошибку, то развѣ только ариѳметическую: въ полномъ собраніи законовъ напечатано 5947 указовъ Екатерины II.

Мнѣ нравится, что Итальянцы такъ внимательно изучаютъ исторію Русскаго законодательства.

21.

Заключительныя слова предисловія Фаустенъ-Эли о значеніи книги Беккаріи.

Мнѣ хотѣлось бы бросить нѣсколько лучей свѣта на оказанныя этимъ авторомъ наукѣ уголовнаго права заслуги, которыми въ послѣднее время напрасно начинаютъ у насъ пренебрегать.

Беккарія былъ истиннымъ преобразователемъ нашихъ уголовныхъ законовъ; если онъ не придалъ своей книгѣ вида научнаго изслѣдованія, если онъ не развилъ въ ней своей учености, не подтвердилъ своихъ выводовъ разсужденіями и доказательствами, то все же книга его, имѣя менѣе важности, въ высшей степени полезна.

При бо̀льшей учености, Беккарія не повлекъ бы за собою общественнаго мнѣнія, обратившаго его задачи въ законы, а можетъ быть онъ не имѣлъ бы и той смѣлости въ своихъ выводахъ, которую мы въ немъ замѣчаемъ.

Свѣтлый его разумъ и горячая любовь къ правдѣ — вотъ двѣ силы, поддерживавшія его среди мало извѣстнаго ему пути; и этихъ силъ было достаточно, для того, чтобы побороть древнія законодательства, уже

склонявшіяся подъ тяжестью своихъ злоупотребленій, и показать ученымъ изслѣдователямъ уголовнаго права все ихъ ничтожество.

Но дерзкое его произведеніе не остановилось на этомъ.

Если онъ покрылъ почву развалинами, то въ то же время, не создавая еще, далъ возможность выстроить великолѣпное зданіе современнаго законодательства.

Онъ пальцемъ показалъ мѣстность, гдѣ слѣдовало строить это зданіе, *онъ* выкопалъ пограничные рвы, *онъ* приготовилъ запасы для постройки, *онъ* нарисовалъ общій планъ и лицевую сторону зданія.

Защищая преобразованія, онъ указывалъ и на ихъ существенную задачу; обнаруживая злоупотребленія, онъ открывалъ великія начала нравственности, которыя останутся краеугольнымъ камнемъ уголовной правды.

Вотъ заслуга, которую я желалъ бы связать съ его памятью.

Увлекающійся мыслитель, употребляющій всѣ свои досуги только на грезы о благосостояніи человѣчества, онъ проводитъ жизнь въ мирѣ, и спокойно развиваетъ свое ученіе, какъ законодатель—не доказывающій пользы законовъ: — таково было его убѣжденіе въ основательности своихъ выводовъ.

Съ свойственною ему скромностью онъ розыскивалъ истину, и если и сдѣлалъ нѣсколько ошибокъ, то даже враги его никогда не укоряли его въ недобросовѣстности.

Впрочемъ, онъ всегда простымъ здравымъ смысломъ доходилъ до настоящихъ истинъ, но вмѣсто того, чтобъ изложить ихъ ясно и вывести одну изъ другой по законамъ логики, онъ высказываетъ ихъ только въ половину: ему какъ будто нравится показать на одно мгновеніе и тотчасъ же скрыть обнаруживаемую имъ истину.

Книгу его не слѣдуетъ *только* читать: въ нее нужно *вдумываться*.

Это богатая почва, ежеминутно оплодотворяемая трудомъ; и этотъ трудъ, который я на себя взялъ, не лишенъ своей заманчивости: срываемыя наукою покрывала нерѣдко показываютъ намъ блестящіе лучи солнца.

Наконецъ, ученіе Беккаріи далеко опередило свой вѣкъ: даже и теперь, когда бо́льшая часть его мыслей получила силу законовъ, стремленіе къ совершенству заставляетъ насъ принимать даже и тѣ изъ нихъ, которыя еще не вошли въ законодательство.

Мало найдется людей, о которыхъ можно было бы сказать тоже самое — по истеченіи цѣлаго столѣтія послѣ выхода въ свѣтъ какой нибудь ихъ работы.

Что же можно сказать послѣ этихъ заключительныхъ словъ французскаго юриста?

Мнѣ остается только сожалѣть о томъ, что противъ нѣкоторыхъ страницъ его объясненій я сдѣлалъ самыя неважныя возраженія: но въ этомъ я вижу только доказательства несовершенства человѣческой природы.

22.

Списокъ иностранныхъ словъ, употреблявшихся въ переводахъ книги Беккаріи.

Абсурдъ, августѣйшій, авторитетъ, аггрегатъ, анализировать, анархія, апаратъ, ассоціація.

Безформенно.

Деспотисмъ, дуэль.

Идея, изолированный, индивидуализированіе, индивидъ, индиферентно, инквизиціонный, интенсивность, интересъ, интерпретація, инфамія.

Классъ, кодексъ, кодификація, комбинація, комбинировать, компелированныхъ, констатировать, контробанда, контробандиръ, конфискація, коронованный, криминалистъ.

Лабиринтъ.

Магистратъ, магическій, методическій, механисмъ, миссіонеръ, моментъ, монументъ, моральный, мотивъ.

Натура, нація.

Оппозиція, организованный.

Парадоксъ, паралогисмъ, патріотъ, педерастія, плебсъ, политическій, практиковать, прецедентъ, привиллегіи, привиллегированный, прогрессъ, продуктъ, пропорціональный, публицистъ, публично, публика, пунктъ.

Реальный, революція, регистрація, регулированный, резиденція, результатъ, репрессія, республика, рефлективный.

Секта, серіозно, силогисмъ, симметрія, система, систематизировать, систематическій, спектакль, стимулъ, сфера, субординація, суггестивный.

Теологъ, теорема, территорія, тиранія, трагическій, традиція, тронъ, трофей.

Фактъ, фальшивый, фанатисмъ, фанатическій, физическій, философъ, фискъ, форма, формальность.

Центръ, концентрировать, циркулировать.
Экстентивность, элементарный, энергія, энтузіасмъ.
Химера.

Здѣсь всего 110 словъ; нѣкоторыхъ терминовъ я не могъ исключить изъ перевода; таковы напримѣръ: *авторъ*, *афоризмъ*, *аксіома*, *догматъ*, *инструментъ*, *критикъ*, *масса*, *монархъ*, *политикъ*, *рискъ*, *терминъ*, *эпиграфъ*, а можетъ быть и нѣкоторые другіе.

БИБЛІОТЕКА
ИНСТИТУТА КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№

КНИГИ ТОГО-ЖЕ ИЗДАТЕЛЯ:

1) **Уставы гражданскаго судопроизводства Сардиніи и Венгріи. 1859 г. Цѣна 2 рубля, вѣсов. за 2 фунта.**

2) **Гражданское уложеніе итальянскаго королевства и русскіе гражданскіе законы.** Опытъ сравнительнаго изученія системы законодательствъ. **2 тома. 1869 г. Цѣна 1 р. 50 к., вѣсов. за 3 фунта.**

3) **Торговое уложеніе итальянскаго королевства и русскіе торговые законы.** Опытъ сравнительнаго изученія системы законодательствъ. **1870 г. Цѣна 1 р., вѣсов. за 2 фунта.**